КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

МАЙ

1897 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго**, Михайловск. ул., собств. домъ.

ОСТРОЖСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ШКОЛА.

(Историко-критическій очеркъ).

Судьба острожской школы представляетъ одинъ изъ интереснѣйшихъ, хотя, къ сожалѣнію, мало выясненныхъ и мало извѣстныхъ эпизодовъ исторіи западнорусскаго просвѣщенія. Хотя XVI и XVII-му вѣкамъ исторіи Западной Россіи очень посчастливилось, такъ какъ десятки томовъ Актовъ, Памятниковъ, Архива и т. п. изданій, вышедшихъ до настоящаго времени въ свѣтъ, даютъ богатѣйшій матеріалъ для характеристики почти всѣхъ сторонъ политической, гражданской, церковной и вообще культурной жизни западнорусскаго народа и общества, надъ чѣмъ и потрудилось уже немало изслѣдователей,— школьный вопросъ все еще играетъ роль пасынка. Имъ во всей его широтѣ до сихъ поръ не занялся ни одинъ историкъ западнорусской жизни и до сихъ поръ для него не приготовлены матеріалы, въ родѣ германскихъ Monumenta pedagogica... Впрочемъ, мы почти убѣждены, что едва-ли и возможно изданіе хотя бы одного тома такихъ чисто педагогическихъ матеріаловъ: ихъ дошло до насъ очень немного. Особенно же сильно страдаетъ отъ скудости ихъ исторія острожскаго училища, несмотря на то, что оно въ теченіе полустолѣтія было одной изъ видпѣйшихъ нашихъ школъ, стоявшихъ на стражѣ православія и русской народности, противъ которыхъ вели систематическую борьбу

католики и протестанты, избравшіе для того въ числѣ другихъ орудій—просвѣщеніе.

Вопросъ объ острожской школѣ распадается въ нашемъ изслѣдованіи на слѣдующіе частнѣйшіе вопросы: I) Происхожденіе острожской школы, II) Характеръ ея, III) Внѣшняя исторія и IV) Виднѣйшіе представители острожской учености.

I.

Основателемъ острожской школы былъ кіевскій воевода, извѣстный князь Константинъ (Василій) Константиновичъ Острожскій, который открылъ ее около 1580 г. Въ настоящее время это положеніе можно считать за историческую истину. Но въ литературѣ дата основанія острожской школы колеблется такъ сильно, что между предѣльными пунктами времени, указываемыми для этого событія, находится промежутокъ ни болѣе, ни менѣе какъ въ цѣлое столѣтіе. Нѣкоторые историки относятъ его, къ самому началу XVI ст. или даже къ 1498 г., связывая учрежденіе школы съ именемъ Константина Ивановича Острожскаго, а князю Константину Константиновичу приписывая преобразованіе ея въ высшую, подъ вліяніемъ люблинской уніи, грозившей православной вѣрѣ и русской національности [1]). Но нѣтъ рѣшительно никакихъ слѣдовъ существованія острожской школы ранѣе 1581 г. и тѣмъ менѣе можно настаивать на основаніи ея кн. Константиномъ Ивановичемъ. Та надгробная надпись, въ которой профессоръ виленскаго университета Ярошевичъ видѣлъ доказательство своего положенія объ учрежденіи школъ этимъ княземъ [2]), едва-ли можетъ убѣдить насъ въ этомъ: текстъ

---

[1]) Волынскія губ. вѣдомости, 1864, № 15. *Проф. Петровъ*, „Очеркъ Исторіи православной школы на Волыни“ въ Трудахъ кіев. дух. академіи, 1867, I, 181. 182 *Архим. Арсеній*, „Патріархъ Кириллъ Лукарисъ и его заслуги для прав. церкви, изд. 2, 1881 г., стр. 75 (Первое изданіе книжки вышло въ 1870 г. подъ фамиліей свящ. Брянцева).

[2]) *Jaroszewicz*, Obraz Litwy, III, 82 и прим. 90 на 216 стр. Надпись, на которую ссылается онъ, помѣщена въ „Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ“, I, 403, прим.: „Константинъ Іоанновичъ князь Острожскій, Гетманъ вел. Княжества Литовскаго, Защищеніемъ Восточнаго благочестія и храбростію въ бра-

ея показываетъ, что она не современна смерти К. И. Острожскаго, а, быть можетъ, только нѣсколькими годами моложе стихотворной эпитафіи печерскаго монаха Аѳанасія Кальнофойскаго, который распространилъ ея содержаніе [1]). Эту надпись можно отнести къ концу XVI или началу XVII ст., когда значеніе училищъ настолько выяснилось предъ сознаніемъ западнороссовъ, что имъ казалось немыслимымъ, чтобы не заботился о просвѣщеніи такой идеальный князь, какимъ представлялся К. И. Острожскій. Въ силу этого и Кальнофойскій приписалъ Константину Ивановичу заботливость объ образованіи; мало того, въ своей эпитафіи онъ заставляетъ князя „для людей рыцарскихъ оставить въ Марсовой Академіи копья съ саблями," что является уже чистымъ анахронизмомъ, такъ какъ учрежденіе рыцарской школы, проектированное для Украины въ 1594 г. кіевскимъ католическимъ епископомъ Іосифомъ Верещинскимъ [2]), должно относить ко времени никакъ не ранѣе 1633 г., когда коронаціонный сеймъ согласился устроить ее во Львовѣ [3]).

Но и кромѣ того есть положительныя данныя, удостовѣряющія, что основателемъ острожской школы былъ князь Константинъ Константиновичъ,—основателемъ, а не преобразователемъ. Таково, прежде всего, ясное, хотя и не опредѣляющее точно времени учрежденія училища свидѣтельство одного изъ виднѣйшихъ членовъ львовскаго братства Юрія Рогатинца. „Чрезъ долгій часъ, говоритъ онъ въ „Перестрогѣ", написанной въ первые годы XVII ст., святѣйшіе патріархове панства нашого не навѣжали особами своими, толко чрезъ посланцовъ своихъ... Того часу, по зезволенію Божіемъ, благовѣрный князь Константинъ Кон-

---

нѣхъ пресловутый, многія церкви Божія, ради отроковъ училища, странноприимницы немощныхъ ради, въ княженіи своемъ Острожскомъ и въ стольномъ градѣ Литовскомъ Вильнѣ создавши, вторую Геесиманію пресвятыя Богородицы Печерскія домъ учредилъ пребогатно, въ немъ же яко ктиторъ именитый, по представленіи своемъ сподобися положенъ быти 1533".

[1]) Τερατουργημα, 1638 стр. 34.

[2]) „Кіевская Старина", 1894, I, 228.

[3]) Volumina legum, III, 376. Лукашевичъ отрицаетъ, впрочемъ, что она тогда же была заведена (Historya szkoł w Koronie i w. ks. Litewskim. Poznań, 1849, I, 441. 442).

стантиновичъ умыслилъ утвердити православную вѣру, предками своими вездѣ уфундованную. И напервѣй старался у свят. патріарха, абы ся здѣ дидаскаловъ ко розмноженію наукъ вѣрѣ православной зослалъ; а онъ на то маетностями свооими ратовати готовъ и доложенья ихъ на то не жалуетъ, яко южъ *збудовалъ школу*, шпиталь и маетностями ихъ надарилъ, и такожъ Словенскую и Грецкую у Острогу заложилъ друкарню, обралъ со благословеніемъ и зосланіемъ патріарха вселенского, и тое все заложилъ" [1]) Подобнымъ же образомъ говоритъ объ основаніи острожской школы Константиномъ Константиновичемъ Іаковъ Суша, холмскій уніатскій епископъ: по его словамъ, князь воздвигъ (erexit) въ Острогѣ школу (palaestram) не только славянскаго языка, но и латинскихъ и греческихъ наукъ, въ которой воспиталъ многочисленную русскую молодежь, какъ дворянскаго, такъ и плебейскаго происхожденія [2]).

Для насъ нѣтъ сомнѣнія, что острожское училище получило начало при Константинѣ Константиновичѣ, но когда именно?

Здѣсь, прежде всего, должны быть отвергнуты 1593 и 1595 годы, указываемые писателями, ставящими учрежденіе острожской школы въ связь съ попыткой князя К. К. Острожскаго парализовать стремленіе высшаго русскаго духовенства къ уніи съ римской церковью [3]), такъ какъ мы еще задолго до обнару-

[1]) А. З. Р., IV, стр. 205. 206. Въ пользу авторства Юрія Рогатинца по отношенію къ Перестрогѣ высказываются такіе историки, какъ г. *Ив. Франко* и недавно скончавшійся *А. Брикнеръ*, (Franko, „Z dziejów synodu Brzeskiego 1596 r." Kwartalnik historyczny, 1895 zesz. I, 19—22. Brückner A., „Spory o unię w dawnj literaturze": Kwart. hist., 1896, zesz. III, 600. 605).

[2]) *Susza*, Saulus et Paulus, Romae, 1666, p. 15, 16 (Въ 1864 г. іезуитъ Мартыновъ переиздалъ это сочиненіе подъ заглавіемъ „Vita M. Smotriscii, auctore Iacobo Susza).—Г. Лукьяновичъ, новѣйшій историкъ острожской школы, списокъ лицъ, на мнѣніяхъ которыхъ онъ опираетъ мысль объ основаніи ея К. К., а не К. И. Острожскимъ, доводитъ до послѣдняго времени, называя въ числѣ ихъ Нѣсецкаго, Стебельскаго, Сарчинскаго, Гарасіевича (1862.). („Къ вопросу объ острожской школѣ"— Волынскія епарх. вѣдом., 1881 г., 772—774).

[3]) *Lukaszewicz*, Dzieje kościołów wyznania Helweckiego w Litwie, I, 81, Ejusdem, Hist. szkół, I, 350. 351. *Елеонскій*, „Мол. Смотрицкій" (Прав. Обозр., 1861, іюнь, 115. Кирило-Меѳодіевскій сборникъ, изд. И. Мартынова, I (1863), пред. XXIII. XXIV *Stecki*, Wołyń, 1864, I. 139 *А. Гожалчинскій*, „Іезуитскія школы въ юго-западной Россіи" (Тр. кіев. дух. академ. 1864, II, 119). Всѣ эти писатели идутъ, очевидно, вслѣдъ за Сушей (о. с., 15).

женія владыками *уніональныхъ* тенденцій встрѣчаемъ упоминаніе о ней. Это — свидѣтельство извѣстнаго дипломата іезуита Антонія Поссевина. Ознакомившись по пути къ королю Стефану Баторію и царю Ивану Васильевичу, примирить которыхъ онъ былъ посланъ, съ положеніемъ церковныхъ дѣлъ въ зап. Россіи, Поссевинъ писалъ въ концѣ 1581 г., что „князья русскіе, каковы (напр.) Слуцкій и Острожскій, имѣютъ свои типографіи и школы, которыми далеко и широко распространяется схизма“ [1]).

Конечно, нужно положить по меньшей мѣрѣ два или три года для того, чтобы вновь учрежденная въ Острогѣ школа дѣйствительно могла получить такое значеніе для православія. Но нельзя слишкомъ далеко отодвигать начало ея отъ 1581 г., т. е. къ 1570 г. или даже еще ранѣе, какъ дѣлаетъ г. Лукьяновичъ, помѣщающій его между 1554 и 1564 годами. Противъ послѣдней даты говоритъ какъ отсутствіе другихъ доказательствъ, такъ и невѣрность того положенія, на которомъ она опирается. Именно г. Лукьяновичъ, повѣривъ Стебельскому, что „три сына Константина—Константинъ, Янушъ и Александръ въ малолѣтствѣ получили образованіе въ острожскихъ школахъ, основанныхъ ихъ отцомъ для изученія различныхъ языковъ, преимущественно же латинскаго, греческаго и славяно-русскаго“, хронологически вычислилъ, что это могло совершиться въ промежутокъ времени между 1554 и 1564 годами [2]). Но насколько хорошо былъ освѣдомленъ объ этомъ предметѣ самъ Стебельскій, видно изъ сопоставленія этого его извѣстія съ другимъ, по которому князь К. К. Острожскій поручилъ воспитаніе и образованіе трехъ своихъ сыновей Максиму (Мелетію) Смотрицкому [3]). Между тѣмъ по-

---

[1]) „Habent ii Duces, quales sunt Ostrogiae et Slucensis, typographias et scholas, quibus longe lateque schisma fovetur“. Commentarius primus de rebus Moscoviticis ad religionem spectantibus (Starczewski, Historiae ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI, t. II, 286—О слуцкой школѣ исторія не сохранила болѣе указаній.

[2]) *Stebelski*, Geneal gia xx. Ostrogskich, Ш. 112, Вол. епарх. вѣд., 1881 г., 772—775 (ср. 767—769).

[3]) Dwa wielkie światla na horyzoncie Polockim... Tomik I, 1781. Opisania awtorów. Smotrzyski Melecyusz.

слѣдній родился только около 1578 г. и былъ, слѣдовательно, моложе своихъ мнимыхъ учениковъ [1]).

Относя учрежденіе острожской школы ко времени „около 1580 г.“, мы понимаемъ эту дату такъ, что она можетъ захватывать нѣсколько лѣтъ, предшествовавшихъ этому году. Мы склонны ставить основаніе школы въ связь съ устройствомъ въ Острогѣ типографіи, нужды которой, быть можетъ, и вызвали къ жизни училище. Правда, намъ не извѣстенъ точно и годъ основанія типографіи. Мы можемъ только предполагать, что мысль о послѣдней возникла у князя Острожскаго не ранѣе 1575—1576 г. г., т. е. не ранѣе сближенія его съ Иваномъ Ѳедоровымъ, первымъ русскимъ книгопечатникомъ.

Діаконъ Ив. Ѳедоровъ [2]) появился въ предѣлахъ западной Россіи въ 1565 году, когда онъ долженъ былъ, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ Петромъ Мстиславцемъ, спасать свою жизнь отъ ярости московской черни, оказавшейся еще не въ состояніи оцѣнить блага Гуттенбергова изобрѣтенія. Оба эти „сѣятеля словесныхъ сѣмянъ“ нашли на первыхъ порахъ пріютъ у пана Ходкевича и въ его имѣніи Заблудовѣ (въ нынѣшнемъ бѣлостокскомъ уѣздѣ) напечатали въ 1568—9 г. г. Учительное Евангеліе, замѣчательное, между прочимъ, тѣмъ, что при изданіи его впервые былъ возбужденъ вопросъ о переводѣ его „на простую молву“, т. е. на народную, западнорусскую рѣчь. Послѣ удаленія Мстиславца въ Вильну, Ѳедоровъ одинъ издалъ Апостолъ и затѣмъ удалился во Львовъ, такъ какъ Ходкевичъ оказался болѣе не въ силахъ поддерживать типографію. Во Львовѣ Ѳедорову стоило большихъ трудовъ, немалыхъ слезъ и моленій на колѣняхъ завести свою „друкарню“. Но въ ней онъ напечаталъ только Апостолъ (1574) и затѣмъ долженъ былъ заложить ее

---

[1]) *Голубевъ*, Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники, I, 92. Младшій изъ трехъ сыновей Константина Константиновича Александръ въ 1592 г. уже женился. (Monumenta confraternitatis Stauropigianae Leopoliensis, I, № 257).

[2]) Источниками для исторіи Ив. Ѳедорова служатъ предисловіе его къ Апостолу 1574 (Львовъ) и нѣкоторые документы, обнародованные А. С. Петрушевичемъ (Ив. Ѳедоровъ, русскій первопечатникъ, 1883, Львовъ), г. Пташицкимъ (Русская старина, 1884, мартъ), проф. Малышевскимъ (Чтенія въ историч. Общ. Нестора лѣтописца, VII, отд. II).

видамъ. Въ это то время съ нимъ и познакомился кн. Острожскій, давшій ему должность справцы Дерманскаго монастыря, что произошло до марта 1575 г., когда мы впервые видимъ Ѳедорова въ этомъ званіи [1]). Послѣ сентября 1576 г. діаконъ Ѳедоровъ жилъ уже въ Острогѣ, откуда онъ, какъ слуга (famulus) князя, совершаетъ поѣздки въ Львовъ, Валахію и Турцію, быть можетъ, уже съ цѣлью подготовленія матеріаловъ для напечатанія Библіи [2]).

Изъ предисловія къ острожской Библіи 1581 г. мы узнаемъ, что изданію ея предшествовали многочисленныя сношенія князя съ константинопольскимъ патріархомъ, съ папой, съ греческими, сербскими и болгарскими монастырями, гдѣ К. К. Острожскій искалъ какъ „зводовъ добре исправленныхъ", такъ и „людій наказанныхъ въ писаніяхъ святыхъ еллинскихъ и словенскихъ". Но если сличеніе редакцій библейскаго текста и приготовленіе Свящ. Писанія къ печати было совершено этими „книгочіями", то во всякомъ случаѣ князю предстояла необходимость образовать у себя постоянный контингентъ справщиковъ, чѣмъ обусловливалось самое существованіе типографіи. При томъ же князь понималъ, что одно изданіе книгъ безсильно въ борьбѣ съ „лютыми волками невѣрія", подрывавшими православное благочестіе, и что едва ли не главную силу иновѣрцевъ составляли школы. Да впрочемъ, князю Острожскому не пришлось долго думать надъ тѣмъ, какъ пособить горю православной церкви: ему помогъ въ этомъ іезуитъ Петръ Скарга, знаменитый польскій проповѣдникъ, занимавшій одно время должность ректора виленской коллегіи и академіи. Съ Скаргою Константинъ Константиновичъ познакомился въ Львовѣ, при погребеніи своего родственника Яна Христофора Тарновскаго, поговорилъ съ нимъ о соединеніи церквей и пригласилъ къ себѣ въ Острогъ. Все это дало Скаргѣ поводъ посвятить князю свое сочиненіе: „O iedności kościoła Bożego pod iednym pasterzem y o Greckim od

[1]) Чтенія въ Общ. Нестора лѣтоп., VII, отд. II, 98. 99. Ср. Волын. губ. вѣд. 1847, № 23 и Вол. еп. вѣд., 1873, стр. 291.

[2]) Рус. Стар., 1884, мартъ, 463—468. Чт. въ общ. Нестора лѣтоп., VI, отд. II, 105—108.

tey iedności odstąpeniu'' (Wilno, 1577). Конечно, Острожскій прочелъ эту любопытную книгу и обратилъ должное вниманіе на слѣдующія драгоцѣнныя, хотя нѣсколько утрированныя замѣчанія автора. Русь, писалъ Скарга, не имѣетъ проповѣдниковъ; въ ней „Wszystka nauka upadła, a popi zchłopieli, y nigdy z nich takiey, iakiey trzeba, pociechy owce mieć nie mogą". „A gdy kacerstwo nastanie, bronić się pasterze nie mogą, ani umieją, ani owiec od błędow wybawić mogą. Wilkom się nie odeymą, y owce pogubią, y sami siebie na koniec". Попы, продолжалъ онъ, не знакомы съ славянскимъ языкомъ, не говоря уже о греческомъ, котораго греки по зависти не дали имъ, какъ не дали своихъ школъ. Совершенно иначе поступаетъ римская церковь, которая, какую бы страну ни просвѣтила крещеніемъ, сейчасъ (будто бы) устраиваетъ въ ней латинскія школы, чтобы въ каждомъ народѣ прививались науки и вѣра чтобы не слабѣла отъ невѣжества и ученые чтобы выходили на защиту ея въ каждой націи... [1]).

Что, дѣйствительно, означенныя мѣста повліяли на кн. Острожскаго, видно изъ позднѣйшаго его заявленія, по которому причиной „скорбей, ситованія и бѣдъ", окружившихъ со всѣхъ сторонъ православную церковь, было то, что „устали учытели, устали проповедачи слова Божого, устали науки, устали казанья"... [2]).

Такимъ образомъ, если вѣрны наши догадки о вліяніи типографіи Острожской и сочиненія Скарги на учрежденіе въ Острогѣ школы, то придется признать 1577 г., какъ terminus ante quem поп острожскаго училища.

II.

До сихъ поръ спорятъ о томъ, что такое представляла изъ себя острожская школа—академію-ли, духовную семинарію, училище свободныхъ наукъ, или, наконецъ, низшее училище.

---

[1]) Памятники полемической литературы въ Западной Россіи, II, 484—486.

[2]) Памятники полемической литературы, III 583 (id. A. З. Р., IV, № 45).

Нѣкоторые историки увѣрены, что въ Острогѣ была академія въ нашемъ смыслѣ слова, и распространяются въ перечисленіи предметовъ преподаванія и знаменитыхъ профессоровъ ея [1]). Но, кажется, означенные историки хотятъ уподобиться въ данномъ случаѣ натуралисту Кювье, который по одной кости животнаго возстановлялъ цѣлый скелетъ его: и они по одному-двумъ случаямъ употребленія названія „академія“ въ приложеніи къ острожской школѣ [2]) хотятъ возстановить, или, точнѣе, создать сложный строй жизни университетскаго заведенія. Совершенно правъ поэтому г. Лукьяновичъ, когда отрицаетъ возможность дѣлать на означенномъ основаніи тотъ выводъ, что острожская школа была академіей по своей программѣ. Но онъ совсѣмъ не правъ, когда, основываясь, между прочимъ, на научномъ характерѣ того сочиненія Гер. Смотрицкаго, въ которомъ сдѣлана замѣтка объ академіи, хочетъ доказывать, что она имѣла отношеніе собственно къ ученому острожскому кружку, обязан-

---

[1]) Таковы, напр., авторъ статьи о кн. Острожскомъ въ Прав. собесѣдникѣ, 1858, I; Архим. Арсеній (о. с.); г. Бранцевъ (Исторія литовскаго государства). Послѣдній, повторивши старый взглядъ на основаніе острожской школы кн. Константиномъ Ивановичемъ и на преобразованіе ея его сыномъ, считаетъ ее, вслѣдъ за архим. Арсеніемъ, академіей и даже выше виленской. „По количеству предметовъ и обширности ихъ преподаванія, а также составу профессоровъ—говоритъ онъ—академія острожская превосходила виленскую іезуитскую академію. Въ академіи острожской преподавались: славянскій, греческій и латинскій языки, богословіе, философія, риторика, поэзія, исторія, медицина и естественныя науки (послѣднихъ двухъ наукъ въ виленской академіи не было)“. Во главѣ академіи стоялъ ученѣйшій мужъ своего времени Кириллъ Лукарисъ, при которомъ академія острожская „поставлена была высоко и слава о ней гремѣла по всему Западу. Многіе западные ученые пріѣзжали въ Острогъ, чтобы послушать лекціи знаменитаго ректора“ (414). Къ сожалѣнію, не указаны ни мѣстонахожденіе, ни программы „академіи“, ни другіе источники сообщенныхъ интересныхъ данныхъ... Академіей же считаютъ острожскую школу и новѣйшіе изслѣдователи западнорусскаго образованія, напр. г. Мирополькій (Очеркъ исторіи церковно-приходской школы отъ ея возникновенія на Руси до наст. времени, III, 11).

[2]) Эти случаи суть слѣдующіе. Въ 1587 г. Герасимъ Даниловичъ Смотрицкій на своемъ сочиненіи: „Ключъ царства небеснаго“ сдѣлалъ помѣту: „Написано у Академіи Острозьской“ (Арх. юго-запад. Россіи, ч. I, т. VII, пред. XIII—XV). Затѣмъ, въ 1598—9 г. г. еп. Ипатій Потѣй въ своемъ „Отписѣ на листъ нѣякого клирика Острозъскаго“ догадывается, что послѣдній „есть учень академіи острозъское“ (Пам. Полем. Лит., III, 1053).

ность большинства членовъ котораго „состояла въ трудахъ болѣе серіозныхъ и полезныхъ въ то время, чѣмъ обученіе въ школѣ, какъ напр.—въ написаніи тѣхъ или другихъ ученыхъ трактатовъ, могущихъ противостать, по своимъ достоинствамъ, трактатамъ враговъ православія и т. п.“. Никакъ нельзя, говоритъ онъ, этого кружка ученыхъ людей, эту „академію наукъ“, отожествлять съ высшимъ училищемъ и отъ названія перваго заключать къ существованію втораго (школы)[1]). Но если г. Лукьяновичъ отрицаетъ приложимость названія „академія“ къ острожской школѣ, то мы думаемъ, что оно не относится и къ кружку ученыхъ. Въ то время при дворахъ многихъ вельможъ существовали такіе кружки, но никогда они не назывались академіями. Были они у виленскаго воеводы Николая Радивилла Чернаго (въ Вильнѣ, Брестѣ, Несвижѣ), у Яна Костки, сендомирскаго воеводы, въ Ярославѣ[2]), у кн. А. М. Курбскаго и у другихъ. Мало того. Въ XVI ст., по словамъ г. Кулиша, „каждая типографія была ученый, по тому времени, кружокъ, собиравшійся около печатнаго станка и шрифтовой кассы; каждая представляла собою, въ миніатюрномъ видѣ, академію свободныхъ наукъ“[3]), и между тѣмъ ни къ одному изъ этихъ кружковъ не прилагалось означенное названіе. Слову „академія“ тогда принадлежало опредѣленное значеніе высшаго училища. И если въ іезуитскомъ учебно-воспитательномъ планѣ дѣлается уклоненіе отъ этого смысла, то опять не въ пользу г. Лукьяновича: здѣсь академіями называются собранія новиціевъ (scholastici), принадлежащихъ къ тому или другому классу или факультету, для частныхъ учебныхъ упражненій и для подготовки къ педагогической дѣятельности[4]). Наконецъ, что г. Лукьяновичъ напрасно увлекся своей идеей объ острожской академіи, какъ кружкѣ ученыхъ, соединенныхъ въ своихъ работахъ единствомъ направленія, дававшагося кн. Острожскимъ, который, по нему, сто-

---

[1]) Вол. еп. вѣд., 1881, 775.776.

[2]) *Baliński i Lipiński*, wyd. I-e, II, 653. 654.

[3]) Исторія возсоединенія Руси, II, 330.

[4]) Ratio et institutio studiorum S. J. Regulae academiae, 1.

ялъ во главѣ „совѣта“,—видно и изъ указываемаго проф. Малышевскимъ факта работы этихъ ученыхъ—независимо другъ отъ друга [1]).

Безъ сомнѣнія, слово „академія“, употребляемое Смотрицкимъ, имѣло отношеніе къ училищу, какъ и выраженіе еп. Ипатія: „учень академіи острозъское“ и какъ приписка къ „Отпису на листъ Потѣя“ (1598 г.): „Писанъ у Острогу, у школѣ Кгрецкой Острозской“ [2]). Но мы не думаемъ, однако, чтобы оно дѣйствительно соотвѣтствовало предмету. Во 1-хъ, учрежденіе академій въ польско-литовскомъ государствѣ обусловливалось королевской или папской привилегіей настолько, что безъ согласія короля даже литовскіе протестанты во главѣ съ Николаемъ Радивилломъ Рыжимъ, виленскимъ воеводой, не могли и не посмѣли возвести своего виленскаго училища на эту степень [3]). А мы не видимъ, чтобы князь Острожскій получилъ или даже хлопоталъ о королевской привилегіи. Во 2-хъ, съ понятіемъ академіи неразрывно связано представленіе объ извѣстныхъ правахъ, между прочимъ, о правѣ раздачи ученыхъ званій, не говоря уже о высшихъ наукахъ въ программѣ. Ничего подобнаго мы не усматриваемъ въ исторіи острожскаго училища. Въ 3-хъ, легко понять, что Герасимъ Даниловичъ Смотрицкій назвалъ острожское училище академіей не потому, что оно было ею, а по чувству довольства имъ, гордости имъ и, быть можетъ, изъ желанія видѣть его таковою. Въ 4-хъ, свидѣтельство Ипатія Потѣя не можетъ быть принимаемо во вниманіе въ виду того, что онъ нѣсколько ниже въ томъ же „Отписѣ“ называетъ острожское училище „Колеюмъ“, т. е. коллегіей, а еще ниже—просто школой [4]), и это тѣмъ болѣе, что тонъ его болѣе ироническій, чѣмъ серьезный. Въ 5-хъ, при буквальномъ пониманіи выраженій Гер. Смотрицкаго и Ип. Потѣя является необъяснимою слѣдующая фраза въ письмѣ Іосифа Рутскаго къ Н. Хр. Радивиллу: „Pan woiewoda Kiiow-

---

[1]) Апокрисисъ, изд. 1870 г., пред. XXVII, прим. 4.

[2]) П. И. Л., III, 381.

[3]) *Theiner*. Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae, III, № 39. *Łukaszewicz*, Dzieje kościoła wyznania Helweckiego w Litwie, I, 62. 63.

[4]) Пам. И. Л., III, 1073. 1115.

ski jakies akademyie na Wołyniu fundować chce, rozesłał po Grecyi o professory"... [1]). Письмо это писано изъ Рима въ 1603 г.; но если у князя Острожскаго уже въ 1587 г. была академія, то зачѣмъ ему понадобилась новая? Въ 6-хъ, наконецъ, противъ того, что острожская школа была академіей, говоритъ и названіе одного изъ ея учителей „дьякъ", прилагавшееся обычно въ то время къ учителямъ низшихъ и среднихъ православныхъ училищъ: „Тимоѳей Анничъ, діакъ школы русской Острозской" [2]).

По сохранившимся историческимъ свидѣтельствамъ острожская школа по своей программѣ и постановкѣ дѣла была *среднимъ училищемъ*, но никакъ не низшимъ, какъ доказываетъ тотъ же г. Лукьяновичъ, вопреки большинству историковъ. Мы должны остановиться на опроверженіи и этого мнѣнія г. Лукьяновича и на обоснованіи своего положенія, при чемъ намѣрены вести то и другое параллельно и въ порядкѣ аргументовъ нашего автора.

Г. Лукьяновичъ пытается прежде всего опровергнуть значеніе извѣстнаго свидѣтельства Поссевина. Онъ утверждаетъ, что выраженіе „питается схизма", употребленное Поссевиномъ въ приложеніи къ острожской школѣ, отнюдь не возвышаетъ послѣдней надъ прочими современными западнорусскими училищами, о которыхъ писалъ Одерборнъ, такъ какъ программа ихъ, будь она, какъ слѣдуетъ, выполняема, была вполнѣ достаточна, чтобы сообщить питомцамъ стойкость въ вѣрѣ и умѣренное упорство въ истинности своихъ религіозныхъ убѣжденій и традицій" и, такимъ образомъ, дать поводъ и ихъ считать питательницами схизмы [3]). Но если острожскую школу нужно поста-

---

[1]) *Голубевъ*, Петръ Могила, прилож., стр. 180.

[2]) Такъ подписался онъ самъ на Евангеліи, пожертвованномъ имъ вмѣстѣ съ Ѳ. П. Гарабурдой въ троицкую церковь дерманскаго монастыря, 5 мая 1584 года (*Голубевъ*, „Археологическая замѣтка о памятникахъ старины, находящихся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ волынской епархіи", Тр. кіевской духовной академіи 1876, I, 626).

[3]) Вол. еп. вѣд., 1881, 769. 770. Павелъ Одерборнъ, евангелическій пасторъ въ Литвѣ, писалъ въ 1581 г. въ Германію къ Давиду Хитрею, что въ русскихъ школахъ, которыя всегда находятся при церквахъ, обучаютъ славянской грамотѣ, молитвамъ къ Пресв. Дѣвѣ и св. Николаю, нѣсколько измѣненному апостольскому сим-

вить на одну доску съ первоначальными, то почему Поссевинъ упомянулъ только о ней да еще о слуцкой? Затѣмъ, какъ могли программы низшихъ школъ давать ручательство въ православныхъ убѣжденіяхъ своихъ учениковъ, если въ нихъ не преподавался даже катихизисъ?

Далѣе г. Лукьяновичъ представляетъ въ пользу своего мнѣнія три положительныя свидѣтельства. Во 1-хъ, онъ указываетъ на то, что „Перестрога“ назвала острожскую школу просто школой, т. е. низшей. Но терминъ „школа“ совершенно безразличенъ по отношенію къ обозначенію училищъ низшихъ и среднихъ. Онъ прилагается, напр., къ луцкой школѣ, въ которой изучались и древніе языки и польскій [1]). Съ другой стороны и львовская школа, которую „Перестрога“ противоставляетъ будто бы острожской, говоря о преподаваніи въ ней „вызволеныхъ (т. е. свободныхъ) наукъ“ [2]), на самомъ дѣлѣ не всегда такъ называется. При томъ же „школа“ въ разсказѣ „Перестроги“ объ острожскомъ училищѣ, судя по ходу изложенія, должна быть понимаема, какъ школьное зданіе, а не какъ учебное учрежденіе. Тѣмъ менѣе можно настаивать на выраженіи Перестроги, что авторъ ея тутъ же ведетъ рѣчь объ опытныхъ дидаскалахъ, людяхъ ученыхъ и о размноженіи наукъ вѣры православной: все это не совсѣмъ приложимо къ первоначальной школѣ. Въ пользу того, что острожское училище было не низшимъ, говоритъ и сообщеніе Перестроги о попыткѣ канцлера Яна Замойскаго пригласить извѣстнаго протосингела Никифора въ свою академію: „Того протосингела видячи гетманъ коронный Замойскій, якъ великоѣ ваги былъ у поганъ, а вѣдаючи отъ него, же въ справахъ духовныхъ до Руси идетъ и *мешканье у Острогу для отправованья наукъ вызволеныхъ мѣти хочетъ*, ижъ самъ въ дому своемъ коштомъ и накладомъ вели-

---

волу (т. е. никео-цареградскому) и псалмамъ Давида и что катихизиса не преподаютъ въ нихъ (De russorum religione, ritibus nuptiarum, funerum, victu, vestitu etc. Et de Tartarorum religione ac moribus epistola ad D. Chytraeum recens scripta 1582, pp. 10. 11 (неумер.).

[1]) Памятники кіевск. коммис., I, № 9, § 4.

[2]) А. З. Р., IV, стр. 206.

кимъ уфундовалъ колегіумъ, обѣцовался ему то зъеднати у короля его милости и всее Рѣчи посполитой, ижъ яко онъ есть великимъ протосингеломъ, такъ и се здѣ надъ всѣми духовными у панствѣ коронномъ зверхность зуполную и онатренье мѣти будетъ“ [1]). Силу этого доказательства г. Лукьяновичъ пытается парализовать такимъ соображеніемъ: Никифоръ, говоритъ онъ, могъ не знать, что за школа въ Острогѣ, и потому такъ выразился, а послѣ, когда побывалъ тамъ, уже говорилъ, что былъ въ Острогѣ „для науки детокъ“ [2]). Но если допустить, что эта разница въ выраженіи зависитъ не лично отъ автора Перестроги, то какъ можно предполагать что Никифоръ не зналъ, куда ѣдетъ? Онъ объ острожскомъ училищѣ слыхалъ уже давно и уже давно отвѣчалъ согласіемъ князю К. К. Острожскому на его приглашеніе преподавать въ немъ [3]). Наконецъ, г. Лукьяновичъ можетъ быть побитъ имъ же собраннымъ оружіемъ. Такъ, ссылаясь на свидѣтельство Суши, онъ самъ замѣчаетъ, что оно даетъ право признать острожскую школу по курсу преподаванія высшею. Таковы же приводимыя имъ выраженія Нѣсецкаго и Гарасіевича [4]).

Второй аргументъ, представляемый г. Лукьяновичемъ въ пользу того, что острожское училище было будто-бы низшимъ, еще слабѣе, чѣмъ его соображенія по поводу свидѣтельствъ Поссевина и автора Перестроги. Именно—онъ указываетъ на то, что получившіе здѣсь образованіе не ограничивались имъ. Такъ, Януш Острожскій былъ отправленъ въ нѣмецкія земли, Мелетій Смотрицкій въ виленскую іезуитскую академію, а послѣ—въ заграничныя [5]). Но неужели г. Лукьяновичъ сталъ бы дока-

[1]) А. З. Р., IV, стр. 213.

[2]) Вол. еп. вѣк., 1881, 777, прим. 1.

[3]) „Але протосинкгелъ маючи росказанье патріаршее на баченью и то, же тымъ обезпечилъ князя Острозского, ижъ и тую справу духовную отправовати мѣлъ и *дидаскаломъ быти у Острогу обѣцалъ еще отъ кильконаста лѣтъ*, не хотѣлъ того учинити, а такъ отъ благословеннаго мѣсца и отъ православнаго князя индѣ перейти и тые науки своѣ выливати чужимъ не изволилъ“ (А. З. Р., IV, 213, 214).

[4]) Вол. еп. вѣд., 1881, 772. 773.

[5]) Вол. еп. вѣд., 1881, 813. 814. Мы уже видѣли, что Януша Острожскаго нельзя относить къ числу воспитанниковъ острожской школы: уже въ 1577 г. ему было

зывать на этомъ основаніи, что и виленская академія не была академіей, ибо ея студенты (тотъ же Смотрицкій, напр.) ѣздили по окончаніи ея въ заграничные университеты? Въ тотъ вѣкъ богатая молодежь посѣщала по очереди чуть ли не всѣ извѣстнѣйшіе университеты, оставаясь въ нѣкоторыхъ изъ нихъ по нѣскольку лѣтъ.

Большей сложностью отличается третье доказательство г. Лукьяновича, заключающееся въ сравненіи острожской школы съ львовской. Первая де по своей научной постановкѣ была ниже львовской, о чемъ, кромѣ Перестроги, свидѣтельствуетъ письмо К. К. Острожскаго къ львовскому братству (1592 г.), въ которомъ князь выражаетъ опасенія за православныя убѣжденія своего сына Александра, поселившагося въ Ярославѣ у своего тестя Яна Костки, католика. Нашъ авторъ дѣлаетъ отсюда такой выводъ. Если князь надѣется на львовское братство, что оно своими учителями укрѣпитъ его сына въ правленіи, то, значитъ, въ львовской школѣ было болѣе опытныхъ преподавателей, чѣмъ въ Острогѣ, а это указываетъ на бо́льшую широту ея программы. А если въ Острогѣ была „скудость учителей", то не есть ли это прежде всего намекъ на то обстоятельство, что учителями до сего времени состояли здѣсь южноруссы, подготовлявшіеся на Востокѣ, и это не служитъ ли доказательствомъ, что острожская школа была низшей, если въ ней не нашлось человѣка для прикомандированія къ кн. Александру? Въ острожской школѣ, продолжетъ г. Лукьяновичъ, не нашлось людей, способныхъ къ изданію славянской грамматики, хотя кн. Острожскій, котораго, конечно, огорчилъ упрекъ Скарги православнымъ въ неимѣніи ея, и пытался сдѣлать это; и чего не могъ достичь у себя—повліялъ, чтобы это было сдѣлано во Львовѣ, гдѣ было болѣе способныхъ и научно-подготовленныхъ людей... Но львовская школа была выше острожской не только по контингенту учителей, но и по своей программѣ: воспитанники ея болѣе знакомы съ греческимъ языкомъ и литературой, ибо

---

22 года (*Голубевъ*, археол. замѣтка о древн. надписяхъ на стѣнахъ межирѣчской церкви,—Тр. кіев. дух. акад., 1876, II, 220—222).

они переводятъ съ греческаго патріаршія посланія; въ острожской же академіи не было даже греческаго шрифта, но не нерадѣніемъ князя это объясняется, а тѣмъ, что въ Острогѣ въ немъ не было и нужды,—здѣсь не было надобности въ греческихъ книгахъ, слѣдовательно по нимъ и не учились здѣсь [1]).

Но если и допустить, что программа львовской школы была шире и научная постановка лучше, чѣмъ въ острожской, то даетъ ли это право причислять послѣднюю къ низшимъ? Малѣйшее уклоненіе училища отъ типа средней школы къ лучшему развѣ могло бы служить доказательствомъ того, что оно превратилось въ академію и наоборотъ? Но коснемся подробностей этого аргумента.

Мы уже говорили, какъ нужно смотрѣть на умолчаніе Перестроги о „вызволенныхъ наукахъ“ въ Острогѣ: оно совершенно случайно и тѣмъ менѣе обязываетъ насъ дѣлать угодный г. Лукьяновичу выводъ, что Никифоръ, по той же Перестрогѣ, ѣхалъ въ Острогъ преподавать именно свободныя науки. Письмо же кн. Острожскаго отъ 1 декабря 1592 г. [2]) можетъ свидѣтельствовать только о томъ, что къ этому году острожская школа по какимъ то причинамъ упала и ослабѣла учеными силами, о чемъ есть и другія свидѣтельства. Если князь Острожскій не издалъ славянской грамматики, то не потому, что у него не было знающихъ людей, которые могли бы составить ее, а просто потому, что это, очевидно, не входило въ планы князя, и это подтверждается тѣмъ фактомъ, что и существовавшую въ Острогѣ рукописную славянскую грамматику князь не пытался печатать, а передалъ ее въ Вильну по просьбѣ тамошнихъ жителей, которые и издали ее въ 1586 году [3]). Наконецъ, если Кон-

---

[1]) Вол. еп. вѣд., 1881, 814—818.

[2]) Текстъ письма напечатанъ въ Собр. соч. Максимовича (I, 190), въ Вол. губ. вѣдомостяхъ (1868, № 53), въ Monumenta Confraternitatis Stauropegianae Leopoliensis (I, № 257).

[3]) Одинъ изъ двухъ извѣстныхъ экземпляровъ этой грамматики находится въ Петербургѣ и принадлежитъ Императорскому обществу любителей древней письменности. Для знакомства съ современнымъ положеніемъ вопроса объ авторѣ и переводчикѣ этой грамматики совѣтуемъ прочесть статью г. В. Малинина: „Грамматика Іоанна Экзарха болгарскаго“ (Сборникъ статей по славяновѣдѣнію, 1883, Спб.).

стантинъ Константиновичъ, дѣйствительно, хотѣлъ поднять перчатку, брошенную русскому народу Скаргой, то почему г. Лукьяновичъ думаетъ, что грамматику долженъ былъ написать кто нибудь изъ учителей школы? Почему бы князь Острожскій не поручилъ этого дѣла кому либо изъ членовъ ученой академіи, организацію которой г. Лукьяновичъ такъ тщательно изслѣдуетъ,—той академіи, въ составъ которой, по его же словамъ, „входили представители всѣхъ отраслей тогдашней науки—медицины, астрономіи, астрологіи, философіи, *филологіи*, богословія, проповѣдничества [1]).

Ошибается г. Лукьяновичъ, когда увѣряетъ, что въ Острогѣ не было греческаго шрифта. Письмо кн. Острожскаго, на которое онъ ссылается [2]), не подтверждаетъ его мысли. Если князь просилъ у львовскаго братства греческаго шрифта, то потому, „ижъ на тотъ часъ литеръ готовыхъ грецкихъ не мѣлъ", т. е., очевидно, онѣ были набраны для другихъ книгъ, а тутъ непредвидѣнно потребовалось поскорѣе напечатать „Розмову блаж. Мелетія противу схизматикомъ и прочимъ сектаторомъ написаную". Литеры князь просилъ только для этого и по напечатаніи „Діалога" обѣщалъ отослать ихъ обратно. Подобнымъ образомъ онъ просилъ львовянъ въ концѣ 1596 г. „позичити писма грецкого и словенского для выдрукованя синоду Брестского... обецуючи въ цѣлости назадъ съ подякованемъ отослати все" [3]). Или быть можетъ, г. Лукьяновичъ станетъ опять увѣрять, что въ Острогѣ въ 1596 г. не было ни греческаго, ни славянскаго шрифта? Что греческій шрифтъ былъ въ острожской типографіи съ самаго начала, въ этомъ удостовѣряетъ насъ какъ Новый Завѣтъ 1580 г., оканчивающійся фразой: „Δόξα τῷ συν-

---

[1]) Вол. еп. вѣд., 1881, 862—864.

[2]) А. З. Р., IV, № 148 (id. Временникъ института Ставропигійскаго, 1867). Въ А. З. Р. письмо датировано 1600—1601 г., но правильнѣе отнести его къ 1603 г., какъ это сдѣлалъ Зубрицкій въ Лѣтописи Львов. братства (Журн. М. Н. Пр. 1849, ч. 62, стр. 90). „Діалогъ" п. Мелетія вышелъ въ свѣтъ въ Острогѣ въ 1605 г.

[3]) Письмо Юрія Рогатинца изъ Острога въ Львовъ 1596 г. 9 іюн. (*Крыловскій А. С.*, Акты, № 58. „Акты" эти составляютъ Приложеніе къ имѣющему выйти въ свѣтъ изслѣдованію г. Крыловскаго, посвященному исторіи львовскаго братства. Ознакомленіемъ съ ними мы обязаны любезности самого А. С. Крыловскаго).

τάζοντι ἅπαντα ἀμήν", такъ и Библія 1581 г.: въ ней молитва къ Богу и начало сливающагося съ нею предисловія отъ лица кн. Острожскаго напечатаны на греческомъ и славянскомъ языкахъ, равно какъ и послѣсловіе Іоанна Ѳедорова, датированное 12 авг. 1581 г. Наконецъ, за это говоритъ и свидѣтельство Перестроги что князь „Словенскую и *Грецкую* въ Острогу заложилъ друкарню".

Такимъ образомъ, соображенія г. Лукьяновича не выдерживаютъ критики и не доказываютъ того, что острожская школа была низшей. Странно, въ самомъ дѣлѣ, думать, что среди тѣхъ многихъ ученыхъ, о которыхъ говоритъ Захарія Копыстенскій [1]), не было школьныхъ учителей; трудно допустить, чтобы князь Острожскій не воспользовался ихъ познаніями и усердіемъ для устройства приличной школы, если не академіи, и не сдѣлалъ у себя того, къ чему побуждалъ другихъ.

Правда, г. Лукьяновичъ не отрицаетъ въ кн. Острожскомъ желанія „возвысить школу если не до уровня высшихъ заграничныхъ школъ, то среднихъ, имѣющихъ спеціальною цѣлью—подготовленіе способныхъ и опытныхъ служителей церкви и вѣры". Князь пытался, по крайней мѣрѣ, ввести здѣсь классическіе языки, которые, по Сушѣ и Стебельскому, будто бы и дѣйствительно здѣсь преподавались... Но „нѣкоторыя неблагопріятныя обстоятельства помѣшали осуществленію намѣренія князя". Впервые подобное намѣреніе созрѣло у него въ то время, когда п. Іоакимъ далъ львовскому училищу свой новый (?) уставъ. Кн. Острожскій, бывшій съ 1585 г. въ близкихъ отношеніяхъ съ львовскимъ братствомъ, не могъ-де не видѣть пользы отъ наукъ и задался самъ цѣлью возвысить свое училище. И вотъ онъ

---

[1]) Найдовалися на дворѣ его (кн. Острожскаго) и мовцы оному Димосѳенесови ровныи, и Сафанове и иные розличныи любомудрцы. Найдовалися и докторове славныи, въ Греческомъ, Славенскомъ и Латинскомъ языкахъ выцвѣчоныи. Найдовалися и математикове и астрологове превыборныи, межи которыми овъ презацный маѳематикъ, философъ и астрологъ, Янъ Лятосъ, который календаръ новый славне зганилъ, и перомъ доводне презъ друкъ показалъ, же есть омыльный". „Церкви и дворъ того княжати полныи (были) православныхъ учителей евангелскихъ и апостолскихъ, полныи богослововъ истинныхъ... знаючихъ богословію и вѣру правую"... („Палинодія", П. П. Л., I, 1136. 1137).

проситъ папу ок. 1587 г. прислать ему значительное число священниковъ (karłanow) для семинаріи, которую онъ началъ закладывать въ своемъ имѣніи. Приводя это свидѣтельство секретаря папскаго нунція въ Польшѣ кардинала Болонетто, г. Лукьяновичъ такъ его комментируетъ: такъ какъ школа въ Острогѣ въ это время несомнѣнно существовала, то выраженіе „началъ закладывать" обозначаетъ не моментъ основанія школы, а преобразованіе ея по образцу заграничныхъ, возведеніе ея на степень католическихъ семинарій, среднихъ учебныхъ заведеній [1]).

Фактъ, о которомъ разсказываетъ Спанноки (секретарь нунція Болонетто) [2]), если не ошибаемся, произошелъ въ 1583 г., когда кн. Острожскій замыслилъ соединеніе русской церкви съ римской. Безъ сомнѣнія, на него уже оказали вліяніе въ этомъ направленіи Скарга и Антоній Поссевинъ, чрезъ котораго князь и началъ было переговоры съ папой Григоріемъ XIII [3]). А въ 1583 г. Константинъ Константиновичъ и лично обратился къ папѣ. Поводомъ къ этому послужило слѣдующее обстоятельство. Будучи въ Краковѣ, князь повстрѣчался съ папскимъ нунціемъ, епископомъ массанетскимъ и разговорился съ нимъ на современную тему—о соединеніи церквей. Нунцій жаловался на людей, которые сѣяли раздоры между греческой и римской церквами, и князь Острожскій съ увлеченіемъ заявилъ, что онъ ничего такъ не желаетъ, какъ единенія и согласія всѣхъ христіанъ, за что онъ и жизнь готовъ отдать. Нунцій подхватилъ это заявленіе князя и, давъ ему обѣщаніе помощи и отъ себя и отъ папы, вѣроятно, тутъ-же указалъ въ числѣ средствъ для осуществленія идеи объ уніи—передачу острожской школы въ подходящія руки. И вотъ князь пишетъ изъ Кракова же 8 іюля 1583 г. посланіе п. Григорію. Указавши въ началѣ поводъ къ нему и поблагодаривши папу за присылку чрезъ Діонисія Па-

---

[1]) Вол. еп. вѣд., 1881, 775. 818. 819.

[2]) Relacye nuncyuszów apostolskich, I, 459. 460.

[3]) П. И. Л., III, 195—198 (Рѣчь королевскихъ пословъ на соборѣ 1596 г.). Къ этому же времени, вѣроятно, относятся и переговоры К. К. Острожскаго объ уніи церквей съ королемъ Стефаномъ Баторіемъ, о которыхъ вспоминаетъ авторъ Антиррисиса (П. П. Л., III, 589).

леолога Библіи, кн. Константинъ просилъ его на первыхъ порахъ снабдить острожскую коллегію учеными и испытанными людьми—греками и греческой вѣры, которые бы могли переводить греческія книги на славянскій языкъ или, если это окажется невозможнымъ,—на латинскій [1]). Григорій XIII въ своемъ отвѣтномъ посланіи (3 сент. 1583 г.) „весьма охотно“ обѣщалъ князю дать ученыхъ грековъ и все, что покажется необходимымъ [2]). Но уже отсюда видно, что пользоваться сообщеніемъ Спанноки г. Лукьяновичъ не имѣлъ права: рѣчь здѣсь идетъ совсѣмъ не о преобразованіи низшей острожской школы въ среднюю, а о томъ, чтобы острожской *коллегіи*, т. е. среднему учебному заведенію, дать латинскую закваску...

Другую попытку такого преобразованія нашъ авторъ видитъ въ сношеніяхъ кн. Острожскаго съ восточными патріархами, въ результатѣ чего и было прибытіе въ Острогъ ученыхъ грековъ Кирилла и Никифора, въ качествѣ руководителей князя въ школьномъ дѣлѣ [3]). Но въ такомъ случаѣ г. Лукьяновичу нужно согласиться, что попытка князя, дѣйствительно, удалась и признать его школу средней...

Но кромѣ отрицательныхъ—по отношенію къ доказательствамъ г. Лукьяновича—соображеній, мы можемъ привести еще нѣсколько положительныхъ свидѣтельствъ и доводовъ въ пользу

---

[1]) *Theiner*, Annales ecclesiastici, III, № 41, p. 431. Здѣсь же помѣщено письмо къ папѣ отъ 6 іюля кн. Юрія Слуцкаго, тоже на тему о соединеніи церквей, и чье-то письмо, сообщающее интересныя, хотя далеко не всегда вѣрныя, свѣдѣнія о князьяхъ Острожскихъ и Слуцкихъ. Такъ, здѣсь говорится, какъ о фактѣ, о принятіи уніи кн. К. Острожскимъ со всѣмъ домомъ, о ревностномъ желаніи князя Константина и его братьевъ Януша (?) и Георгія (Слуцкаго?) привести къ уніи весь русскій народъ, объ устройствѣ ими въ Острогѣ коллегіи, гдѣ бы юноши, научаемые іезуитами по греческому обряду, готовились къ просвѣщенію согражданъ, и типографіи для печатанія твореній св. отцовъ на греческомъ, русскомъ и латинскомъ языкахъ, о совѣтѣ кн. Слуцкаго нунцію открыть въ Слуцкѣ епископскую каѳедру для греческаго обряда, а въ Острогѣ—патріаршую. Несомнѣненъ во всемъ этомъ одинъ только фактъ—принятіе кн. Янушемъ католичества въ 1583 г. (ibid. № 42: донесеніе объ этомъ папѣ львовскаго архіепископа).

[2]) Ibid., № 43.

[3]) Вол. еп. вѣд., 1881, 820.

того, что острожское училище съ самаго начала своего существованія было выше, чѣмъ бывшія на Руси до него.

5 мая 1581 года изъ острожской типографіи вышла „Хронологія Рымши", небольшое (2 страницы) стихотворное, расположенное по мѣсяцамъ изложеніе нѣкоторыхъ событій библейской исторіи [1]). Острожская типографія была заведена, какъ соглашается и г. Лукьяновичъ, для высшихъ интересовъ православія,—для изданія богослужебныхъ и богословско-полемическихъ книгъ. Но какое значеніе могло бы имѣть это небольшое „писаніе Андрея Рымшы?" Не есть ли это ученическое произведеніе и первый, такъ сказать, литературный плодъ острожской школы? Даже если считать его по нѣкоторому знакомству автора съ библейской хронологіей и еврейскимъ языкомъ произведеніемъ учителя, оно во всякомъ случаѣ сохраняетъ характеръ школьной работы, а не ученой. Но и такая работа возможна ли въ элементарномъ училищѣ?

Затѣмъ. Въ 1588 г. владимирскій епископъ Ѳеодосій Лазовскій порѣшилъ вмѣстѣ съ капитулой, „за напомненемъ велможного пана Костентина княжати Острозъского", ремонтировать и благоустроить соборную церковь во Владимирѣ. „При той же церкви и замочку, говорится далѣе въ ихъ письменномъ обязательствѣ, хочемъ науку дѣтокъ малыхъ, для чого, абы ховано два бакаляры, такихъ, жебы оденъ училъ по грецку, а другій пословенску; а на школу детемъ до науки поступили есмо избу мурованую въ замочку, и другую избу деревеную ба-

[1]) Вотъ подлинное оглавленіе этого произведенія: „Которогося м-ца што за старыхъ вековъ дѣло короткое описаніе". Начинается оно такъ.

„Мца сентебра погебренску елюль
Просто вресень.
Двадъцать четвертого мца сенътебра
Дорободенъ еросолимъ сталась речъ добра.

Послѣдняя строфа:

Мца августа, погебренску аовъ
Либо авъ, просто серпень.
Въ томъ месецы ааронъ оумеръ бжіи ереи,
Того собѣ наприкладъ ты поне завжды мел.
Августа, 4. дня.

(Экземпляръ Спб. Импер. публ. библіотеки. См. также *Каратаевъ*, Описъ. славяно-русскихъ книгъ, напечат. кирил. буквами, I (1883), стр. 217—219).

каляромъ до мешъканя“ [1]). Трудно допустить, чтобы князь Острожскій проявилъ такую заботу о школьномъ образованіи во Владимирѣ, не устроивши того же въ Острогѣ. Скорѣе можно думать, что и самая возможность найти для новой школы „людей ученыхъ“ и, въ частности, „бакаляра“ греческаго языка обусловливалась тѣмъ, что острожское именно училище уже успѣло подготовить такихъ людей и что, слѣдовательно, въ немъ съ самаго начала преподавался греческій языкъ. За послѣднее говоритъ и слѣдующій фактъ. Запорожскій гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный, который, какъ достовѣрно извѣстно, учился въ острожской школѣ [2]) въ концѣ XVI ст. [3]), умирая, завѣщалъ $1^1/_2$ тысячи злотыхъ львовскому братству съ тѣмъ, что 150 злотыхъ ежегоднаго процента съ нихъ назначались спеціально „на выхованье ученого майстра, въ греческомъ языку бѣглого“ [4]). Но едва ли онъ сталъ бы выражать такую заботливость объ успѣхахъ греческаго языка въ Западной Россіи, если бы самъ не былъ знакомъ съ нимъ. А знакомство это онъ могъ почерпнуть, конечно, только въ Острогѣ.

Что съ самаго начала существованія острожскаго училища въ программу его были введены греческій языкъ и высшія науки, это видно и изъ житія Іова Княгиницкаго, который учился здѣсь въ зрѣлыхъ лѣтахъ и несомнѣнно отсюда вышелъ съ знаніемъ этого языка, которое усовершенствовалъ послѣ, проживая на Аѳонѣ [5]). Преподавался онъ и послѣ, почему школа вообще назы-

---

[1]) Арх. ю.-з. Р., ч. I, т. I, № 55.

[2]) Вирши Кассіана Саковича на смерть Сагайдачнаго (*Голубевъ С. Т.* Исторія кіев. дух. акад., прил. стр. 29).

[3]) Умеръ онъ въ 1622 г. и не видно, чтобы въ молодыхъ лѣтахъ.

[4]) Запись душеприказчиковъ гетмана—м. Іова Борецкаго и гетмана Олифера Остаповича Голуба (*Максимовичъ*, Собр. соч., I, 377 и сл.).

[5]) Зоря Галицкая яко Альбумъ, 1860,228. 229. 219. Авторъ Житія іером. Игнатій изъ Любарова, младшій современникъ Іова, не опредѣляетъ, когда и чему именно учился онъ въ Острогѣ, но даетъ драгоцѣнныя косвенныя указанія. Іовъ послѣ домашняго воспитанія „вданъ бысть въ наученіе книгамъ“, потомъ учился въ уневскомъ монастырѣ, откуда и „устремился къ богоспасаемому граду Острогу, до совершеннѣйшихъ наукъ“. Это могло произойти до 90-хъ годовъ XVI ст., ибо, живя въ Острогѣ, онъ „списа (и) псалтыры князю младому Александру“, который въ 1592 г. переселился уже въ Ярославъ. Вѣроятно даже, что и до 1586 г., когда было

валась греческой. Такъ, въ одномъ острожскомъ изданіи есть помѣта: „Писанъ у Острогу, у *школѣ Кирецкой* Острозской“ [1]).

Но здѣсь преподавался и латинскій языкъ. Между 1628—1633 г. г. появился памфлетъ (въ формѣ богослужебныхъ пѣсенъ) на Мелетія Смотрицкаго, около этого времени перешедшаго въ унію. Въ концѣ его помѣщенъ „синаксарь“, въ которомъ говорится, между прочимъ, что Герасимъ Смотрицкій „имяше сына именемъ Мексентія или Максима въ благочестіи и наказаніи книжномъ и граматичномъ, славенски, греčески и латински воспитанна, иже и града Вилна достигъ въ тамошней Академіи Езуитской латинскую философію учися навершалъ“ [2]). Въ какомъ году это произошло—неизвѣстно. Іаковъ Суша сообщаетъ, что Смотрицкаго отправилъ въ виленскую академію кн. Острожскій въ 1601 г. [3]). Но не совсѣмъ вѣроятно это извѣстіе въ виду возраста М. Смотрицкаго (ему въ то время было около 23 лѣтъ), съ другой стороны—уже 16 апрѣля 1600 г. Мелетій Смотрицкій поступилъ къ Соломирецкимъ въ качествѣ домашняго учителя [4]). Но какъ бы то ни было, въ Вильнѣ Смотрицкій началъ не съ перваго класса, не съ грамматики, а, вѣроятно, опредѣленъ былъ на философскій факультетъ. А въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ уже знать латинскій языкъ и, слѣдовательно, онъ изучилъ его въ Острогѣ. Но если бы кто вздумалъ сослаться на свидѣтельство Суши, что Эразмъ (Герасимъ) Смотрицкій отдалъ двухъ своихъ сыновей для воспитанія и обученія Кириллу Лукарису, у котораго Мелетій и могъ частнымъ образомъ изучить древніе языки, то противъ этого говоритъ сообщеніе того же Суши, что кн. Острожскій, ревнуя объ утвержденіи русской схизмы, воздвигъ въ Острогѣ училище не только славянскихъ, но и греческихъ и латинскихъ наукъ и ректоромъ

учреждено львовское братское училище: иначе Іовъ искалъ бы въ немъ „совершеннѣйшихъ наукъ“. Во всякомъ случаѣ Іову шелъ тогда четвертый десятокъ лѣтъ (онъ умеръ въ 1621 г., имѣя около 70 лѣтъ; стр. 260).

[1]) П. П. Л., Ш, 381.

[2]) Kiev. en. вѣд. 1875, 564.

[3]) Saulus et Paulus, p. 16.

[4]) Боркулабовская хроника (*Кулишъ*, Матеріалы для исторіи возсоединенія Руси, I, 74).

этой „гимназіи“ назначилъ Гер. Смотрицкаго [1]). Свидѣтельство Суши здѣсь такъ ясно и рѣшительно, что одно можетъ опровергнуть и это предположеніе и всю гипотезу г. Лукьяновича. Не даромъ и самъ М. Смотрицкій выдѣляетъ острожское училище изъ ряда другихъ, ставя его на одну доску съ львовскимъ и виленскимъ, которыя, безъ сомнѣнія, принадлежали къ среднимъ [2]).

Наконецъ, доказательствомъ того, что острожская школа была не низшей, что въ ней преподавались и свободныя науки, служитъ поэма Пе(н)кальскаго „De bello Ostrogiano“ (1600). Пенкальскій, сказавши о процвѣтаніи острожскихъ библіотеки и типографіи, говоритъ о музахъ, поселившихся въ Острогѣ, объ Аполлонѣ, который, оставивъ возлюбленный Делосъ, переселился сюда вслѣдъ за музами со всѣми своими аттрибутами, о храмѣ его, наполняемомъ все новыми и новыми поколѣніями юношей, которыхъ онъ готовится вѣнчать вѣчно зеленѣющими лаврами, растущими на новомъ Геликонѣ... Конечно, все это— поэтическія фигуры, но даже для поэта съ самой необузданной фантазіей было бы верхомъ напыщенности и страшной натянутости усвоять Острогу значеніе новаго Геликона, если бы въ немъ была только первоначальная школа. Вѣдь странно было бы прилагать всѣ эти фигуры къ училищу, описанному хотя бы Одерборномъ. Нужно, слѣдовательно, признать, что въ Острогѣ была школа средняя, гимназія, въ которой преподавались и свободныя науки, и языки. И, дѣйствительно, Пенкальскій называетъ острожское училище „треязычной гимназіей“, а нѣсколько ниже предлагаетъ Волыни радоваться: „Острожскій домъ даетъ тебѣ треязычный лицей (trilingue Lycaeum). Прими начатки, можетъ быть послѣдуетъ большее: не презирай ученыхъ богинь, не отвергай музъ, ибо нѣтъ ничего славнѣе благородныхъ искусствъ“ (Artibus ingenuis, nilest praeclarius unquam) [3]). Какіе это были языки, авторомъ не указано, но можно думать, что

[1]) Saulus et Paulus, 15. 16. 87.

[2]) Paraenesis, 32.

[3]) De Bello Ostogiano ad Pianctos cum Nisoviis, libri IV. A Simone Pecalidis Artium Baccalaureo conscripti. Cracoviae, 1600, pp. 10 и 25 (ненумер.).

это были славянскій, греческій и латинскій—первый и второй по своему значенію для православной русской церкви и народности, второй и третій—по своему значенію въ той системѣ гуманитарнаго образованія, какая въ XVI в. исключительно господствовала на всемъ пространствѣ Европы, гдѣ только просвѣщеніе поднялось надъ тѣмъ уровнемъ, который называется грамотностью. И эти именно языки указываются какъ Сушей, такъ и позднѣйшими уніатами. Когда въ XVIII ст. возникъ процессъ между могилевскимъ епископомъ Георгіемъ Конисскимъ и полоцкимъ уніатскимъ архіепископомъ Смогоржевскимъ, уніатская сторона, коснувшись личности кн. К. К. Острожскаго, заявляла, что послѣ брестскаго собора 1596 г. онъ, склонявшійся прежде къ уніи, теперь пламенѣя въ ненависти къ апостольскому престолу, заложилъ въ Острогѣ для поддержанія православія публичныя школы славянскаго, греческаго и латинскаго языковъ, пригласивъ кальвинистовъ, лютеранъ и аріанъ, магистрами и ректоромъ поставилъ великаго и почтеннаго человѣка Герасима Смотрицкаго [1]).

При всемъ томъ мы не рѣшаемся указывать въ подробностяхъ ни программы преподаванія, ни распредѣленія занятій по классамъ и днямъ недѣли, ни школьныхъ порядковъ острожскаго училища: до насъ не дошло ни одного памятника въ родѣ уставовъ братскихъ школъ, на основаніи котораго можно было бы сдѣлать это. Изображать же устройство его и внутреннюю жизнь по „Порядкамъ“ братскихъ школъ, руководясь соображеніемъ, что острожское училище послужило образцомъ для послѣднихъ и что за единство ихъ уставовъ ручается единство руководителей-грековъ и, въ частности, п. Кирилла Лукариса [2]), мы не можемъ въ виду того, что у насъ нѣтъ опредѣленныхъ

[1]) Архивъ гр.-уніат. митрополитовъ, кн. V, № 346. Uwaga 3, f. 19 об. (ненумеров.).

[2]) Прав. собес., 1858, I, 536. 537. Тр. кіевск. дух. акад., 1867, I, 183. Архиман. Арсеній аргументируетъ эту мысль тѣмъ, что уставъ луцкой школы былъ данъ будто бы п. Кирилломъ, который, безъ сомнѣнія, изложилъ въ немъ тѣ самыя правила, которыя проводилъ въ жизнь во время своего ректорства въ Острогѣ (о. с., 76. Ср. *Соколовъ*, Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII в., М. 1830, стр. 427).

данныхъ для установленія факта вліянія острожской школы на братскія и для выясненія сравнительной степени участія грековъ въ устройствѣ той и другихъ школъ. Что касается братскихъ школьныхъ уставовъ, то ни львовскій, ни луцкій не носятъ слѣдовъ вліянія острожскаго училища. Да и обстоятельства ихъ происхожденія не даютъ поводовъ думать это. Львовскій уставъ, первоначальная редакція котораго была написана на греческомъ языкѣ [1]), былъ составленъ во Львовѣ въ 1586 г. Авторомъ его изъ двухъ возможныхъ—антіохійскаго патріарха Іоакима и Арсенія, архіепископа елассонскаго—мы считаемъ послѣдняго: безъ сомнѣнія, п. Іоакимъ обозначилъ бы въ началѣ его свое имя, какъ это обыкновенно дѣлалось при выдачѣ оффиціальныхъ документовъ такими важными лицами, между тѣмъ греческій текстъ начинается прямо съ правилъ. Впрочемъ, мы не отрицаемъ вліянія на содержаніе „Порядка“ и самихъ львовскихъ мѣщанъ, знакомство которыхъ съ строемъ жизни львовской католической каѳедральной школы и сознаніе насущныхъ духовныхъ нуждъ православнаго русскаго народа оставили здѣсь нѣкоторый отпечатокъ. Вліяніе это еще болѣе сказалось во второй редакціи устава, какою былъ русскій переводъ его, сдѣланный въ томъ же 1586 г., съ нѣкоторыми измѣненіями—и формальными, и по существу. Очевидно, львовское братство, руководясь данными опыта, хотя и кратковременнаго, вновь пересмотрѣло всѣ стороны училищной жизни, но не всѣ ихъ регламентировало уставомъ: „А обычае всея школы и порядки вси, выразилось оно, въ семъ листѣ много бы писати [2]). Третья редакція львовскаго устава имѣетъ на себѣ дату 1592 г., въ какомъ году она была утверждена константинопольскимъ патріархомъ Іереміей, терновскимъ архіепископомъ Діонисіемъ и епископомъ Анѳимомъ. Она извѣстнѣе другихъ, такъ какъ въ наши дни много разъ была печатаема [3]). Она обыкновенно датируется 1588 годомъ,

---

[1]) Diplomata statuaria a patriarchis orientalibus confraternitati stauropigiacae Leopoliensi a. 1586—1592 data, cum aliis litteris coaevis et appendice, 1895, № 6.

[2]) Diplomata statuaria, № 6, славянскій текстъ.

[3]) Въ 1863 г. ее опубликовалъ покойный Я. Ѳ. Головацкій въ Галичанинѣ и отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ: „Порядокъ школьный или уставъ ставропи-

но ошибочно, такъ какъ фраза въ началѣ ея: ...„совершеніемъ и утвержденіемъ вселенскаго патріархи Іереміи, архіепископа Константинополя Новаго Рима и всего Ѳрону великия церкве Константинопольскія, рокъ а҃ф҃п҃“,—относится къ факту подтвержденія п. Іереміей не устава, а школы: „составиша оучилище“, говорится вслѣдъ за нею. Наконецъ, четвертая редакція его есть то, что обыкновенно называютъ вторымъ луцкимъ школьнымъ порядкомъ [1]). Такъ какъ она, по сравненію съ третьей, которая до послѣдняго времени только и была извѣстна, представляетъ немало перемѣнъ, и такъ какъ она въ „Памятникахъ“ носитъ имя п. Кирилла Лукариса, то нѣкоторые и утверждаютъ, что она—уставъ, вновь данный луцкой школѣ этимъ патріархомъ, который нѣкогда былъ острожскимъ ректоромъ. Но на самомъ дѣлѣ она есть почти буквальное воспроизведеніе второй редакціи львовскаго устава, хотя и неизвѣстно, ни когда луцкое братство ею обзавелось, ни когда получило подтвержденіе ея отъ п. Лукариса. Луцкимъ уставомъ въ собственномъ смыслѣ были „Правъ школы греко, латино-словенскои Луцкои, артикулы“ [2]), составленные, кажется, послѣ 1624 г., въ связи съ передачей братскаго училища въ завѣдываніе духовной половины братства [3]). Въ содержаніи „Артикуловъ“ можно усмотрѣть слабые слѣды устройства мѣстной іезуитской коллегіи, но нельзя даже предполагать вліянія устава острожскаго училища, которое къ тому времени если не прекратило еще своего существованія,

---

гійской школы во Львовѣ 1586 г.“. Въ томъ же году эта редакція была перепечатана въ Вѣстникѣ Западной Россіи (чартъ), откуда была позаимствована въ А. Ю. и З. Р., II, № 154, причемъ и тамъ и здѣсь почему то поставленъ 1684 годъ. Послѣдній разъ она воспроизведена въ Diplomata statutaria съ факсимиле подписи игумена и ректора львовской школы Ѳ. Кассандра, внесшаго въ 1602 г. въ „Альбумъ института ставропигійскаго“ ея текстъ съ подтвержденіями восточныхъ святителей.

[1]) Памятники кіевской временной коммиссіи, I, № 10.

[2]) Ibid., № 9. Здѣсь они названы первымъ луцкимъ уставомъ на томъ основаніи, что въ луцкомъ сборникѣ, откуда они позаимствованы, они стоятъ прежде „Порядка“ школы. На томъ же основаніи ихъ такъ понимаютъ и историки, въ родѣ г. Демкова, который въ своей книжкѣ—„Исторія русской педагогіи“ (Ревель, 1896) даетъ переводъ „перваго“ и „втораго“ луцкаго уставовъ (I, 146 и слѣд.).

[3]) П. Б. К., I, № 8.

то уже готовилось перейти изъ бытія въ небытіе или въ бытіе историческое только...

Но это длинное отступленіе, имѣющее цѣлью убѣдить читателя въ томъ, что уставы острожской и братскихъ школъ составлялись независимо другъ отъ друга, не желаетъ утверждать его въ мысли, что между ними не было рѣшительно ничего общаго. Ту и другія школы вызвало къ жизни стремленіе лучшихъ западнорусcовъ уберечь священнѣйшее достояніе народа отъ покушеній на нихъ враговъ, уберечь путемъ проясненія историческаго самосознанія и укрѣпленія нравственно-религіозныхъ устоевъ его. Отвращаясь отъ католиковъ и протестантовъ съ ихъ гибельной для православія наукой, кн. Острожскій, какъ немного позже братства, долженъ былъ искать просвѣщенія въ противоположной сторонѣ, откуда Русь познакомилась и съ самимъ православіемъ,—на Востокѣ. И, дѣйствительно, первыми учителями и руководителями острожской школы были „Греческіе дидаскалы“ (διδασκαλοι), за которыми князь послалъ къ патріарху, уже устроивши училище [1]). Но и помимо пріѣзжихъ грековъ кн. Острожскій могъ имѣть учителей изъ грековъ, жившихъ въ Острогѣ и населявшихъ тамъ цѣлую улицу [2]). „Не новина отъ часовъ давныхъ бывати грекомъ у Острогу“, замѣчаетъ авторъ Перестроги [3]). Но исторія сохранила имена только двухъ грековъ—преподавателей острожской школы: Кирилла Лукариса и Никифора.

Въ нашей литературѣ высказана и поддерживается мысль, что для князя Острожскаго при устройствѣ имъ своей школы образцами служили иновѣрныя коллегіи. Такъ, проф. Петровъ категорически заявляетъ: „Школа (острожская), безъ сомнѣнія, основана по примѣру аріанскихъ (т. е. социніанскихъ) и католическо-іезуитскихъ и въ противодѣйствіе имъ“ [4]). Другіе изслѣдователи увѣряютъ насъ, что образцомъ для православныхъ за-

[1]) А. З. Р., IV, 205. 206.

[2]) *Перлштейнъ*, Описаніе г. Острога (Чт. въ моск. общ. ист. и древн. рос., 1847, № 4, отд. IV, 138).

[3]) А. З. Р., IV, 216.

[4]) *Батюшковъ*, Волынь, 139.

паднорусскихъ школъ вообще и для острожской въ частности послужили школы протестантскія. И. Соколовъ, а за нимъ г. Ильинскій доказываютъ эту мысль тѣмъ, что въ эпоху заведенія православными своихъ школъ въ зап. Россіи такъ сильно процвѣтали протестантскія, что поневолѣ должны были повліять на внутреннее устройство нашихъ учебныхъ заведеній, особенно при условіи тѣхъ хорошихъ отношеній, которыя существовали тогда между протестантами и православными. Что до грековъ, которые преподавали въ Острогѣ, то и они не могли подорвать вліянія протестантской учебной системы, такъ какъ сами они учились въ Германіи, при упадкѣ просвѣщенія на Востокѣ. Такъ что, можно думать, сами протестанты, когда князь Острожскій сталъ искать для своей школы православныхъ учителей, рекомендовали ему грековъ—воспитанниковъ германскихъ университетовъ. Въ такомъ предположеніи утверждаетъ нашихъ изслѣдователей то полное сходство, которое они находятъ въ устройствѣ протестантскихъ гимназій и острожской школы. Курсъ наукъ, методы преподаванія, классная дисциплина и вообще весь педагогическій строй и даже религіозно-нравственный строй острожскаго училища—все это замѣчательно близко подходитъ къ устройству и духу реформатскихъ гимназій... [1]).

Но все это—не болѣе какъ голословныя фразы. Въ основѣ ихъ—одни только апріорныя соображенія о возможности вліянія протестантскихъ школъ на наши. Вліянію этому открытъ былъ доступъ только позднѣе, а не въ эпоху возникновенія острожской школы. Не могъ же кн. Острожскій, учреждая училище, перенести въ него сразу и учебный строй иновѣрныхъ школъ, и формы ихъ жизни, разъ было уже удостовѣрено, что отпаденіями отъ православія своихъ сыновъ Русь была обязана не чему другому, какъ наукѣ, культивируемой въ католическихъ и протестантскихъ коллегіяхъ. При томъ же Скарга подсказывалъ князю, что причины упадка православной церкви заключаются, между

[1]) *Соколовъ* о. с., 425—427. *Ильинскій*, Вол. еп. вѣд., 1891, 820. 821 (Юго-западное русское общество и его умственное и религіозно-нравственное состояніе въ XVI и первой половинѣ XVII в.) и 1893, 966. 967 (Большой Катихизисъ Лаврентія Зизанія, какъ учено-литературное произведеніе).

прочимъ, въ невѣжествѣ ея пастырей и паствы по отношенію къ греческому и славянскому языкамъ и ихъ литературамъ: нужно было, слѣдовательно, прежде всего обратить вниманіе на нихъ. А инструкторы греки, разумѣется, должны были придать всей жизни новаго училища—и внѣшней и внутренней—строй греческо-православный...

Впрочемъ, мы далеки отъ мысли, что будто острожская школа навсегда заключилась въ кругѣ греческо-славянскихъ наукъ и навсегда осталась чужда тѣмъ просвѣтительнымъ вліяніямъ, какія неслись съ Запада Европы. За послѣднее говорятъ, съ одной стороны, прямыя выше приведенныя свидѣтельства о введеніи въ ея программу латинскаго языка и о преданіи ей характера школы свободныхъ наукъ [1]), съ другой—сношенія кн. Константина Константиновича съ Римомъ по вопросу о реформѣ училища въ уніональномъ духѣ [2]) и его отношенія къ протестантамъ и ихъ просвѣтительной дѣятельности. Извѣстно, что князь Острожскій относился очень одобрительно къ образовательнымъ стремленіямъ протестантовъ, въ частности социніанъ, и ставилъ ихъ въ укоръ бездѣятельности православной іерархіи. 25 марта 1595 г. онъ писалъ брестскому епископу Ипатію Потѣю: „А што ся тычетъ зъездовъ, абы были такие у насъ, яко у тыхъ, што ихъ зовемо некрещоными людми: аръріаны, новокрщенцами, геретиками, которые, коли зъедутъся, все постановять и держатъ; знать, же не ѣздять на банькеты,

---

[1]) Система такъ называемыхъ семи свободныхъ наукъ, которой въ теченіе многихъ вѣковъ слѣдовала европейская педагогика во всѣхъ странахъ, дѣлилась на trivium и quadrivium. Къ первому принадлежали: грамматика, риторика и діалектика, ко второму—ариѳметика, геометрія, музыка и астрономія.

[2]) Мы не будемъ однако увѣрять, что папа дѣйствительно прислалъ въ 1583 г. въ острожскую школу своихъ учителей—іезуитовъ ли то, или питомцевъ аѳанасьевской коллегіи. И едва-ли симпатіи князя къ Риму пережили этотъ годъ: скоро послѣ того онѣ склонились на сторону протестантовъ, которыхъ онъ въ письмѣ къ своему внуку Янушу Радзивиллу отъ 14 апр. 1585 г. называетъ „истинными исповѣдниками Христа“ (*Голубевъ*, Петръ Могила, прилож., № 6). Но еще ранѣе того кн. Острожскій развилъ свою противокатолическую дѣятельность и проявилъ свою ревность къ православію въ такой сильной степени, что это-то, по свидѣтельству Спанноки, и послужило однимъ изъ двухъ препятствій къ избранію его въ польскіе короли послѣ бѣгства Генриха Валуа (Relacye mencyuszów apostolskich, I, 460).

ани на опилства, не на фальше, ани на здрады, але штобы до скутку речей святобливыхъ и побожныхъ приходили: для того тогды у нихъ школы, друкарнѣ и шпитали всюды, и казнодѣевъ множство, безъ личбы“ [1]). Симпатіи кн. Острожскаго къ протестантамъ и высокое мнѣніе его объ ихъ учености доходили у него до того, что онъ пользовался ими для полемики съ латинянами. Такъ, по его порученію нѣкій Мотовилло, социніанинъ, написалъ сочиненіе противъ латинянъ, которое не было напечатано только потому, что вызвало страшное удивленіе и вмѣстѣ негодованіе со стороны друга Острожскаго кн. А. М. Курбскаго [2]). Впослѣдствіи такое же порученіе князь далъ другому протестанту Хр. Бронскому, издавшему подъ псевдонимомъ Христофора Филалета Апокрисисъ [3]). Неудивительно послѣ всего этого, если въ острожской школѣ преподавали протестанты [4]). Къ князю Острожскому, по нашему мнѣнію, всего болѣе приложимо свидѣтельство уніата Дубовича о нѣкоторыхъ знатныхъ панахъ, которые жертвовали большія средства, чтобы поднять образованіе среди русской молодежи и которые приглашали въ свои школы учителей изъ нѣмецкихъ еретическихъ коллегій [5]). Не чуждались учителей-протестантовъ и братскія школы, напр. виленская [6]), но и тамъ и здѣсь все вліяніе ихъ органичивалось развѣ только расширеніемъ учебныхъ программъ въ пользу свѣтскихъ наукъ съ сообщеніемъ имъ латинскаго характера. Внутренній же строй училищъ долженъ былъ остаться тотъ же.

К. Харламповичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) П. П. Л., Ш, 599.

[2]) Сказанія кн Курбскаго, изд. П (1842), 281 и слѣд.

[3]) Мы не можемъ не повѣрить частнымъ заявленіямъ автора Антиприсиса, что Филалетъ—явный еретикъ (П. П. Л., Ш, 667. 669. 721).

[4]) Архивъ б. греко-уніат. митрополитовъ (въ Архивѣ Св. Синода), кн. V, № 346, Uwaga 3, f. 19. *Pelesz*, Geschichte der Union der ruthenischen Kirche mit Rom, П, 461.

[5]) *Dubowicz*, Hierarchia, 1644, str. 194.

[6]) А. З. Р., IV, № 217. П. П. Л., I, 285.

БОГДАНЪ ХМЕЛЬНЫЦЬКЫЙ[1].

Историчня драма, въ V-ты діяхъ и 6-ты одминахъ, зъ апофеозомъ.

ДІЕВИ ЛЮДЕ ЗЪ I-ои ОДМИНЫ III-ія ДІИ:

Фирлей—вельмы хревній, регементарь,
Адамъ Кысиль—Брацлавскій воевода;

Заремба,
Ясинськый,
Ржевусьный,
Чаплинській,
— військова шляхетна старшына;

Елена,—уже жинка Чаплинського;
Юзя,—ій служныця,
Ярема Вышневецьный—князь.
Гонець.
Гайдукъ.

Шляхта, військови паны й панїи.

Дїется у Збаражи.

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1897 г., № 4.

ДІЯ ТРЕТЯ.

1-ша одмина.

Кругла саля въ Збаражскимъ замци. На першимъ планѣ колоны й склепиння. Попидъ колонами канапы. Все вбрано зоружжямъ. Зправа видъ зрителивъ высоке креселко; поручъ черезъ увесь кинъ стоять пивколомъ други, нижчи. Двери просто—вхидни праворучъ—до молельни; ливоручъ—до покоивъ, зъ пышнымы зависамы.

Выходъ 1.

(*Елена и Юзя*).

(*Пры пидняттi зависы, чуты зъ молельни органъ и гуртовый спивъ*).

(*За коном*ъ) Гуртъ. Пидъ покровъ твій, свята Панно,
Прыбигаемо нещасни;
Збороны насъ одъ напастей,
Порятуй одъ стрiлъ ворожыхъ,
Крый одъ наглои насъ смерты!

Юзя (*йде до молельни, мочыть св. водою голову и стае на колина*). Панъ-Езусъ! Матко свьента, змылуйсь!

(*Изъ молельни выходыть въ слезахъ Елена*).

Юзя (*пиддержуе iи*). Що зъ вамы, пани кохана?

Елена. Ахъ, Юзю! Тамъ правылы литiю... Пробощъ казань чытавъ... щобъ сповидалысь вси и готувалысь до смерти... щось чекае страшне!

Юзя. Охъ, Езусъ-Марiя! пропащи мы! по мисту стоить лементъ... Кара, кара Божа!.. Усюды смерть...

Елена. Смерть? Я не хочу вмыраты!.. Рано... рано!.. Не нажылася я... жыття мени слалось квиткамы...

Юзя. Заспокойтесь, пани! Може ще зглянется надъ намы Панна свята...

(*Юзя веде Елену въ слезахъ и садовыть на канапи, пидъ колонамы*).

(*Чуты спивъ*) Гуртъ. Колы й грихъ на насъ тяжіе,
Зглянсь на наши дрибни слезы
И пробачъ рабамъ покирнымъ:
Ты есы бо ласка й мылость
Споконъ вику и до суду!

Елена. Ни, ни!.. Не зглянется!.. Я не можу несты що дня таку муку... Тремты за кожну хвылыну... Прыслухайсь до стогону, до пекельного гуку гарматъ... Ахъ! Чы-жъ сподивалась я такого.

Юзя. Хто-жъ мигъ и пречуваты, моя пани ласкава? Спочатку складалося все такъ гарно й щаслыво: вельможный панъ навить шлюба зъ панією узявъ...

Елена. А якъ-же-бъ иначе?

Юзя. Ну, зъ бранкамы, пани, часомъ не церемонятся...

Елена. Зъ бранкамы, зъ хлопкамы... а не зъ панею Еленою! Я знаю сылу своеи красы и дешево-бъ ій не продала зроду! Я бъ и сывого, упартого Богдана заставыла женытысь... тилькы доля поманыла на инче...

Юзя. О, моя пани дрóга, маешъ рацію! Такои яснои зори на циле крулевство нема... и вси мусылы бъ передъ панією до нигъ падаты.

Елена. Я про те й марыла, а доля мени зраду ковала. (*Замыслюется*). Жорстоко тоди Стась учынывъ: всю челядь перебывъ... а хлопчыка Андрія на моихъ очихъ канчукамы замордувалы... Стара няня кынулась обороняты,... а ій проломылы келепомъ голову... Ухъ! Я ажъ зомлила... Може за це й кара?

Юзя. За схызмативъ? що пани гадае?

Елена. Все-жъ люде... и отъ теперъ страшный Богданъ помстыться и змыва кривью весь край! И все те—черезъ мене... (*Лама руры*).

Юзя. Не побывайтесь, пани кохана: то-жъ не по панській воли вчынилось...

Елена. Але я вмовылась... втекла... и доля одурыла мене, одурыла, насміялася! Старый сычъ теперъ гетьманомъ-королемъ, усе тремтыть пидъ его булавою, а мій магнатъ у пастци, мовъ тхиръ!.. Намъ у вичи дывыться смерть, або й катування лыхи...

Юзя. О, Ченстоховська Божа Маты! Змылуйся!

(*Пауза. Органъ грае*).

Елена. А якъ думаешъ, Юзю,—якъ бы Богданъ піймавъ мене,—убывъ-бы. замучывъ?

Юзя (*зрадившы думци*). Ни, пани! Якъ Бога кохамъ, ни!

Елена. Але винъ ревнывый... гоноровытый... не перемигъ бы безчестя...

Юзя. Панъ Гетьманъ безъ памьяты коха мою пани... Одынъ поглядъ—и его серце ростане, якъ вискъ...

Елена. Его серце не зъ воску, а зъ крыци...

Юзя. У панськыхъ рукахъ и крыця розмьякне...

Елена. Охъ, чи такъ же?

Юзя. Та чи видомо-жъ гетьману, що пани по своій воли втекла? Паню взято насылкомъ, гвалтомъ... Я бъ прысягнулась...

Елена. Та чи коха ще мене Богданъ?

Юзя. Чи-жъ здола хто панію зацураты?

Елена. Ты пидлещуешъ... а колы-бъ не такъ склалося, я бъ сіяла теперъ владою... а тутъ... Ахъ, яки докучлывы думкы печуть мени мозокъ! (*Чуты стукитъ*).

Юзя. Идуть сюды!

Елена. Тыхо! (*Прытаилысь*).

Выходъ 2.

(*Ти-жъ и Чаплинськый, Ржевуськый, Заремба та Ясинськый*).

Чаплинськ. Не знае, панство, для чого насъ заволано тутъ?

Ясинськый. Військова рада.

Заремба. Ни, лыцарство хоче пана (*показуе на Чаплинського*) наставыты гетьманомъ...

Чаплинськ. Вишъ, пане, цо? Я змигъ-бы нымъ буты, бо естемъ уродзоный, гоноровый шляхтычъ, а вацпану—зась!

Заремба. Та звисно, куды-жъ Волынському тутуру, та пнутысь до Лытовськои жерткы!

Ржевуськый. До правды! Чаплинськыхъ зъ пьять панъ за себе схова...

Чаплинськ. Пане! Чаплинськый ще не ховавсь ниде зроду!

Ржевуськый. О? такъ?

Ясинськый. И по ровахъ бувалысьте, пане...

Чаплинськ. Протестуюсь!

Ясинськый (*пидходыть блызько*). То я лгу, пане?

Чаплинськ. (*назадъ*). Я не кажу... але... пану може... здалось... (*Смихъ*).

Елена (*Юзи*). Зъ его кепкують... а винъ...

Юзя. То лыцарськи жарты.

Заремба. Одначе, панове, рада радою, а моя утроба тежъ просыть рады: тра-бъ по чарци...

Чаплинськ. Панъ тилькы про черево й дба...

Заремба. А про ворогивъ панська турбація: за такымъ лыцаремъ я можу спаты спокійно!

Чаплинськ. А що-жъ, пане, ваши Потоцькы та Калиновськи наброилы? Одибралы есте памьяткового пры Кумейкахъ, Жовтыхъ водахъ та Корсуни...

Ясинськый. А для чого-жъ панъ не прылетивъ туды зъ своимъ завзяттямъ и хыстомъ, а десь тынявся по закуткахъ?

Чаплинськый. Я... пры справи бувъ... на Волыни.

Ясинськый. А не въ Чыгырыни? Не пры своимъ старости? Гай, гай!

Елена (*Юзи*). Винъ мене ратувавъ...

Юзя. А теперъ на пана напасть...

Заремба. Панъ зъ Чыгырына тикавъ зъ здобыччю...

Ржевуськый. А! зъ красною Еленою? Але Парысови, колы нымъ статы хотилось, повынно-бъ буты у першимъ вогни... а не по задвиркахъ...

Чаплинськ. То клямство, пане!

Ржевуськый (*пидходыть*). Цо—о?

Заремба (*тежъ*). Чи панъ не вкравъ Елены?

Ясинськый (*тежъ*). Чи не злодіяцькымъ гвалтомъ и нападомъ на самыхъ бабъ?

Чаплинськ. (*одступа*). Панове, проше! Що-жъ то? Чаплинському ще не впадало браты гвалтомъ серце кобиты: кожна сама кыдалась... Звычайна шляхетська потиха...

(*Елена, якъ опечена, схоплюется. Юзя удержуе*).

Ясинськый. А черезъ ту потиху циле пекло спалахнуло.

Ржевуськый. И черезъ бабу... та шляхецька кровъ ричкамы тече!

Чаплинськ. Панове! Колы-бъ я те пречувавъ...

(*Елена крыкнула и закрыла выдъ; але органъ заглушывъ ій покрыкъ*).

Ясинськый. То зробывъ-бы панъ друге паскудство?

Чаплинськ. Я порахуюсь зъ вамы, панове, за це описля!

Ясинськый. А вже-жъ: перше Богданъ Хмельныцькый порахуется съ паномъ...

Ржевуськый. О, шкуру зъ жывого здере!

Заремба. Ходимъ до костела: тамъ и воевода, и регементарь. (*Вси заходять*).

Чаплинськ. Що-жъ це? Смерть? Не мынучи тортуры? О, трыста дьябливъ!.. треба тикать... и найхутче!.. Дизнавсь про потайный лазъ... Де моя Леся?.. Чи браты ій?.. Певно тамъ... (*Иде въ костелъ*).

Выходъ 3.

(*Елена и Юзя*).

Елена. Мене гапеблють! Усю ту кровъ на мою голову ллють? (*Истерично рыда*).

Юзя. Пани! Ластивко моя! Не діймайте тимъ словамъ виры!

Елена. Чого-жъ воны все на мене звертають, чого? Самы розлютувалы звиря... самы запалыли пожежу—и на мене! А

мій Стась... ой, такъ не по шляхетськи... терпыть зневагы... хызуется... Охъ, якъ боляче! отутъ горыть... (*Показуе на серце*).

Юзя. Панъ не хоче дратуваты ихъ, щобъ на паню не ремствовалы...

Елена. Та панъ самъ готовъ у мене кынуты каменемъ... Ни, Юзю, ни! Колы сміются надъ любымъ подружжамъ, то чоловикъ не рахуе... Стась не любыть мене... Жалкуе, що взявъ... У! Дурна я, дурна! Такъ мени й треба!

Юзя. Пани здалось такъ...

Елена. А колы любыть, то ще гирше, ще гыдше! (*Рве платокъ*).

Юзя. Заспокойтесь, пани!

Елена. Не можу, не можу!.. Тхиръ! Курополохъ!!

Юзя. Пани себе тилькы змордуе...

Елена. А! Проклятая! (*Зрыва перлы и кыда*). Слухай, Юзю! Воны тутъ збираются... на раду... Я хочу знаты... слухаты... де-бъ тутъ?

Юзя (*кынувшы окомъ*). Пани за тымы зависамы може сховатысь.

Елена. Спусты ихъ! (*Ховается*).

(*Юзя, зачувшы органъ на видпустъ, выходыть у двери*).

Выходъ 4.

Фирлей, Кысиль, Вышневецькый, Чаплинськый, Заремба, Пробощъ, Ясинськый и друга шляхта.

Фирлей (*сида на кресли; поручъ зъ нымъ Пробощъ*).

Шановнее, ясновельможне панство!
Я склыкавъ васъ на раду військову:
Держатысь билшъ у Збаражи несыла.
Бракуе въ насъ и хлиба, и воды,
Та и прыпасу боевого—годи!
У десять разъ сыльнищый ворогъ насъ
Стысъ въ лещетахъ; обвалени окопы
И ранамы ажъ свитять скризь муры...

Що намъ чынить, преславни воеводы?
Чи полягты усимъ тутъ до ногы,
Чи мисто здать?

ЧАПЛИНСЬК. Ганеба, встыдъ, панове!

РЖЕВУСЬКЫЙ. Це нашъ Кодакъ!

ЯСИНСЬКЫЙ. Тутъ зброи повный складъ.

ВЫШНЕВЕЦЬК. Цю тверджу здать—то видчынить ворота
У саме серце Польши!..

ЧАПЛИНСЬК. Езусъ-Панъ!

ПРОБОЩЪ. O, virgo divina! Pro nobis ora!

ФИРЛЕЙ. Такъ щожъ чынить?

ВЫШНЕВЕЦЬК. Коронне вийско тутъ;
Мы злучымось и цей ворожый табиръ
Розирвемо на два шматкы...

ФИРЛЕЙ. Я жду
Видъ короля вистокъ; але, мій княже,
У его сылы жменя...

ВЫШНЕВЕЦЬК. А мои
Гусары?

ЧАПЛИНСЬК. Я-бъ и зъ жменею тыхъ левивъ
Розпудывъ хлопивъ...

ЗАРЕМБА. Може, пане, бабъ? (*Смихъ*).

ЧАПЛИНСЬК. Що, пане?

ЗАРЕМБА. То, що Збаражъ—не Суботивъ!

ПРОБОЩЪ. O, illustrissimi!

ФИРЛЕЙ. До рады васъ прошу!
Его-мосць князь провадыть ждаты круля;
Але якъ ворогъ ждаты не дае,—
И за годыну, ясне панство, тутъ
Загоготыть пекельный бенькетъ смерти!

ВЫШНЕВЕЦЬК. Ии зустрить не хоче пышный панъ?

ФИРЛЕЙ. Образа, княже! Мы не разъ ий въ вичи
Дывылыся... Тутъ не про себе ричъ:
А чи гаразды останне вийско наше
На гыбель дать?

Вышневецьк. Такъ крыжемъ полягты
Передъ лыхымъ бунтовныкомъ и хлопомъ?
Ржевуськый. О, краще смерть!
Ясинськый. Пся кревъ!
Чаплинськ. На пали ихъ!
Заремба. Машъ рацію, хоробрый пане, тилькы
Звершы іи...
Чаплинськ. Не катъ я...
Заремба. А Парысъ?
Чаплинськ. Я зъ паномъ завтра...
Пробощъ. Не змагайтесь, диты!
Тяжку годыну Богъ намъ посыла,
Що не сповнялы мы наказивъ Папы:
Не вырвалы мы схызмы, а вогонь
Очыстывъ бы ихъ, гришныхъ, и настала-бъ
Скризь кателыцька вира...
Фирлей. Зъ цёго й брань.
Знялась братерська...
Чаплинськ. Якъ? Браты намъ хлопы?
Вышневецьк. Лайдаки! быдло!
Фирлей. Добры воякы,
Що боронылы польскій край видъ турка.
Вышневецьк. У Польши есть лыцарськый, славный мечъ!
Фирлей. Оборонывъ винъ насъ пры Жовтыхъ водахъ,
Пры Корсуни...
Вышневецьк. Ньестеты! Выннi вы,
Паны мосциви, а не вiйсько! Зроду
Вы про вiйну не дбалы и въ гадкахъ:
На роскошахъ розпестывшы всю сылу,
За клочча вы вважалы козака,
Мовъ на бенькетъ ишлы его караты,
А въ клоччи тимъ зъявылась сыла й васъ
Перевернула, та й пишла пожаромъ...
Хто на чоли поставленый бувъ тамъ?
Фирлей. Ти, що не разъ служылы Марсу славно!
Вышневецьк. Та й виддалысь въ лабеты козаку...

ФИРЛЕЙ. Фортуна зла и ненадійна зрада.
ЧАПЛИНСЬК. И необачный выбиръ ватажкивъ...
ЗАРЕМБА. Але, панове,—що було—мынуло,
А мы теперъ даремно гаемъ часъ:
Богданъ влетыть и насъ жывыхъ пошкварыть,
Мени-жъ свого жаль сала, дали-бугъ!
РЖЕВУСЬКЫЙ. А панъ прыдбавъ его...
ЯСИНСЬКЫЙ. Зъ цеберъ...
ЗАРЕМБА. Тымъ бардзій!
ПРОБОЩЪ. Salutio ex coelo!
ЗАРЕМБА. Треба намъ
На часъ хочъ замырытысь.
КЫСИЛЬ. Ясне панство!
Дозвольте ричъ держаты.
ДЕ-ХТО. Хто? Кысиль?
ДРУГИ. Мы ради вчуть и пана воеводу.
КЫСИЛЬ. Якъ сытая, непорана земля
Лышъ будякы замисць пшеныци родыть,
Такъ воля въ насъ безкрайя, золота
Не на корысть иде, а на сваволю...
ВЫШНЕВЕЦЬК. Зневага то!
ЧАПЛЫНСЬК. Ганеба!
ПРОБОЩЪ. Панъ-схызматъ.
КЫСИЛЬ. Такъ, я схызматъ, я грецького закону,
А серцемъ я щыришъ за васъ полякъ.
И боляче люблю свою краину!
Сто литъ тому, передъ Жыгмондомъ ще,
Украина еднатысь стала зъ Риччю—
И справа йшла любесенько, безъ чваръ.
Риднылысь мы, росла на сылахъ Польща,
И богативъ та цвивъ нашъ пышный край...
Коли це вразъ—чи то пекельна заздристь,
А чи пыха безглузда—збылы гвалтъ:
Паны пишлы забрать козачи добра,
Ксензы взялысь имъ виру поламать—
И занялося пекло! Панство, друзи!

Одумаймось, нё лыймо дарма кровъ,
Одсахнемось одъ гвалту та розбою:
Нехай любовъ прыспыть оту злобу
И зажывыть ойчызни тяжки раны!

Вышневецьк. Панъ гетьманъ тежъ однои думкы?

Фирлей. Такъ!

Вышневецьк. Щобъ бунтарямъ дать пильгу й одростыты
Ще пазури та зубы на панивъ?

Фирлей. Князь помылывсь... Теперъ воны лышъ можуть
Намъ пильгу дать... а вашъ вогонь та мечъ
Змигъ розъярыть прыборканого звиря,
А не спынить...

Кысиль. Панове! Fiat pax!

Вышневецьк. Якъ мыръ? На чимъ? На тимъ, що Хмель зъ насъ правывъ?
Шляхетство дать значнымъ лейстровыкамъ,
Знесты уси костелы на Вкраини
И выгнаты котолыкивъ, жыдивъ?

Пробощъ. Езусе-Пане! „Свьента вяра“ гыне!

Ржевуськый. Знущаются надъ Sacramentum псы!

Кысиль. А хто жыдамъ дававъ церквы въ аренду?

Одни. Этъ, то пся кревъ...

Други. Схызматамъ мукы!

Пробощъ. Amen!

Фирлей. Король того не хоче...

Чаплинськ. Цо тамъ круль?!

Ржевуськый. Мы самы крули!

Ясинськый. Шляхтычъ на загроди
И воеводи ривенъ, пане!

Другіи. Такъ!

Пробощъ. Едыный лышъ надъ вси владыка—Папа.

Де-хто. Схызмативъ быть! До пекла ихъ!

Чаплынськ. Завстыдъ
Лякатысь намъ!

Вышневецьк. Тымъ бардзій, що е помичъ!

Одни. По згоди въ насъ однимуть хуторы
И все добро...
Други. Ганеба! Veto! Veto!
Фирлей. Панове! Дайте слово! Це не сеймъ!
Забулысьте, що я Коронный Гетьманъ
И власть моя...
Бильшына. Той зрадныкъ, хто—за мыръ!
Конецпольскый, Заремба, Кысиль (*встають и до шабель*).
До зброи!
Вышневецк. и де-хто. Вментъ!
Пробощъ (*стае мижъ ныхъ*). О, найясниша Панно!

Выходъ 6.

(*Тижъ и гонець*).

Гонець. Лыста прыславъ ось найяснишый Круль.
Фирлей. Отъ певна намъ и рада, и надія.
(*Чыта нервово. Вси зразу прытыхли*).
О, горе намъ? Кара насъ божый гримъ...
Розбытый Круль!
Вси. Коронне війско згыбло?
Фирлей. Лягло усе... Може й яснійшый Круль...
Вси. Погыбель намъ!
Пробощъ. Voluntas tua fiat!
(*Пауза*).
Заремба. Що-жъ намъ чыныть?
Кысиль Зъ Богданомъ Хмелемъ мыръ.
Фирлей. Тымъ вызволымъ мы круля изъ лабетивъ...
Заремба. Такъ нарядыть до Хмеля посланця...
Ясинськый. А пидкупыты-бъ?...
Заремба. Хмеля? Тамъ и прорва!
Винъ Польщу всю ковтне...
Ржевуськый. А то татаръ:
Ти продадуть и батька за дукаты!
Ясинськый. Напевне такъ, та треба и значныхъ...

Пробощъ. Выговського... винъ зъ шляхты...
Фирлей. Ни, Тетерю!
Чаплиньск. И ошукаты потимъ...
Пробощъ. Клятву ту
Зъ схызматамы ламать зволяе Папа...
Вышневецьк. Шельмовство то!
Чаплинськ. Зъ-пидъ гвалту слово—дымъ.
Вышневецьк. Шляхетське слово есть святыня, пане!
Фирлей. Що-жъ, лыцари?
Кысиль. Мырытыся мерщій!
Заремба. Щобъ вымовыть въ Богдана хочъ що-небудь
Прынаду-бъ треба и ему...
Ясинськый. Яку-жъ?
Пробощъ. In coelo spes.
Вышневецьк. Не згоденъ я! Кризъ лавы
Зъ гусарамы прорижусь...
Кысиль. Марный бій...
Тамъ сылы—тьма!
Вышневецьк. Мои гусары—левы!
Кысиль. И ихъ згубыть?
Вышневецьк. За те славетна смерть!
(*До Чаплинського*). Зи мною панъ?
Чаплинськ. То „рызыка“ велыка...
Заремба. А якъ хвалывсь!
Ясинськый. Звытяжець бабъ, дитей!
Заремба. Его-бъ оддать Богданови въ заставу...
Де-хто. Винъ бучу знявъ...
Други. Нехай и вызволя!
Чаплинськ. На Бога! Панство! Що-жъ то?
Вышневецьк. Гайда въ поле!
За мною!
Чаплинськ. Тамъ выдыма смерть...
Вышневецьк. (*выходючы*). У! Тхиръ!
Де-хто. Шкодлывый китъ, а на розправу—заець!

Выходъ 7.

(*Тижъ и Гайдукъ*).

Гайдукъ. Ворожи скризь шыкуются повкы
И оточають Збаражъ.
Пробощъ. Finis! Finis!
Одни. Рятуймося!
Други. Погыбель, смерть намъ всимъ!
Кысиль. Спустыты стягъ!
Де-хто. Чаплинського виддаты!
Чаплинськ. Ой, змылуйтесь, мои паны ясни!
Тортуры... смерть...
Пробощъ. Панове! Слушна рада:
Чаплинського визьме для мукъ Богданъ,—
И постраждать—то честь: едынъ—за мнози!
Але щобъ бильшъ Богдана вдовольныть,
То виддамо назадъ ему Елену.
Фирлей. Правдыва ричъ, свята!
Чаплинськ. На вищо-жъ я?
Невже, паны... дасте вы... шляхту хлопу?
Богдану треба жинкы... хай бере!
Пошлить ему Елену вже... на втиху...
На мене-жъ зглянытесь...
Фирлей. Жинку панъ дае?
Чаплинськ. Такъ, такъ... даю... Везить ему Елену!
Наскучыла... натишывсь—та й-уже!

Выходъ 8.

(*Тижъ и Елена*).

Елена (*хутко и гордо выходячы зза зависы*).
Я чула все—и соромъ крые щокы,
Що я змогла такого покохать!
Вы свій языкъ оманою мастылы

И зброилысь у мужнисть хвастивну...
(*Показуе на серце*). А тутъ у васъ—гниздо гыдкои жабы,
Де кублытся зрадецьтво, лжа и страхъ...

(*Чаплинськый хоче щось сказаты*).

Видъ мене геть, мерзотній недолюдку!
Безчесныка не хочу й слухать я!

(*Чаплинськый пирнувъ у юрбу и втикъ*).

А вы, мизерніи нащадкы сылы й славы,
Звелычени безсыллямъ та стыдомъ
И гризны лышъ на похвалкы та зъ кволымъ...
Вы дужому вклоняетесь до нигъ:
За спокій свій, за ласощи й розпусту
Готови вы оддаты й честь свою,
И честь жоны и навить дони цноту,
Абы самымъ закрытысь одъ биды...
Надъ инчымъ гвалтъ... неслава... и публика
Вамъ за нивець... Що вамъ жиночый стыдъ?!...
Такъ! Я пиду въ ворожый станъ Богдана,
И колы-що въ грудяхъ его не лидъ,
То буду я надъ Краемъ панувaты!

(*Вси остовпилы*).

(*З а в и с а*).

ДІЕВИ ЛЮДЕ ДО 2-ои ОДМИНЫ Ш-еи ДІИ.

Богданъ Хмельницкый — гетьманъ;
Тетеря,—полковникъ, близько до гетьмана лице.
Выговськый—писарь, при Богдани;
Богунъ, **Крывоносъ**, **Нечай**, **Морозенко**, **Чарнота** — полковникы;
Тымко—сынъ Богдана;
Бандурыста—сивый дидъ;
Джура,
Ясинськый—посланець польскый;
Елена Чаплинська—бывша коханка Богданова;

Козакы, гайдукы.

Дѣется подъ Збаражемъ.

2 ОДМИНА.

(Середына намета Хмельницького, доволи роскишна: турецьки канапы, столы; багато-дорогои зброи. Ввійстя вхидне и наливо до спальни).

Выходъ 1.

(*Тетеря и джура*).

Тетеря. Ясновельможный Гетьманъ де?

Джура. Въ покои,
Я ось готую зброю.

Тетеря. Сповисты,
Що я прыйшовъ...

Джура. Въ ту-жъ мыть, вельможный пане!

Тетеря. А чи въ гумори Его мосць?

Джура. Воны
Щось гнивалысь страшенно на Чарноту.

Тетеря. Визьмы соби на шапку—ось дукатъ...
Ты хорошунъ и славный въ мене хлопець!
(*гладыть*) Ну, а про що розмова йшла? Не чувъ?

Джура. Про то... эге-жъ, здается... про Чаплинськыхъ.

Тетеря. А сердывся?.. Ось ще тоби дукатъ. (*Дае*).

Джура. Лыбонь про те, що винъ не розшукае...
Ажъ стукалы по столу кулакомъ.

Тетеря. На стежечку! (*Дае якусь монету*).

Джура. Спасыби, ясный пане! (*Выходыть*).

Тетеря. Ну, це гараздъ! Тепера знаю я,
Що въ сывого горыть вогнемъ ще рана,

И не вгасывъ ін побидный гукъ...
Се буде зновъ мени шляхомъ въ те серце.

Джура (*ввиход.*). Ясновельможный гетьманъ пана жде.

(*Тетеря йде до спальни, а джура прыбира наметъ и выбига часамы у станъ.*

Выходъ 2.

(*Богданъ, Тетеря и джура*).

Гуртъ (*недалеко за кономъ спива*).

Ой, Богдане-тату!
Вернувъ нашу хату—
Щасты тоби Боже!
Не забуде зроду
Корсунь, Жовти воды—
Кодло все вороже!

Богдана (*голосъ*). Вына сюды и люльку!

Джура. Зразъ, вмыть,
Ясновельможный гетьмане и пане!

Гуртъ. Та немае лучче,
Та немае краще,
Якъ у насъ на Вкраини,—
Що немае жыда,
Що немая Ляха,
Та не буде й уніи!

Богдана (*голосъ*). Щобъ румака готовылы!

Джура. Въ сидли
Вже винъ стоить, ясновельможный пане!

Тетеря (*выходыть улеслыво за Богданомъ*).

Твои лысты збентежылы всю чернь:
Покынувъ скризь славетный панъ—крамныцю,
Кравець—шытво, гончарь—свои горшкы

Загонамы шыкуется весь людъ
И полумьямъ шляхы соби проводыть.

Богданъ. Гараздъ, гараздъ! Хай свитють ворогамъ:
Згадается имъ унія й Суботивъ!

Тетеря. Одно тилькы: озвирена юрьба,
Зъ пьяныхъ очей не розбера никого...
И всихъ панивъ, бодай-бы-то й свои—
У пень руба, а добра геть руйнуе!

Богданъ. Що діять? Въ ныхъ—вся сыла...

Тетеря. Та лыха!
Колы въ гребляхъ вода, то зерно меле,
А якъ прорве, то понесе и млынъ...

Богданъ. Та млынъ отой зъ греблямы й е неволя:
Нехай знесе—поставымо другый...
А паводи теперъ спыняты годи!
Я обицявъ голоти вси права,
Зривняты чернь зъ лейстровыкамы навить.
И тымъ пиднявъ супроты ворогивъ
Таку страшну необорымы сылу...

Тетеря. О, що й казать! Твій розумъ, що орелъ...
Але-жъ и те: обицянкы—цяцянкы!...
Бо сылы ти, що ясный гетьманъ знявъ,
На вси бокы пекельни й небезпешни:
Татарынъ звирь, розсатанила чернь...

Богданъ. Такъ скрывдыть ихъ ище небезпечнише!
Зъ ляхомъ-панкомъ тра вправаться першъ...

Тетеря. Пожежа йде... людъ на татаръ лютуе,
А старшына на люръ... и гвалтъ росте...
Не захотять панства терпить Содому...

Богданъ. Та такъ-то, такъ; але теперъ не часъ
Вудыламы спыняты буйни кони:
Ище кругомъ насъ ворогъ оточа...
Звоюемо, тоди й за хатни справы...

Тетеря. Та чи дадуть-же закрипыты мыръ?
Загавкають...

Богданъ. Чого?

ТЕТЕРЯ. Та на ту згоду:
Татары й чернь бажають Польшу всю
Розграбыты...

БОГДАНЪ. Я йду давыть сваволю
Напастныкивъ—магната и ксендза,
А не знищать безвынный людъ и круля,
Обраного по нашій воли...

ТЕТЕРЯ. Такъ...
А е зъ старшынъ, що за розбои ради...

БОГДАНЪ. Не зигнуть, ни! Цупкый удавсь Богданъ!

ТЕТЕРЯ. Тоби Господь надавъ высоку долю:
Украину ты вызволышъ цилкомъ,
Збудуешъ тутъ велыке, славне панство...
И хто-то зна...

БОГДАНЪ. Чымъ дали, брате, въ лисъ—
Тымъ бильшъ думокъ непевныхъ...

ДЖУРА. Ясный гетманъ,
Полковныкы-паны...

БОГДАНЪ. Просы, просы!
(*Тетеря выходыть*).

Выходъ 3.

(*Крывоносъ, Морозенко, Нечай*).

ВСИ. Чоломъ тоби, ясновельможный батько!

БОГДАНЪ. Здорови, диты, лыцари-орлы!
Що доброго?

КРЫВОНОСЪ. Одъ башты ажъ до ричкы
Ворожіи гарматы вси мовчать,—
Хоть заразъ можно добуваты мисто.

БОГДАНЪ. Заципыло?

МОРОЗЕНКО. Шкереберть вси!

БОГДАНЪ. Гараздъ!

НЕЧАЙ. А я ще скризь околыци пошарпавъ.

Крывоносъ. Отъ жаль, що я мижъ вамы тамъ не бувъ—
Эхъ, зъ хлопцямы мы погулялы-бъ ловко.
Що за бенькетъ, якъ мисто все пала,
А вороги, мовъ смерть, блиди трясутся...
Запалышъ люльку зъ вогныща, та знай
Тилькы крычышъ: „а ну-те, хлопци, шпарче,
Пиддайте жару, не жалійте рукъ,
Та приговорюйте—„за те вамъ и за тее!“

Морозенко. Ажъ духъ зрыва! Такъ въ сичу-бъ и махнувъ!

Богданъ. Завзяти вы, полковныкы, занадто:
Якъ такъ чыныть—пустыня буде скризь...
Та й не впада, панове, буть жорстокымъ:
Лежачого уже, мовлявъ, не бьють.

Нечай. А насъ ляхы—якъ завжды шанувалы?

Крывоносъ. Четвертувалы, шкварылы въ быкахъ...
А надто той Ярема, песъ пекельный...
Ну й допадусь!

Богданъ. Такъ мы-жъ, бра, не ляхы!

Выходъ 4.

(*Тижъ и Богунъ*)

Вси. Богунъ! Богунъ!

Богданъ (*обнима*). Витаемо звытяжця!

Богунъ. Товарышамъ и батькови чоломъ!
Ище прывизъ братамъ я трохы славы!

Вси Тоби хвала!

Богданъ. Якъ справывсь, роскажы!

Богунъ. Пидъ Зборовымъ було коронне військо.
Мы-жъ у ночи болото перейшлы,
Та й вдарылы налетомъ зъ Тугай-Беемъ...
Не ждалы насъ видтиль паны-ляхы—
Шатнулыся у ростичъ и до лясу
Вси кынулысь... А мы ихъ на вздогинъ
Давай локшыть та сикты на капусту:

Все поле вкрывъ блаватъ и аксамытъ,
Сто двадцять мажъ обозу захопылы!

Богданъ. Теперъ, браты, вся Польща у ногахъ;
Здобудемо за дви годыны Збаражъ—
И до Варшавы просто на ихъ сеймъ!

Вси. Хвала, хвала!!

Богунъ. Ухъ, славно, батьку любый!

Богданъ. Венгерського намъ, джуро, пиднесы!

Крывоносъ. Горилкы краще, гетьмане!

Морозенко. А правда,—
Выно квасокъ.

Нечай. Не пройме козака.

Богданъ. Ну, подавай скаженои, щобъ грала
Та пинылась...

Крывоносъ. Ця розворушыть кровъ.

(*Налывають кубкы, розносють*).

(*Выдно, що за шатромъ Тетеря спыня чогось Чарноту*).

Богданъ. За козакивъ, за славне Запорожжя!

Богунъ. За Украину—матиръ!

Нечай. За нашъ стягъ,
Щобъ за годыну падъ Збаражемъ маявъ!

Богданъ. Дай Господы! Теперъ на Збаражъ! Гей
Коня мени! (*Крывоносъ выходыть*).

Выходъ 5.

(*Тижъ и Тетеря*).

Тетеря (*хутко входыть и тыхо Богданови*).
Я маю новыну...

Богданъ. А що таке?

Тетеря (*одводыть его напередъ*). Дизнався я, гетьмане,
Що въ городи Чаплинськи!

Богданъ. О? Невже!

Тетеря. Ихъ выдадуть гетьману, колы мисто
Ощадымо...
Богданъ. Що діяты?... Бижы, скажы мерщій,
Щобъ прывелы... Хай посланци прыбудуть.
Обохъ! Обохъ!! (*Тетеря выходыть*).
Нечай. Що-жъ, батьку нашъ, рушать?
Богданъ, Трывайте ще... я дамъ, панове... гасло...
Богунъ. Тутъ вправытесь, братове, и сами,
А въ помичъ намъ дай, батьку, тысячъ зо три,
То короля въ полонъ заберемо.
Богданъ. Щобъ маестатъ? Его яснійшу мосць?!
Да не коснется вашъ повикъ и палець
Священнои парсоны короля!
Король—нашъ панъ; ему—мы вирни слугы:
Не на его повсталы мы,—на сеймъ!
Богунъ. А за-що-жъ винъ ишовъ насъ воюваты?
Богданъ. Ну... дукы вси... и Ричъ те вымага...
Нечай. Не вмеръ Даныло—трясця задавыла!
Богунъ. Этъ, що й казать, хиба не одынъ чортъ,
Чи батька разъ у лоба, а чи й двичи?
Богданъ. Мы захыстымъ Его Крулевську Мосць,
А винъ за те насъ возвелычыть гойно...
Нечай. Та мы теперъ взялы права й самы!
Морозенко. А ихъ почотъ и шана на сто-биса?
Богунъ. Насъ звелычае шабля, а не круль!
Богданъ. О, слипачи! Не мечъ царства будуе,
А певный глуздъ у справахъ обчеськыхъ:
Безъ головы—никчемни рукы й ногы!
Я владою, наданною мени,
Всимъ бороню на Короля вдаряты...
Теперъ якъ разъ намъ можно мыра взять,
Корыстного для насъ и для Вкраины...
Того я й жду видъ миста посланцивъ...
Богунъ. Якъ? Збаража не будемъ добуваты?
Нечай. Та ты-жъ подавъ до бою вже наказъ?
Морозенко. Це штука!

Богданъ. Я... не хочу марно лыты
Рыдной крови... бо здадуть и такъ...
Богунъ. Эй, гетьмане! Упустышъ тилькы добу
И часъ дасы спочыты ворогамъ:
А якъ буда ляхъ въ рукы пасъ піймае,
То жоднои ощады вже не жды!
Богданъ. Провчылы мы магнативъ... часъ и згоди!
Богунъ. Уся Волынь, Украина й Подоль,
Колы зовсимъ мы не задавымъ ляха,
У пазуряхъ застогне й зарыда
И прокляне своихъ бративъ па вики!
Нечай. Мы власнымы кисткамы вкрылы край
И зъ пивъ-шляху звертаты-бъ-то?!
Морозенко. Не згода!
У пень рубать всихъ нашыхъ ворогивъ!
Богданъ. Забулысьте, панове, що я гетьманъ
И на вийни мій голосъ—всимъ законъ!
До лавъ уси, и ждать мого наказу!
(*Вси понуро выходять*).

Выходъ 6.

(*Богданъ самъ*).

Богданъ (*вслидъ*). Не похылыть, панове, вамъ мене!
Згартована на крыцю въ мене воля,
И буде такъ, якъ поришыть Богданъ!
Вамъ хочется гармыдеру й сваволи,
Не вдастся, ни! Я певне право й ладъ
Постановлю, збудую на Вкраини...
Вже кайданы розбыти... часъ-пора
Прыкроиты ій власную одежу...
Тилькы бида, що всякъ бажа свого...
И мозокъ схне, якъ погодыть бажання?
(*Пройшовся, потыраючы лобъ, и сивъ, замыслывся. Пауза*).
Чи не чыню я крывды?.. Та невже

За ту красу продамъ я Украину? (*Встае*).
О, ни! Шельмовство причъ!.. Уже наставъ
Справедшній часъ дать мыръ... Я, безъ прынады,
Зъ ныхъ выправлю для Украины все!
У справахъ цыхъ не зрушыть мене баба!
(*Пройшовсь*).
Та й то ище: мо, знажують ляхы,
Щобъ выграты годыну?! О, не раджу
Мене дурыть!.. Все въ попилъ поверну,
Перетрощу остатнюю цеглыну,
Жывого пса и кишкы не лышу!..
Ни, тамъ вона!.. Якъ тутъ пече у грудихъ...
Зирвалы зновъ зъ старои раны струпъ...

Выходъ 7.

(*Богданъ и бандурыста*).

Бандурыста. Бувай здоровъ, нашъ батьку, нашъ гетьмане!
Богданъ (*обнима*). А, друже мій? Видкиль? Колы? Куды?
Бандурыста. Изъ Кыива сюды. Тоби владыка
Благословення нерухоме шле.
Богданъ. Зъ смыреніемъ и благостю прыймаю.
Бандурыста. Ты знявъ меча за виру пресвяту,
За ридный людъ, знеможенный у мукахъ—
И по церквахъ зновъ дзвоны загулы,
И людъ ожывъ, повеселивъ, одягся...
Вся Русь тоби пызенько бье чоломъ
И молытся за гетьмана-зборонця.
Богданъ. Спасыби ій! Спасыби диточкамъ!
Для мене то найкраща нагорода!
Бандурыста. Тоби до рукъ Господь давъ гризный мечъ,
Такъ не зверны-жъ зъ высокои дорогы
Ни рады добръ, ни рады власныхъ втихъ;
А памьятай, що лышъ свята потреба
Здола замыть пролыту людську кровъ.

БОГДАНЪ. Твои слова цилющою росою
На душу впалы...
БАНДУРЫСТА. Тамъ ихъ и ховай,
Та бережы, щобъ не розвіявъ витеръ.
БОГДАНЪ. Ховатыму.
БАНДУРЫСТА. Спыны ты татарву:
Розкынулось хыжацтво геть по краю,
Плюндруе все и спильныкивъ своихъ
Бере въ ясыръ... Тикають бидни люде
Геть ажъ за Псло, въ Московськи вже степы...
БОГДАНЪ. Бида изъ нею...—помичъ и руина...
БАНДУРЫСТА. Невира бачъ и хрестъ...
БОГДАНЪ. То до часу,
А мы теперъ въ колодочкы вже вбылысь,
И безъ невиръ замицнемо права...
Готую я щось инше Украини...
БАНДУРЫСТА. Увесь народъ надію поклада,
Що вызволышъ видъ рабства та неволи.
БОГДАНЪ. Украину я высоко здійму,
Дай тилькы часъ... (*Тетеря ввиходыть*).
БАНДУРЫСТА. А вже бъ пора нещасній,
Зруйнованій, знесыленій въ биди—
Спочыть певнишъ, загоить тяжки раны!
БОГДАНЪ. Такъ... але ты здорожывсь... одпочынь!
Гей! Нагодуй и дай прытулокъ, джуро!

(*Богданъ обнима старця. Джура выводыть его пидъ рукы*).

Выходъ 8.

(*Богданъ и Тетеря*).

БОГДАНЪ. Ну що? Якъ тамъ?
ТЕТЕРЯ. Все сповнять, якъ бажавъ.
БОГДАНЪ. Колы жъ, колы?
ТЕТЕРЯ. Вже пбиздъ рушывъ зъ миста...
БОГДАНЪ. Де? Тутъ уже?

Тетеря. Ще йидуть за валомъ,
Але на башти билый стягъ вже мае.
Богданъ. За пивъ годыны... певно будуть?
Тетеря. Такъ.
Богданъ. А въ пóиздп...
Тетеря. Прымитывъ, есть и пани...
Богданъ. И пани есть? Мій друже, мій Стешкò...
Я щось хотивъ сказаты... не згадаю ..
Щось кровъ мени ударыла въ вискы...
Перехылывъ венгерського надъ миру!
(*Одкрыва прыполу й повертается до повитря*).
Тетеря. Охъ, Боже мій! Може подать воды?
Богданъ. Ни, байдуже! На витри заразъ пройде...
Тетеря. Спочывъ бы панъ...
Богданъ. Ото ще! Не малый!
(*Пидходыть*) Я дуже радъ... тоби я дуже радый...
Уміешъ ты розважыты нудьгу...
(*Обнима*) На́ перстинь цей видъ щырои любови...
Тетеря. О, гетьмане, мій батьку дорогый,—
Для мене то, ясновельможный, щастя!

Выходъ 9.

Тижъ и Джура, а потимъ Выговськый.

Джура. До мылости гетманськои прыйшовъ
Выговськый панъ...
Богданъ. А, пысарь? Хай иде!
(*До Тетери, що хоче йты*) А ты куды?
Тетеря. На чаты. (*До себе*) Не люблю я
Пысарчука... За шкапу въ татарвы
Богданъ узявъ до послугъ цёго лыса...
Не всыдить намъ обомъ въ однимъ мишку...
(*Пишовъ*).
Выговськ. (*Низько кланяется*) Велычнёму, вельможнійшому
пану ...

Богданъ. Здоровъ, здоровъ! Ну, якъ тамъ въ тебе, що?
Выговськ. Молдавського господаря Лупула
Прыйшлы лысты: вита тебе, якъ братъ,
И помочи проты Волохивъ просыть,
Що нападомъ на край его идуть.
Богданъ. Послать мерщій господарю потугы:
Собратови докласты воза слидъ
Выговськ. Во-истину. Май, пане, на увази,—
Въ господаря красуня е дочка...
Чи не гаразды було бъ, зъ нымъ пориднытысь?
Богданъ. Тымка послать... ця думка не пуста...
Выговськ. За нею вслидъ ще лыне шырша...
Богданъ. Годи!
Ты знажуешъ...
Выговськ. Я вказую мету,
Куды сягнуть могущымъ лётомъ можна:
Вчынывшы мыръ преславный зъ королемъ,
Панъ впорядыть безладдя на Вкраини,
Молдавію ще визьме пидъ крыло,
Заручытся сусиднимы панствамы,
Й сю булаву зминя на... берло...
Богданъ. Цыть!
Не ворушы такыхъ гадокъ, бо зъ чаду
Лышъ голова макитрытся...
Выговськ. Слаба,
А не така, якъ въ велетня—Богдана!
Богданъ. Змиркуемо... Ты одныны лыста!

(*Выговськый кланяется й выходыть*).

Выходъ 10.

(*Богданъ, а потимъ джура*).

Богданъ. А чомъ не такъ? Фортуна намъ слугуе...
Тымка женыть, Молдавію здобуть...

...лучить Волощыну, Мультанщыну, Вкраину...
Самому стать... Ху! Ажъ морозъ пишовъ,
И до горы пиднявся волосъ... Джуро!
Давай вына, бандуру!... Що смутный?

Джура. Ясновельможный гетьмане, за домомъ:
Тамъ ненька е, сестра... а чи й жыви?

Богданъ (*прыграючы на бандури*).
Не соромъ пакъ журытысь козакови!
Повернемось мы зъ славою назадъ...
Розвеселысь! Бачъ, гетьманъ твій радіе...

Джура. Дай Господы намъ швыдче въ Чыгырынъ,
А славному ще бильше, бильше славы!

Богданъ (*побренькавшы, выпывъ кубокъ, знову побренькавъ*).
Ни, щось мене не слухае струна,
Гремтыть рука, тремтыть щось тутъ у грудихъ...
(*Джура выходытъ; вбига Тымко*).

Выходъ 11.

(*Богданъ и Тымко*).

Тымко. Ты, батьку, знову догоджуешъ ляхамъ
И выпустыть ихъ хочешъ изъ лабетивъ,
Колы й король...

Богданъ. Про ёго й дбаю я.
Мы въ вирности ему запрысягалысь!

Тымко. Вси ремствують, що гасла не даешъ,
Що миста брать не хочешъ черезъ бабу...

Богданъ. Зациплю имъ! У пельку вбью поклепъ!
Мени здають все мисто... мыру просять...

Тымко. Але дають Елену ще за те...

Богданъ. Украдене, свое я правлю...

Тымко. Тату,
Я бъ и не взявъ, пробачъ мени...

Богданъ. А якъ?
Лышывъ бы тамъ у ворога на втиху?

Тымко. Повисывъ бы на шыи у ляха,
А злодія бъ посадовывъ на палю!
Богданъ. И тилькы бъ то? Злодюга того вартъ;
Але вона насылкомъ, гвалтомъ взята...
Якъ бороныть себе змогло бъ дивча?
Тымко. Вона сама втекла! по своій воли...
Богданъ. Не може буть!
Тымко. Я знаю, батьку, це:
Умовылась зъ Чаплинськымъ...
Богданъ. А-а! гадюка!
Мени цёго ты перше не казавъ!
Тымко. Не хтивъ вразыть... Вона мене умысне...
Ни въ чимъ не слидъ дійматы виры ій!
Дурманыть все...
Богданъ. Але почимъ ты знаешъ?
Тымко. Упевнывся цымъ серцемъ... Охъ, не вирь—
Ни пестощамъ, а ни слезамъ—одурыть:
Прыгорнется, а нижъ въ руци хова—
И сонного зрадливо нымъ ударыть...
Душа іи невирна, якъ та ничъ!
Богданъ. Ты щось таишъ?... (*Скаженіе*).
Тымко. Не вирь, не вирь ій, батьку
За пазуху гадюкы не беры...
О, я бъ такыхъ спикъ на вогни и попилъ
Розвіявъ бы на витри по степу
Щобъ не було й заразы!
Богданъ. (*хапа его за руку*). А! тварюко!
Невже? Невже?!
Тымко. Одвивъ мене Господь...
Богданъ. Убью, якъ пса! (*замиряется булавою*).
Тымко. Я не боюся смерты—
Гриха не мавъ....
Богданъ. Але на батька йшовъ!
Тымко. Не видавъ я...
Богданъ. Такъ видала жъ гадюка!
Тымко. Вона лыбонь, щобъ очи одвесты...

Богданъ. О, каторжни!
Тымко. Я въ тимъ безвыненъ, батьку!
Богданъ. Клянысь мени!
Тымко. Усимъ, що е святе—
И матери могылою сырою!
(*Пауза*).
Богданъ. Збырайсь мерщій, въ Молдавію рушай!
Тымко. Чого?
Богданъ. Зъ повкомъ, господарю на помичъ...
Въ его дочкы ты серце завоюй!
Тымко. Въ пресвитлои? Це поглумъ нади мною!
Чи гляне жъ пакъ вона на козака?
Богданъ. На козака? На гетьманського сына!
Тымко. Ярема князь туды небога шле...
Богданъ. То що, якъ князь? Помирятысь здолаю!
Я чобитомъ Ярему розчавлю,
Я поведу въ Молдавію сто тысячъ,
Я пышный край въ руину оберну—
А дочку ту въ господаря дистану!
Тымко. Хай буде такъ, якъ твоя воля...
Богданъ. Вмыть
Готуйсь въ походъ!
Тымко. Просты й пробачъ, мій батьку!
Богданъ. Бувай здоровъ!... Я роспорядкы дамъ... (*Тымко выходыть*).

Выходъ 12.

(*Богданъ и Джура*).

Богданъ. Тымко поклявсь... Его языкъ ще зроду
Не знавъ брехни... Але вона, вона!
Зъ отцемъ жыла, до сына залыцялась,
А ворога маныла до жагы...
И той влестывъ, пидбывъ ін до зрады!
Ну, допадусь до харцызякы я—

У! проводы у пекло бучни справлю!
На вугилляхъ пектыму день у-день,
Мотатыму на мотовылахъ жылы,
Собакамы...

Джура (*входыть*). Жде пани й посланци!

Богданъ. Впусты ïи, а посланцивъ тихъ згодомъ...
(*Джура пишовъ*).
Черезъ хвылыну, черезъ мыть одну...
Побачу зновъ мою побыту квитку...
(*Хапается за груды*). Отутъ пече, немовъ смола кыпыть;
Але здавысь и здержся въ гниви серце,
Помстысь гараздъ, не похопысь судомъ!

Выходъ 13.

(*Елена и Богданъ*).

Елена (*у французькій сукни, запьята чорнымъ флеромъ*).
Мій таточку, сподиваный, коханый!

Богданъ. Подали геть! Видъ пани ляхомъ тхне
И щоки ще палають одъ цилункивъ.

Елена. О, я безвынна...

Богданъ. Сылою-бъ то взявъ?

Елена. О, гвалтомъ... я боролась до загыну...

Богданъ. Та й обняла въ знесылонци ляха
Зрадливою, продажнёю рукою
Й на лижко зъ нымъ покирливо пишла,
Всмихаючысь голубыла катюгу?

Елена. О, Боже! Ни!.. Яка страдныця я!
Мене взялы, якъ бранку до свитлыци,
Сторожею обставылы мене,
Щобъ не змогла на себе зняты рукы...
О, скилькы слизъ я нышкомъ пролыла
И скилькы мукъ перенесла, мій орле!

Богданъ. Подумаешъ, якъ настраждалась—страхъ...
На ласощахъ ясновельможна пани!

Елена. Я зъ голоду хотила смерть прынять,—
Ажъ десять днивъ и рискы въ ротъ не брала...
Богданъ. Не выдко щось по паніи поста...
Елена. Мене слабу... безъ памьяты звинчалы...
Богданъ. Ну, заразъ-же и розговилысь...
Елена. Охъ,
Хочъ пашануй мене, вельможный пане!
Нихто мени тамъ не подавъ руки:
Я день и ничъ Богдана выглядала,
Щобъ вызволывъ нещасну изъ тюрмы,
Я думкамы тебе шукала всюды,
Я серденькомъ зъ тобою лышъ жыла...
Богданъ. Може зъ Тымкомъ? Чи не забулась пани?
Елена. Тымко... якъ сынъ коханого отця...
Бувъ риднымъ тежъ... его любыла кревно...
Богданъ. А больше ни? (*люто*) Якъ здержала земля
Тебе, лыху? У пекли, въ пекли мисце...
На покути!!
Елена (*гордо*). Тепера мою честь
У багныщи, въ смитти топтаты вильно:
Хто захыстъ дасть мени видъ клямства, лжи?
Я тутъ сама передъ судомъ жорстокымъ...
Давы, топчы!.. Бо не яка й хвала
Надъ жинкою безсылою знущатысь!
Богданъ. Лукавышъ все! (*Тыхо*) Несыла вирыть ій,
А въ душу крадется той чаривнычый голосъ.
Елена (*на колинахъ*). О, гетьмане, мій соколе ясный!
Поглянь, поглянь на свою бидну Лесю.
Невже въ тебе и жалощивъ нема
До ясочкы, що такъ тебе кохала?
Богданъ. Кохала?.. Встань!
Елена. Не встану: краще вбый,
А не карай мене презырствомъ, пане:
Накатувалась я вже черезъ край!
Богданъ. Устань, устань... (*На бикъ*). Я зъ серцемъ не здолаю,
Ножами зновъ пробыте скризь воно...

Елена (*рыда*). О каторжна, пекельна моя доле!
Одъ мылого насылкомъ однялы—
И той теперъ ногою видпыхае!
Богданъ. Скажы, чи е въ твоему серци Богъ?
(*Хапа іи за руку*). Чи хочъ одна слеза твоя правдыва?
Чи зъ устъ твоихъ злитае тилькы лжа?
Елена. Клянусь усимъ... тебе кохаю...
Богданъ. Правды!
На макивку благаю правды я!
За неи все—и хуторы, й палацы,
И вси скарбы... й жыття свое виддамъ!
Елена. Тебе люблю...
Богданъ. Поглянь мени у вичи!..
Якъ темно въ ныхъ... ни проминя...
Елена. Тебе,
Мій соколе, носыла завжды въ серци...
Для мене ты... все щастя... цилый рай!
Богданъ (*одпыха*). И въ рай отой другого ты пустыла?
Ха, ха, ха, ха! Брехня! Брехня! Брехня!!
Елена. Пропала я!
Богданъ. Устаньте! Не впадае
Вельможній паніи валятысь у ногахъ...

Выходъ 14.

(*Тижъ та Ясинськый, Выговськый, Богунъ, Нечай и Тетеря*).

Ясинськый. Король и Ричъ преславна, посполита
Ласкаво шлють вельможному лыста.
Богданъ. Зъ шанобою й покирностю прыймаю:
Я знявъ меча на нашыхъ ворогивъ,
А королю я бувъ слугою вирнымъ. (*Чыта*).
Ясинськый. Преславна Ричъ и ясный круль—одно!
Выговськый. Якъ сонця свитъ и тучи-хмары буря:
Те—пожывля, а це—усе знища...
Ясинськый. Та компарація-жъ не рація, панове!

Нечай. Та рація—у насъ, у печинкахъ!
Богунъ. Колы король и вы, вельможни дуки—
Едына ричъ, то й шана вамъ одна!
Богданъ. Полковныкы, вгамуйте суперекы!
(*Цилуе листъ*). Ясніймій круль ласкаво пыше намъ,
Що гнива винъ на насъ не покладае,
А правыть лышъ, щобъ мы свій гризный мечъ
Усунулы на спочывъ въ шабельтасы...
До згоды мы й душею...
Нечай. Якый мыръ?!
Богунъ. Умовыны яки дадуть магнаты?
Богданъ. Побачымо... а поки-що—вына!
Елена. Пусты мене, вельможный нашъ гетьмане.
Нечай (*Чарноти*). Це та?
Чарнота. Лыбонь.
Тетеря. Хорошый шматъ...
Богунъ. Бабій!
Богданъ. Зостанься тутъ намъ келехы сповняты...
Хочъ паніи Чаплинській и завстыдъ,
Та щожъ робыть,—тра послужыть и хлопамъ.
Богунъ. Кепкуе винъ?
Други. Такъ, батьку нашъ, гараздъ!
Елена. Хочъ пошануй пры людихъ... честь лыцарська...
Богданъ. Не вамъ про честь, вельможна пани, знать!
Елена. Знущаетця! (*Плаче*).
Выговськый (*на бикъ*). Яка роскишна краля!
Богданъ (*гризно*). Выно пиднось! Я двичи не кажу!

(*Елена хытается. Джура и Выговськый помагаютъ*).

Богданъ. Куды несешъ? Незграбка! Били рукы
Не на пуття выкохувала ты!
Елена. О, змылуйся! Повись мене хочъ заразъ,
(*Рыда*) Та не глузуй!
Богданъ (*пиднима келихъ*). За здравье Короля!
Вси. Хай викъ жыве й пануе! Слава, слава!!

Богданъ (*Елени*). Визьмы ковши!
Елена. То джура твій...
Богданъ. Ни тхны!
Елена (*гордо*). Я не слуга, я не проста рабыня
Я шляхтыча Коронного жона!
Богданъ. А гетьмана налижныця!
Выговськый (*сплеснувъ рукамы*). Нещасна!
Елена (*зомлила*). Ой! (*Гыстерика. Коло неи Выговськый и Джура*).
Нечай. Добре! Такъ!
Чарнота. Якъ въ око улипывъ!
Богданъ. А що-жъ Чаплинського не выдно межы вамы?
Ясинськый. Чаплинського нема—утикъ...
Богданъ. Утикъ?
Побачымо! Ну, де ваши уклады?
Ясинськый. Прыймы, вельможный пане... ось (*подае*).
Богданъ (*тупнувъ ногою, мало ихъ не вырыва*). Не панъ,—
Ясновельможный гетьманъ я! (*Чыта зъ смихомъ*).
Богунъ (*зъ Нечаемъ и Чарнотою осторонь*). Ще й дмутся!
Ясинськый (*тыхо до Тетери*).
Де-бъ зъ паномъ намъ побачытысь?
Тетеря. Въ яру.
Ясинськый. Рятунокъ есть?
Тетеря. Пидмажешъ,—то поидешъ...
Богданъ (*гризно*). Жартуете зи мною вы, чи що?
Щобъ все було, якъ до повстання малось?
И пильгы лышъ,—що бильшъ лейстровыкывъ?!
Богунъ, Тетеря. Не диждутся!
Нечай и Чарнота. Не буде цего зроду!
Богданъ (*рве папиръ*). Отъ вашъ укладъ! Пидъ ногы я топчу.
Не вамъ мени умовыны пысаты!
Пры Корсуни, пры Жовтыхъ водахъ я
Вамъ пропысавъ ихъ шаблею своею!
Вси. Такъ, гетьмане, такъ, батьку мій, Бигь-ме!!
Богданъ. Я побреду въ крови хочъ по колина,
Переверну Варшаву, Польщу всю,

А повалю въ смиття вашу гордыню
И настопчу ногою...

Елена (*ламa руки*). Езусъ-Панъ!

Богданъ. Вы думалы мене купыты нею?
Даремна ричъ! Козацьку лышъ цыху
Потишыть хтивъ,—абы шляхетна пани,
Паплюга крадена,—за наймычку була!

Елена. Охъ, смерть моя! (*Пада*).

Богданъ. Зомлила?.. Нижна дуже!.

Вси. Душа-козакъ! Хвала тоби и честь!!

(*З а в и с а*).

ДІЄВИ ЛЮДЕ ДО ЧЕТВЕРТОЇ ДІЇ:

Богданъ Хмельницький — гетьманъ;
Выговський — генеральный писарь;
Елена Чаплинська — жинка Богданова;
Ганна Золотаренко — выхованка его;
Хведиръ Золотаренко — ій братъ;
Катря — дочка Богданова;
Чарнота, **Тетеря**, **Богунъ** — полковныкы;
Заремба — посланець польський;
Пани Заремба — его жинка;
Пробощъ — іезуитъ;
Бандурыста — сывезный дідъ;
Гайдуки — 1-й и 2-й.

Украинкы, панiи, старшына, шляхетство, гости, музыка; **Посланци** — турецькый и молдавськый.

Дiється въ Смилянському замку писля Зборовського миру.

ДІЯ ЧЕТВЕРТА.

(Роскишна саля въ кгусти ренесанса. По обируч одъ рампы йдуть у глыбыню колоны, мижъ якымы стоять фикгуры; посередени водометъ. За першою салею йде друга, обмеженовуючысь трёма аркадамы; у тамъ-тій сали выдко накрыти пышно столы; на ныхъ срибна и золота посуда, канделябры, кубки и инше. У першій сали на переднимъ кону справа рундукъ, на ему тронъ зъ балдахыномъ, убраный стягами, корогвамы, бунчукамы; колоны тежъ повбырани у одбыти ворожи корогвы и зброю. Надъ аркадамы хоры, а на ныхъ музыка. Посередыни высыть пышна люстра. Багато свитла).

Выходъ 1.

(*Богданъ сыдыть на кресли пидъ балдахыномъ, пры всихъ клейнодахъ; за нымъ татары, гайдукы и почтъ; дали справа-жъ пивколомъ стоять—Ганна, Катря, значни козачкы, панїи и панны; а по обируч креселка—Выговськый и Тетеря. Навпроты злива: передъ тономъ — посланци, блыжче ще—тры джуры зъ подушкамы, на якихъ лежать почотни подарункы Богданови—зброя, булавы, мантїи и т. п.; дали за нымы—значна старшына и козацьтво. Просто супроты рампы—бурсачый хоръ*).

(*Пры пиднятти зависы, Богданъ робыть рукою знакъ: посланци, поклонывшысь одходють, нибы писля „прыему“; джуры тежъ зъ подарункамы видходють*).

Богданъ. Яснійшіи, велычни посланци,
Намисныкы преславныхъ потентативъ!
Шановная, козача старшына
И дороги та пышни мои гости!
Всихъ дякую я щыро за ту честь,
Якою вы мене ушанувалы,
И радисно оповищаю васъ,

Що мы війну скинчылы victorioso
И всунулы въ пихвы на спочывъ мечъ:
Зъ полякамы мы въ Зборови недавно,
На славу намъ, скрипылы вичный мыръ;
А отъ теперъ зъ господаремъ Молдавськымъ
Погодылысь и, колы Богъ зволя,
То маемо и пориднытысь навить,
На щастя—намъ, Украйни—на добро,—
Узять дочку господаря Лупула
За сына нашого, хороброго Тымка.
Пора прыйшла спочыты Украини
Видъ злыгодень, напастей, мукъ и бидъ...
Прывивъ Господь вступыть намъ въ свою хату...
Але не я це чудо сотворывъ:
Я тилькы бувъ слугою щыро-вирнымъ
Громадськiй воли; пидвелась вона,
Полыпула на ворогивъ несытыхъ—
И пала вразъ надломана пыха!
Вамъ—слава й честь! А намъ—служыть до вику
Моiй земли и возвелычыть вкрай
Укохану и славну нашу неньку!

Вси. Гетьманови и батьку слава й честь!!

Хоръ (*спива*). Велычае твою славу святоруський край,
Що скинчывъ війну криваву, спорудывъ намъ рай:
Роздавывъ главу ты змiю, знявъ зъ насъ кайданы
И натхнувъ въ серця надiю на щаслыви дни!

Вси. Слався, слався, нашъ гетьмане,
Вызволытель христiянъ!
И хвалу тоби и шану
Шлютъ державци зъ усихъ странъ!

Богданъ. Спасыби вамъ! Теперъ, вельможне панство,
До трапезы ласкаво васъ прошу,
А описля й ногамъ дамо роботу!

(*Показуе рукою велычне на другу салю; пары пышно идуть, за нымы й хоръ. Богданъ зупыня турецького посланця*).

Выходъ 2.

(*Богданъ, Выговськый и турецькый посланець*).

Богданъ. Я зъ радистю й утихою райською
Довидався, що прыхылывсь султанъ
Узяты насъ пидъ свою дужу руку;
Але про це оголошу писля.

Посл. турецьк. Твій розумъ—панъ, якъ мисяць середъ ночи!

(*Богданъ запрошуе рукою, и посланець иде до 2-ои сали*).

Богданъ (*Выговському*). Ты прыготуй султанови лысты
Покирніи, ласкави...

Выговськ. Чи додаты
Про Молдаванъ, що воювалы мы
Султанови народъ пидвильный?

Богданъ. Треба;
Ты выправдысь... на мылость Его здайсь...

Выговськ. А князеви Рагоци що?

Богданъ. Найщырше
Бажаемо зъ нымъ сылы зъединыть,
Щобъ помочи дававъ намъ всюды... Врешти
Пообицяй ему... такъ... на здогадъ
И польськую корону...

Выговськ. Ясный пане,
Въ тебе орлыный поглядъ... А ляхамъ
Що видпысать—и сейму, й Казиміру?

Богданъ. Що ясный круль для насъ одъ Бога панъ,
И мы ему повикъ покирни слугы,
Що рады й Крымъ для его звоювать...

Выговськ. А свитлому Московському цареви?
Видъ его все идуть до насъ лысты,—
Що винъ бы-то спріяе намъ всимъ серцемъ...

Богданъ. А видпышы, що серце и душа
До свитлого, немовъ до батька, лынуть,—
Готови мы, мовлявъ, усихъ невиръ

Велычнему царю пидъ ноги кынуть,
И преклонить свое чоло на викъ...

Выговськ. Ясновельможный батьку, не цурайсь
Высокои своеи доли! Вгору
Ты вознесешъ себе и ридный край,—
Тилькы не плюй фортуни добрій въ вичи!
Ирыспы усихъ, на сылахъ окрипысь,
А потимъ всихъ пересвары, то й зловышъ
Въ коломути рыбыну...

Богданъ. А бува,
Щобъ не пійматы рака...

Выговськ. О, гетьмане!
Невже тебе...

Богданъ. Ни, бачу, що Господь
Мени надавъ до рукъ стерно высоке:
Молдавщына, Волощына—за насъ,
Ясный султанъ дае свои потугы,
Изъ Польщею, що хочешъ, те й чыны,
Украину хочъ одягай въ порфыру...

Выговськ. Тоди вже ця залышня булава...

Богданъ. И я-бъ оддавъ іи напевно пану ..

Выговськ. О, гетьмане, мій доброчынце! Часъ
Наставъ дерзать! Теперъ якъ дзвинъ твій голосъ
Гуде й луна,—и видъ Карпатськыхъ гиръ
Его чутно ажъ до Днипра-Славуты:
Синопъ сидый, Бахчысарай, Стамбулъ
Прокынулысь одъ чаривного сону
Й дывуючысь, прыслухують ему...
Москва схыля до насъ прыхыльне вухо,
А пышніи Варшава, Кракивъ, Львивъ
Тремтять зъ страху и ждуть нового пана...

(*Богданъ замыслывся; Выговськый тыхо видходыть за аркаду*).

Богданъ. Такъ, я стою пры влади, на чоли,
Вознесенный такъ высоко надъ людомъ,

Ажъ голова йде коломъ одъ страху,
Щобъ стримголовъ зъ вершыны не упасты.
(*Пауза*) Чи думавъ я, безсылый лейстровыкъ,
Окрывдженый, ограбленый панамы,
Осміяный въ Варшави й на суди,
Видпомстыты въ сто кратъ своимъ суцигамъ?
Чи я гадавъ, добувшы въ скрути мечъ,
Безсылою, хочъ вирною рукою,
На ворога всесыльного въ бою,
Передъ якымъ тремтилы маестаты,—
Щобъ гору взять въ неривній боротьби?
А отъ знялысь зи мною разомъ хвыли,
Зъ пролытыхъ тутъ людськыхъ, кривавыхъ слизъ
И понеслы мене на верховыни...
Я клычъ гукнувъ—и людъ увесь повставъ,
Я мечъ пиднявъ—и ворогъ впавъ одъ маху!
Я, мовъ Давыдъ на Голіафа йшовъ,
И янголы направылы правыцю...
Такъ, Богъ мени судывъ высоку путь,
И поведу я ридный край до славы!..

(Повертается и гордо йде до трапезнои сали).

Выходъ 3.

(Заремба и Пробощъ).

Пробощъ (*выходыть зъ правои аркы зъ Зарембою*).
Завважывъ панъ—и тронъ уже воздвыгъ!
Постановывъ якусь почесну варту
Не зъ козакивъ, а зъ туркивъ, чи зъ татаръ...
Заремба. Ище-бъ, мій ксёнже, скризь царська пышнота:
Се Конецпольскихъ палацъ,—взявъ Богданъ
Его зъ мистечкомъ Смилою за Збаражъ.
Вси (*за аркадою*). За здравіе гетьмана! Слава й честь!!
Богдана (*голосъ*). За здравіе усихъ васъ, пышни гости!

(Музыка гра).

ПРОВОЩЪ. Якъ пазуривъ люцыпиру не втять,
То проглыне винъ Польщу...
ЗАРЕМБА. О, замиры
Въ его страшни! Хлопысько, бунтовныкъ
Теперъ царемъ зорыть...
ПРОВОЩЪ. И Польща й вяра
Загынуть вкрай!
ЗАРЕМБА. Нашъ сеймъ уже ришывъ
Зламаты мыръ... Орударь Вышневецькый...

(*Балакаючы переходять салю и зупыняются наливо блыжче*).

БОГДАНА (*голосъ*). За ридный край! За славну его путь!
ЧАРНОТЫ (*голосъ*). За козакивъ! За Запорожжа! Слава!!
ХОРЪ. Слався, слався, нашъ гетьмане,
Вызволытель христіянъ!
И хвалу тоби и шану
Шлють державци зъ усихъ странъ!
ПРОВОЩЪ. А збутысь бы... ad patres?... Зъ ласкы папы
Господь простыть...
ЗАРЕМБА. О, трудна ричъ; хочъ бы
Намъ языка тутъ маты...
БОГДАНА (*голосъ*). Де Елена?
Гукнитъ мерщій вельможну до послугъ!
ПРОВОЩЪ. Отъ нашъ языкъ... Господь намъ посылае!
ЗАРЕМБА. Довидайтесь про війско и про чернь!

(*Заремба вертается до столу въ ливу, меньшу арку. Провощъ иде ему вслидъ и зупыняетця за колоною край аркы*).

БОГДАНЪ (*пидъ чаркою, показуется въ середній аркади*).
Чого жъ не йде! Поклыкать мени заразъ!

(*Джура побигъ черезъ салю*).

ВЫХИДЪ 4.

(*Богданъ и Ганна*).

ГАННА (*пидходъ*). Мій таточку! Не звить ій на глумъ,
На прывселюдный посмихъ, на знущання...
БОГДАНЪ. А якъ вона зневажыла мене?
Черезъ гадюку...

Ганна. Такъ, але то рвія
Бентежыть все незважену любовъ...
Вгамуйтеся!... О, батьку! Духъ велычній
Не здатенъ же на помсту дрибьязну...
Богданъ. Ты, горлыце, за неи ще благаешъ?
Ну, то нехай хочъ выйде до гостей,
Та весело, безъ слизъ...
Ганна. Я ій скажу це.

(Ганна идѣ, нибы іи стриты, а Богданъ вертается назадъ).

Хоръ (*спива*). Слався, слався, нашъ гетьмане,
Вызволытель христіянъ!
И хвалу тоби и шану
Шлють державци зъ усихъ странъ!

Выхидъ 5.

(Ганна и Богунъ).

Ганна (*зупынылась на переднимъ кону, зажурена*).
Іи коха...—то незагійна рана,
Якъ и моя!... Охъ дядьку, друже мій!
Тоби дарма и правда, й щыре серце,
Тоби одна лышъ прымха дорога:
Безъ розуму ты хылышся до того,
Хто одныха зъ ненавистю тебе,
А хто готовъ оддать и серце й душу,
Й жыття цилкомъ за тебе,—то тому
Въ подяку ты чи й усмихнешся любо?
Що жъ? Доля знать така!... Жывы, терпы
И хороны видъ мыру въ серци мукы!...
(Замыслылась).

Богунъ (*тыхо надходыть до Ганны зъ трапезнои сали*).
Пробачъ мени, що нытку перерву
Твоихъ думокъ, моя кохана панно!

Ганна (*здригнулась*). Ахъ, лыцарю, мій орле...

Богунъ. Такъ давно
Не бачывъ я тебе, що видъ грызоты
Ажъ занимивъ..

Ганна. Спасыби... я... не вартъ!

Богунъ. За цилый свитъ!... Але ты стала тыха...
И мовъ смутна... змарнила навить...

Ганна. Я?
То такъ... пусте... тривога въ лыхолиття...

Богунъ. Ни, горлыце, я бачу, що грызе
Тебе нудьга... и въ очихъ одблискъ мукы...
Скажы мени, лебидонько, зъясуй!

Ганна. Ты не вважай...

Богунъ. Може яку зневагу
Ты терпышъ тутъ? Хочъ словомъ натякны,
И я тому зневажныку, клянуся,—
Хто бъ винъ не бувъ, хочъ першый побратымъ,—
А голову ему знесу за тебе!

Ганна (*полохливо*). Ни, ни... не те!... Хиба самы себе
Не можемо мы грызты?

Богунъ. Безъ прычыны
Не думаю...

Ганна. Вамъ, славнымъ воякамъ,
И въ сичахъ е розвилля та утиха,
И у ковши вы топыте нудьгу,
А нашому серденьку—сыротыни—
Судылася сумна самотына!

Богунъ. Ты думаешъ, що я за ци тры рокы
Одно—буявъ? О, не дай Богъ кому
Те вынесты, що я ношу на серци!
Не видавъ я, куды шпурнуть нудьгу,
Чымъ одирвать грызоты вйидни кигти?
Я кыдався у пекло, у вогонь,
Мижъ хмары стрилъ, мижъ посвыстъ куль ворожыхъ,
Шидъ блыскавкы гартованыхъ мечивъ...—
Такъ ждана жъ смерть видъ мене скризь тикала...

И отъ я зновъ, змурдованый, стою
Передъ тобою, панно...

Ганна. Мылый Боже!
Що чую я? Невже, на горе й жаль,
Я наддала орлу-славути муки?
Якый-же то недоли лютый жартъ!
Чымъ видплачу выну тоби, козаче?

Богунъ. Колысь давно... я на здогадъ мовлявъ,
Що серце се тобою тилькы й бьется...
Мени жъ на те сказала ты: „не часъ
Про серце дбать, колы гуде скризь буря!“
Але теперъ та туча грядова
Пролынула и сяе знову сонце...
А зъ сонцемъ зновъ надія розцвита...

Ганна. Колы вона морозомъ не прыбыта?...

Богунъ. О, не вражай! Смолою тутъ кыпыть...
Мовчаты билышъ не маю сылы й воли!

Ганна. Не треба!... Ой!... Не говоры!...

Богунъ. Шкода!
Мене въ сю мыть мовчання задавыло-бъ!
Тебе, тебе, мій квите чаривный,
Кохаю я надъ все жыття, надъ волю,
Надъ славоньку, надъ радощи земни:
Твій образъ жывъ давно въ моему серци,
Винъ гривъ ему до ридного любовъ,
Винъ порывавъ мене завзяттямъ въ сичи,
Винъ надыхавъ на душу молытвы...
Ни середъ бурь, ни середъ хвыль пожежи,
Ни въ галаси смертельнои борни,
Ни въ стогони несказаннои мукы—
Винъ не зныкавъ...

Ганна (*на бикъ*). О, горе!... Боже мій!

Богунъ. Убый мене, це серце розшматуй,—
Надъ сылу вже мени его носыты—
Безъ памьяты, шалено, запально

Одну тебе на свити я кохаю,
Тебе одну.. (*Ганна плаче*).
Ты плачешъ? Може я
Чымъ уразывъ тебе?

Ганна (*утыра очи*). Ни, мій козаче!

Богунъ. Такъ слово жъ хочъ промовъ мени... Скажы,
Чи розтрощыть въ черепья мени буйну,
Чи одигрить надію въ серци?

Ганна (*важко зитха*). Охъ! (*Пауза*).

Богунъ. Чого-жъ мовчышъ? Не бійся, бый одразу—
Стричалыся мы зъ смертю на вику—
Не мучъ... скажы, якый выркъ я маю...
Надію хочъ не одбирай...

Ганна. Якъ жаль
Мени себе, коханый брате, друже!
Яки слова... якый душевный палъ!
Навищо я такъ пизно ихъ спизнала?...
Але теперъ те серце золоте
Водыты грихъ! Забудь мене, козаче!
Не можу я надіи навить дать...
Тебе люблю, якъ велетня, якъ брата,
Для инчого-жъ я мертва...

Богунъ. И за те
Спасыби!... Що-жъ? Спасыби хочъ за щыристь!
Не марыты про щастя харпакамъ,—
Воно панамъ одсужено въ цимъ свити,—
Мы-жъ пасынкы у доли... Ну, прощай!
Пидъ шаблямы знайду лыбонь пораду...
(*Хутко выходыть*).

Ганна (*въ роспачи*). Ой! Що-жъ чынытъ?... (*лама рукы*).
Богуне! Друже мій!!
(*Выбига вслидъ*).

Выходъ 6.

(Елена и Пробощъ).

Пробощъ (*забачывшы, выходыть зза аркы, на зустричъ Елени*).
Святый Отець, непогришымый Папа
Тоби свое благословенія шле.
Елена. О, ксенже мій! Тяжка мени покута:
Богданъ той—катъ... (*плаче*).
Пробощъ. Ты Божый хрестъ взяла,
Выборнее святои церквы чадо,—
И слёзы ти, якъ перлы дороги,
Скрасять винець царськый святои Панны...
Елена. Нема вже й сылъ знущання тутъ несты!
Пробощъ. Позбудь кативъ и вызволы ойчызну
Видъ гыбели...
Елена (*зъ жахомъ*). Ай!!
Пробощъ. Прыгадай Юдифъ...

(На крыкъ увиходыть Ганна и зверта увагу, прыслуха).

Ганна. Нема его... Але то зъ кымъ Елена?
Елена. Пиднять ножа?... Морозыть серце жахъ!...
Пробощъ. Юдифъ питы въ ворожый станъ ришылась
На глумъ, на смерть—за людъ и свьентый храмъ
И голову злобытелю видтяла:
За те и ныни, й присно, и повикъ
Ии имъя шануе церква Божа... (*Передае до рукъ ій въ папирци отруту*).
О, стань-же ты Юдифью й задля насъ!
(Иде, оглядаючысь, до трапезнои).

Выходъ 7.

(Елена, Ганна и джура).

Ганна. Трутызна? О, злочынство! (*Подалась хутко впередъ*).
Елена (*стоить зъ папирцемъ*). Що чыныты?

Тутъ смерть у руци... Тремтыть у мене все...
И крыгою узявся мени мозокъ...

Джура (*ставыть жбанъ и кубкы на столи*).
Ясновельможный наказавъ, щобъ вы
Неслы гостямъ на шапу ціи кубкы...
Ось сповныте и цей гетьманськый кившъ...

Елена. Щобъ я... сама? Ему?... Нечыста сыла
Цю руку пха...

Джура (*кепкуючы*). Сегодня жъ свято! (*Видходыть*).

Елена (*ришуче, навиженно*). Такъ!
Але бодай, чи не прощальне свято?
Останній разъ сей мисяць, свидокъ злый,
Буде вбачать отугъ мою публику,
Не разъ, не два байдуже сонце те
Ховалося и зза гаивъ вставало—
Якъ слёзы я ковтаю кривъяни
Та видъ образъ кусаю соби рукы...
Васъ всихъ втопыть змогла бъ я въ тыхъ слёзахъ...
Наставъ же часъ и моій помсти! Годи
Терпиты бильшъ,—натерпилась у край...
Хочъ цымъ жыттямъ огыдлымъ постаткую
Моій земли, моій ойчызни... (*Хоче всыпаты*).

Ганна (*поривнычо хапа іи за руку*). Стій!
Ты зрадныця!

Елена (*кыда папирець, якый розпорошывсь*). Ой, змылуйсь!

Ганна. Душогубка!
Наважылась кого ты отруить?!

Елена. О, пошапуй! То порошокъ до перливъ...
До золота...

Ганна. Довидаемось... гей!! (*Руша впередъ*).

Елена (*заступа дорогу*). Стій!. Зглянь!! Тоби мене якъ разъ згубыты...

Ганна. А ты кого наважылась згубыть?
Збавытеля? Надію нашу й славу?

Те серце, що дорожче надъ уси,
Що билося за наше щастя й бьется?

Елена. За еи мосци щастя...

Ганна. Хто бъ казавъ?
Прыкынутысь ще хочется святою...
За еи мосци! Такъ, якъ винъ тебе
Любывъ—кохавъ, та и теперъ кохае,—
Нихто бъ не змигъ! А ты за те, змія,
Ненавыдышъ ще батька?

Елена (*сатаніючы*). Я ривную...

Ганна. Ха, рвія ще!!

Елена (*зухвало*). Ну й дарма!... А за що жъ,
За що жъ мени Богдана такъ любыты?
За те, що взявъ дытыною мене
И спокусывъ лестывымы словамы?
За те, що серця молодого палъ
Не помырывсь зъ морозомъ смертодайнымъ,
Чы пакъ за те, що прывселюдно, скризь
Мене на глумъ, на поквилъ винъ выводыть?

Ганна. Не такъ, не те! Лукавышъ, пани, все!
Чи не сама жъ ты способивъ шукала,
Збентежыты его велычній духъ?
Чи не сама жъ ты вкралась ему въ душу
Прынадамы фальшывои жагы?
Для сего ты уси жиночи чары
Напружыла: моторнисть, жарты, смихъ,
Прывабливи зитхання, скрытый стогинъ
И продану за ласощи слёзу?
Ты всымъ отымъ прычепурылась пани,
Щобъ досягнуть корыстнои меты!
Колы жъ его, Богдана, щыре серце
Спалахнуло пидъ проминемъ красы,
То чымъ ему виддячыла за ласку?
Израдою гыдкою?...

Елена (*змишавшысь*). То напасть...
Тамъ гвалтъ вчынывсь...

ГАННА. А, чулы мы и знаемъ!
Такый же гвалтъ, якъ нынькы продаешъ
Его й нашъ край...
ЕЛЕНА. Навикы мене збутысь
Бажаешъ ты...
ГАННА. Зрадныци плата—смерть!
ЕЛЕНА (*гирко*). Ха, ха, ха, ха!! Якый вырокъ правдывый!
Ты сывому загоишъ рану вмыть,
Прываблыви для его ликы знайдешъ,
Якыхъ винъ першъ у мене лышъ шукавъ:
Теперъ тоби, мій безсторонній суде,
Утихою вже буде моя смерть...
ГАННА. Мерзота!...
ЕЛЕНА. О, ханайся мене збутысь:
Помихою твоимъ замирамъ я...
ГАННА. Якымъ, якымъ?
ЕЛЕНА. Помстытысь ты бажаешъ
За любощи зневажени свои:
Тебе зрыва и рвія, и жадоба
Черезъ мій трупъ до булавы сягнуть...
ГАННА. Ты поклепомъ свою гыдоту крыешъ!
ЕЛЕНА. Такъ наступай ногою: я слаба,
Видъ катувань моя й краса злыняла,
Ты жъ дидови загары додасы
И чарамы первотнимы напоишъ
Якъ свижа ще коханка...
ГАННА. Цани, лжешъ!
Богдана я, якъ велетня шаную
И якъ отця, якъ Божый даръ, люблю;
Але не тымъ мизернымъ закоханнямъ,
Яке на мыть лышъ гріе нашу кровъ,—
А всимъ жыттямъ и цилою душею,
Безъ заздросты до любощныхъ утихъ!...
До кары ты не пидешъ черезъ мене—
Не плакався на руку цю нихто;
Але его не дамъ я на погыбель

И захыщу! Колы ты хочешъ жыть,
То йидь мерщій на хутиръ, бо зрадныци,
Отрутныци не потерплю... Йды причъ!

(Показуе рукою. Елена, схылывшы голову, выходыть).

Выходъ 8.

(Ганна, Богданъ, Тетеря, Катря и вси гости).

(Музыка почына полонеза. За дверыма гамъ).

Бандурысты (*голосъ*). Мене пустить?
Гайдукъ. Куды?
Бандурыста (*голосъ*). Та вже жъ сюды!
Гайдукъ. Никого бильшъ не велено пускаты!

(Прычыня мицнише двери).

(Богданъ выступа въ першій пари; за нымъ—значне панство; Выговськый съ Катрею. Ганна стоить осторонь).

Богданъ (*по закинченни полонеза, кланяючысь пани Заремби*).
Учора Марсъ, а нынькы рай Кыпрыдынъ...
Пани Заремба. Тутъ рай, а скризь розводыть пекло хлопъ!
Богданъ. Не може буть,—я строги давъ наказы!
Пани Заремба. Лыбонь за ницъ гетьманськый голосъ имъ!
(*Видходять дали*).
Катря. Я й танцивъ сихъ не знаю...
Выговськ. Эгъ, ходыты...
Катря. Щось знай нове...
Выговськ. Це-жъ польскый полонезъ...
Катря. Ненавыжу... то черезъ ту все... тато...
Выговськ. И ремство скризь...
Катря. О, Боже бороны! (*Заходють*).
Ганна (*проходыть зъ Богданомъ*).
Елена просыться пойихаты...
Богданъ. У Польщу?
Ганна. На хутиръ хочъ...
Богданъ. А тутъ не до смаку?

ГАННА. Пустить ін, мій батьку: видъ наругы
И збожеволиты вона ще може тутъ...
А тамъ поки ій буде безпечнише... (*Видходють*).

Выходъ 9.

(*Тижъ и Чарнота*).

ЧАРНОТА. Горилкы ще! Геть къ бису оци вына!
По нашому бенькетовать... не такъ!
Це лядщына!.. Бачъ, ходють полонеза?
Не треба! Годи!.. Гей, музыко, цыть!!
(*Вси збентежени. Замъятня*).

БОГДАНЪ. Що тамъ за гвалтъ?

ТЕТЕРЯ. Чарнота вельмы пъяный...

БОГДАНЪ. Вгамуй его!

ЧАРНОТА. Грай заразъ гопака!
Ну-жъ, рижъ!

ХВЕДИРЬ (*значный козакъ*). А правда, тны, музыко!
Ушкварымо, якъ любо козакамъ!

ДЕ-ХТО. Метелыци! Метелыци!!

ТЕТЕРЯ. Пановс!
Не подоба бешкетуваты тутъ!

ХВЕДИРЬ Золот. Такъ къ бису васъ!! (*Выходыть геть*).

ЧАРНОТА. Не хочу лядськыхъ танцивъ.
Метелыци!

ТЕТЕРЯ. Горилкы прынеслы!

ЧАРНОТА. Де?

ТЕТЕРЯ. Тамъ!

ЧАРНОТА. Ходимъ, шляхетська глыце!

ТЕТЕРЯ. Онъ, проведуть...

ЧАРНОТА. Ни, цуцыку, йды самъ!

(*Тетеря веде Чарноту въ трапезну. Выговскый пидходыть до Богдана, тыхо балака. Музыка гра*).

Выходъ 10.

(Тижъ, безъ Чарноты й Тетери).

Богданъ. Нечынства тутъ! шынокъ якыйсь!
Выговськ. Чарноту
Допоють тамъ до безчуття...
Богданъ. Було-бъ
Спровадыты къ нечыстій неньци...
Выговськ. Пане
Яснійшый мій! Счынылы-бъ гвалтъ страшный;
Тра обачнишъ поводытыся зъ нымы:
Козакъ прывыкъ до вильнои гульни...
Богданъ. Але часъ знать, що я вже имъ не ривня!
Зъ усихъ усюдъ я чую, що й теперъ
Свавольства йдуть, розбои по Вкраини...
Я закриплю и право певне й ладъ!
Де-хто (*взаду*). Ого! Чи ба, якъ вышкыряе зубы!
Други (*глухо*). Побачымо! (*Видходять до другои сали, купчатся й гомонять*).

Выходъ 11.

(Тижъ и джура).

Джура (*подае лыстъ*). Видъ гетьманенка лыстъ!
Богданъ. А! Видъ Тымка?
Джура. Эге, ясновельможный!
(Богданъ чита. Выговськый стоить осторонь. Въ трапезній гоминъ росте).
Богданъ. Такъ оттаки поплечныкы мои,
Помогачи моимъ тяжкымъ зусыллямъ—
Украину зъ панствамы поривнять?
Имъ благо що?—Свою лышъ тишыть волю,
Топтать законъ; а хто стоить надъ нымъ,
Той—ворогъ имъ! Того вже геть пидъ лаву?!
Я тилькы й дбавъ—пидняты имъ права,

Нобилитасъ ще даты, якъ повсюды;
Я совистю своею поступывсь
И слово те, що давъ народу, сплямывъ,—
Все задля ныхъ, все имъ-же на корысть,—
Воны-жъ за те, на мене чернь бунтують...
Я имъ гадавъ освиту дать и блискъ,
Зривнять цилкомъ зъ лыцарствомъ найпышнишымъ,
Щобъ въ супрязи Вкраину возвышать—
Воны-жъ мене втопыть готови въ ложци...
Отъ и звиряйсь—все зрада, всюды лжа—
И самъ одынъ держысь на высокости:
Не выстачыть ни влады, ни снагы
Те погодыть, що погодыть несыла...
И крадется въ мій мозокъ вже морозъ...
Що-жъ? Попустыть вудыла необачнымъ
И видступыть? Зректысь тіи меты,
Куды я бривъ въ крови ажъ по колина?
Ни, стрепенысь, Богдане! Булава
На те въ рукахъ, щобъ нею быть незрячыхъ,
Озвиреныхъ сваволею... Бурьянъ
Зъ коринням рвуть на хлибородній ныви...
Карать на смерть—и завтра-жъ!

Выговськ. (*пидходыть*). Якъ? Кого?

Богданъ. Израднька гетьманського Сулыму:
Винъ посягнувъ на булаву мою
И хтивъ Тымка посадовыть на чоли;
Але мій сынъ его прыславъ сюды,
Видтявшы першъ изводныку правыцю...

Выговськ. Встае бида... (*Де котри наблыжаются*).

Богданъ. Ии мы опряжемъ!
У дыбы взять гадюку! Завтра кара!

Де-хто. На мылость!

Ганна (*пидбига*). Ой, яка тамъ кара ще?
Мій таточку, голубчыку!

Богданъ. Ничого...
Звычайна ричъ... Пусте! Мазура грай!
Сегодня мы зійшлись повеселытись,
А завтра вже про справы будемъ дбать,—
Бо кожному довліе дневи злоба...

(Музыка почына граты; але нихто не ришается танцюваты).

Выходъ 12.

(Тижъ и Богунъ та Бандурыста).

Чарнота (*иде до дверей, за якымы чуты гамъ*).
А хто тамъ, гей?! Ходы сюды на баль!
Тутъ панський пыхъ...

Богданъ. Зацинте ему рота!

Богуна (*голосъ*). Якъ не пускать?

Гайдукъ. Не велено!

Богунъ (*розчыня натыскомъ двери*). Такъ вдержъ!

Богданъ. Хто сміе тутъ галасуваты?

Богунъ (*пидходыть, за нымъ бандурыста*). Я!
А чи тоби видомо есть, гетьмане,
Що дієтся по Украини скризь?
Вся старшына и кателыцька й наша
Поспильство знову у плуга запряга;
Хто самохить въ ярмо не ложыть шыи,
Того на смерть катують шельмакы...

Богданъ. А чыныть що значнимъ твоя голота,—
Не палыть въ пень, не грабыть, не вбыва?

Богунъ. Що дывного! Боронытся видъ гвалту,
Напастныкамъ ветъ-за-ветъ оддае:
Зламать ляха допомогло поспильство
И кровію купыло вси права...—
Его-жъ товчуть... Встае скризь ремство, буря;
Людъ скрывдженый зъ Украины тика
Въ Московщыну... Сулыма тежъ не встоявъ...
Пробачь ему: винъ чесный сичовыкъ!

БОГДАНЪ. Винъ зрадныкъ злый!
ТЕТЕРЯ. И гетьману й Украйни!..
ЧАРНОТА. Лысыце, шша! Не слухай, батьку... ни!
Сулыма-братъ... Тетерю хай на палю...
Хай крутытся... якъ крутыть тутъ хвостомъ...
ВЫГОВСЬК. Нашъ батьку, зглянсь! Покарано Сулыму...
БОГДАНЪ. Що збувсь рукы? То зрадныку за жартъ!
ГАННА. О, гетьмане! Май ласку! Черезъ край
Вже напылась крови и слизъ Вкраина...
Прости, пробачъ Сулыми! (*Пада на колина*).
БОГДАНЪ (*пиднима іи*). Зоре, встань!
ЧАРНОТА. Не бійсь, не дамъ я друга на поталу... (*Ганна рыда*).
ВСИ. Ясновельможный! Вси бьемо чоломъ!
БОГУНЪ. Колы душа твоя бажае крови—
Мене скарай: я краю послужывъ,
Такъ послужу ще й козаку-славути!
БОГДАНЪ. Я розберу це дило...
БОГУНЪ. Ты ляхамъ
Звиряешся зновъ, гетьмане нашъ любый,
И черезъ ихъ набрехы чынышъ судъ...
Не доконавъ до щенту ты магнативъ
И мыромъ давъ зновъ сылу ворогамъ,
А на твій мыръ не важуть королята!
БОГДАНЪ. Не може буть!
БОГУНЪ. А вирь мени, що такъ!
Ярема князь яки звироцьтва чыныть:
Волынь усю геть выголывъ до пня—
И немовлятъ, и всихъ старыхъ катуе,
Попивъ чесныхъ змурдовуе на смерть,
Провирчуе свердламы ихни очи,
Долотамы втына имъ языкы!
ВСИ. Страшенна ричъ!
БОГДАНЪ. Посланныче видъ Польщи!
Пытаю я, що сее вызнача?

Заремба. Я одибравъ наказа въ цю хвылыну,
Якымъ король мене оповища,
Що зъ гетманомъ поломано вже згоду,—
И Польща вся на васъ війною йде...

Богданъ (*люто*). Іуды! Псы! Узять его въ зализа!

Заремба. Я—посланець!...

Богданъ (*тупа ногою*). Закатувать на смерть!

(*Зарембу схопылы; его пани рыда. Вси збентежени*).

Чарнота. А що... звирявсь?

Богунъ. Не докинчывъ?!

Богданъ (*хапается за голову*). Шельмовство!

Бандурыста (*выступа посередъ всихъ*).

Тепера самъ, одступныче, карайсь,
Бо преступывъ ты заповитъ одъ Бога:
Винъ давъ меча за виру пресвяту,
За добуття побраттямъ меньшымъ доли,
А ты свою гордыню тишыть хтивъ?
Ты не вважавъ, чого бажае матиръ,
Знеможена на ранахъ, на слёзахъ—
И самъ теперъ наклыкавъ ридній мукы.
Ну и несы жъ ій все горе самъ,
Не сподивайсь ни звидкиль мылосердя:
На небесахъ гнивъ праведный достыгъ...
Вже одвернувъ Господь видъ тебе око:
Ударыть гримъ на голову твою—
И порохомъ розвіются замиры!

(*Зависа*).

ДІЄВИ ЛЮДЕ ДО V-ои ДІИ.

Богданъ Хмельницькый—гетьманъ;
Выговськiй—генеральн. писарь;
Золотаренко, **Богунъ** — полковники;
Ганна—сестра Золотаренка;
Цыганка—стара ворожбытка;
Джура,
1, 2, 3—козаны,
1, 2. 3—поранени,

Гайдукы, татаре, вистовныкы.

Дiется пидъ мистечкомъ Берестечкомъ, въ 1651 р.

ДІЯ ПЬЯТА.

Лагерь пидъ Берестечкомъ.—Ричка Стырь съ крутыхъ берегахъ, покрытыхъ лисомъ; навдали мріе Берестечко. Справа—наметъ Богдана; злива—меньшый наметъ; за нымы—други. Доба обидня. Спочатку ясно, а далы винъ темніе видъ хмары и млы.

Выходъ 1.

(За Богдановымъ наметомъ стоить татарська сторожа; де-яки зъ нихъ сыдять, лежать и поють. Кругъ меньшого намета й за нымъ розкынулысь коло казанка малёвничымы купамы козаки. Дали по кручахъ стоять вартови).

(1, 2, 3 и инши козакы та татаре).

Козакы (*спиваютъ*).

Заспивачъ. Ой не знавъ козакъ, та не знавъ Сохронъ,
Якъ славонькы нажыты...

Гуртъ. Гей зибравъ вийсько славне, запорожське,
Та й пишовъ орду быты.

Заспивачъ. Ой у недилю рано-пораненьку
Сохронъ изъ ордою стявся...

Гуртъ. А въ понедилокъ, въ обидню годыну
Самъ у неволю попався...

Заспивачъ. Ой и ты, козаче, козаче Сохроне!
А де жъ твои прегромки рушныци?

Гуртъ. Гей, мои рушныци въ хана у свитлыци,
Самъ я, молодъ, у темныци!

2-й козакъ. Готовый кулишъ! Выймайте ложкы!

Де-хто. Горилкы бъ хочъ по чарци...

1-й козакъ. Онъ татарва лыга чыхырь.

3-й козакъ. Якый тамъ чыхырь? Просто ракію!

1-й козакъ. Тобъ-то нашу преподобныцю?

3-й КОЗАКЪ. Эге-жъ! И закона свого не додержують... ну, якъ же на такыхъ покладатысь?

2-й КОЗАКЪ. А козачый гетьманъ вже не козакамъ виры дійма, а невири...

ДЕХТО. Ото-бо-й ба!

(Почынають коло казана йисты. Татаре частують вартовыхъ. Одынъ татарынъ почына граты на зурни, други пидспивують).

ГУРТЪ (*спива*). Минъ эль хамде лильянъ
(*Татарськый*). Туйганча осадымъ;
А шабъ туй масанъ
Я лабъ туй масанъ!

. . . . . .

1-й КОЗАКЪ. Ачъ, якъ выють,—мовъ вовкы у пылыпивку.

2-й КОЗАКЪ. Ажъ сумъ наводять...

1-й КОЗАКЪ. Може черезъ ныхъ и Богданъ нашъ завжды зажуреный? То було перше—бенькетуе, спива; поведе окомъ—орелъ билозорець; гукне на кони—земля двыгтыть... а теперъ усе осторонь...

3 й КОЗАКЪ. И до війська не вчаща,—все зъ знахарькамы, та чаклунамы: якась его дума гнитыть, ажъ змарнивъ...

1-й КОЗАКЪ. Я знаю яка: винъ потурчывся и насъ потурчыты хоче, дакъ чорты теперъ у печинкахъ его й силы... и въ ночи не дають спаты...

ДЕХТО. Невже? Свять, святъ зъ намы!

2-й КОЗАКЪ. Якъ? Насъ потурчыты? Що ты верзешъ?

3-й КОЗАКЪ. Мы былыся за земли, за виру благочесну, грецьку кровъ лылы, щобъ уніи збутыся, а теперъ бы то... на-тоби!—въ бусурмены пошытысь?! Та такого бъ гриха не вдержала и земля!

ДЕ-ХТО. И пекло завалывъ бы!

(Татаре пьяни лягають спаты).

Выходъ 2.

(*Тижъ и Ганна*).

1-й козакъ. Онъ панночка, зирныця наша!
2-й козакъ. Правда,
Такои вже души и не знайты:
Пеклуется про насъ, якъ ридна ненька,
За хворымы и день, и ничъ впада,
Й смертельному натхне надію тыху...
Ганна (*кланяется*). Добрыдень вамъ, братове! Хлибъ та силь!
Вси. Чоломъ тоби!
3-й козакъ. Отъ, хлибъ сухый...
1-й козакъ. Ой, зъ ласкы-бъ,
Хочъ чымъ-не-чымъ горлянку промочыть!
Ганна. Въ походи жъ вамъ заказано вжываты?
2-й козакъ. Мы стоимо безъ дила...
1-й козакъ. Та й не всимъ:
Онъ татарви, такъ батько нашъ спріяе.
2-й козакъ. Невгодни мы... а ти ажъ попылысь
И розляглысь, пробачъ, немовъ ти свыни...
3-й козакъ. Мы батькови лобамы здобулы
И славу й честь...
Ганна. И винъ васъ всихъ шануе...
Теперъ же щось немовъ тилькы слабый...
Но чарци жъ слидъ... (*Дае гроши*) Ось за его здоровье!
1 и 2 козакы. Спасыби! Отъ, такъ панна!
Други. Ге, сестра!
Вси. За гетьмана й за тебе, наша зоре!

(*Весело, гуртомъ выходять*).

Ганна. Якъ ремство скризь на батька накыпа,
Зрына що-дня наклепъ, невдача, зрада...
Охъ, одверны, мій Боже, гнивъ одъ насъ
И ласкою окрый твого выбранця!

Выходъ 3.

(Выговськый и Ганна).

Выговськый. Вельможная панянка моя зновъ
По табору лыбонь слабыхъ шукала?
Ганна. Навидалась, и, слава Богу, трехъ
Нечаянныхъ вже бачыла пры дили,
На мылыцяхъ...
Выговськый. Ты, панночко, свята
Заступныця намъ, хворымъ...
Ганна. Годи, пане!
Я не люблю цыхъ лестощивъ; усякъ,
Хто чымъ здола, повыненъ послужыты
Украини и сыротамъ ии:
Вы—шаблямы, мы—доглядомъ... а врешти,
Колы бува настане скрутъ страшный,—
Украинкы вмыраты чесно вміютъ!
Выговськ. Хвала, хвала!
Ганна Що, гетьманъ якъ? Слабый?
Выговськ. По трапези заснувъ винъ... та натура
Мицна въ его, якъ крыця...
Ганна. Але й та
Зигнулася...
Выговськ. Не тиломъ винъ недужый...
Ганна. Душею... такъ! И рана та тяжка!
Выговськ. Панъ гетьманъ самъ...
Ганна. О, на орла, я знаю,
Колы ему пострелено крыло,
Готови вси шуликы напосисты.
Выговськ. У гетьмана суть певни друзи...
Ганна. Ни!
Одни его думокъ не розуміють,
Други-жъ—соби на думци...

Выходъ 4.

(Тижъ и Богунъ та Золотаренко).

Выговськ. (*уздевшы*). А, Богунъ!
И Хведиръ!
Ганна. Братъ!
Богунъ. Де гетьманъ ясновельможный?
Выговськ. Ще почыва...
Богунъ. А есть недобра висть:
Ляхы идуть, уже стоять за гаемъ...
Золотар. А крымській ханъ непевный...
Выговськ. О! Невже?
Богунъ. Кругомъ его такъ и витае зрада...
Хочъ бы прыйшовъ зъ пидмогою Тымко,—
А то сыдыть на хутори безъ дила
Та мачуху видъ когось стереже...
А мы сами опынымось въ лабетахъ!
Золотар. И ханъ продасть...
Ганна. О, Диво пресвята!
Це догрызе Богдана...
Богунъ. Може, панно;
Але йде ричъ про вийсько наше все:
Тутъ тысячи, десяткы тысячъ марно
Погынуть вразъ,—и тяжчи кайданы
Навикъ тоди скують козачу волю!
Ганна О, доля всихъ—то перша ричъ...
Выговськ. Паны
Полковныкы! Покы ясновельможный
Одпочыва,—обрадымось; тоби жъ,
Моя хороша панно, я бъ пораивъ
Зъ обознымы до замку поспишыть...
Тутъ небезпешно...
Ганна (*показуе на Золотаренка*). Я его сестра!
Братъ не тикавъ ище николы зъ сичи,—
Не буду й я ховатыся зъ страху,—
И колы смерть, то смило гляну въ вичи!

Золотар. (*обнима іи*). Ты честь моя!
Богунъ. И доля всихъ! Колы
Въ Украинокъ таке левыне серце,—
То ворогъ намъ ніякый не страшный!

(Выговськый, Золотаренко и Богунъ за кону выходятъ).

Выходъ 5.

(Ганна сама).

Ганна. Повстало все... Зновъ лыхо тяжке суне...
Невже таланъ Богдана видцуравсь,
И батько нашъ, мій велетень, схытнется
Видъ бурь и хмаръ, що облягають край?
Не разъ, не два винъ мирявсь зъ нымы гризно,—
Чого-жъ теперъ нудьга мене бере
И мовъ струна порвалась въ моимъ серци?
(*Замыслылась*) Не вирю я, щобъ видступывсь Богданъ
Одъ тыхъ думокъ, яки носывъ у серци:
То выгадкы напастныкивъ лыхыхъ...
И не чужыхъ, а побратымивъ навить,
Бо заздросты жало имъ дошкуля:
Воны добро, що винъ вчынывъ, нехтують,
А вергають на его все лыхе...
Така то скризь на сему свити правда!
Чого жъ Богданъ не мовъ бы то глухый:
То не зверта увагы на наклепы,
То у ковши розважуе нудьгу?...
Ёго гнитыть якась страшна грызота,—
Чи серця жаль, а чи незбутнисть думъ?
А може ще все журыться за... тою?...
О, доле зла, запроданко слипа!
Завищо такъ мене ты не злюбыла?—
Одна нудьга и мука нависна!...
Рятуй мене видъ неи, Маты Божа!
Загой ёму ту рану уразну,

Що день-у-день велычній духъ руйнуе!...
(*Пауза*). Охъ, орле мій! Розправъ ты крыла зновъ
И ворогивъ шугны геть зъ Украины!
За тебе я молытысь буду вникъ...
А ты не знавъ... не знатымешъ николы:
Ты звирывся зрадлывійшій краси,
Що й зрозумить велыччя не здолала!

(*Сида зажурена. Кинъ, видъ хмары и млы, сутеніе*).

Выходъ 6.

(*Ганна и Богданъ*).

Богданъ (*збентеженый*). Гей, гайдукы! Де вы? Померлы вси?
Ганна (*схопылась*). Мій батьку!
Богданъ. Хто? Хто тамъ?
Ганна. Це я, небога...
Богданъ. Охъ, руку дай... мени щось не гараздъ...
Ганна. Крый Господы! Я заразъ... (*Хоче быты*).
Богданъ. Ни, не кыдай!
Де джура мій?
Ганнна (*бье въ долони*). Гей, джуро!
Джура (*выбига*). Я!!
Ганна. Мерщій
Воды подай вельможному гетьману!
(*Пидъ руку садовыть*). Спочыньте тутъ!... Чоло у васъ, якъ жаръ...
Пропасныця, чи може огневыця?
Не дай Господы!
Богданъ (*до джуры зъ водою*). Поставъ тутъ кившъ и йды!
(*По выходи джуры*). Охъ, тяжко якъ!!
Ганна. Та що вамъ е, мій тату?
Богданъ. Зъ того часу, якъ бандурыста-дидъ
Мени прорикъ Небесный гнивъ и кару,
Душа моя бентежыться зъ страху...

На серци нудъ, въ очахъ кривави плямы
И стукотыть сумлиння у выскы...

ГАННА. Богъ жалиславъ... Той не вчынивъ злочынства,
Хто вызволивъ зъ неволи ридный край...
Не шарпайте зневиррямъ свого серця,—
Зневирря—зло...

БОГДАНЪ. Не сыла! И выномъ
Не можу я залыть страшнои боли
Та тяжкого на серци пречуття...
Отъ, наступа ришуча мыть у брани,
А я зъ нудьгы и рукы опустывъ,
И не знайду колышнёи видвагы,
Бо серце все сточылы робакы:
Воно пыта що-дня и що-хвылыны,
Навищо я змывъ кривью ридный край?
Чи вызволывъ тымъ людъ свій изъ неволи,
А чи завивъ ще въ гирши кайданы?
И все мени передъ очыма мріе,
А надто ще на самоти, смеркомъ:—
То нибы я стою уже въ Варшави,
Прыкованый до карного стовпа...
Кругомъ—каты... клищи... смола и пали...
Надокола гогоче хыжый людъ
И радо жде тыхъ катувань...

ГАННА. О, Боже,
Не доведы!

БОГДАНЪ. А то,—немовъ бы вразъ
Зъ пекельныхъ путъ зирвется туча-буря,
И розжене сполохану юрбу,
Мене жъ знесе зъ майдану, якъ былыну,
Й почне крутыть у темряви нимій...
Ажъ бъе мени у вуха дыкый стогинъ,
По всихъ моихъ суреляхъ оддае...

ГАННА. Вы, батьку мій, думкамъ далы знать волю,
А ихній гвалтъ вогнемъ займае кровъ
И наклыка хворобу...

Богданъ. О, смертельну!...
А то мени ввыжается, що я
Стою одынъ на высочезній скели...—
Ни хмаронькы!... И въ ясносызій мли
Уси краи зъявляются на очи:
На схидъ мыгтыть сывызною Днипро,
На пивдень геть сыпіе Чорне море,
На заходи срибромъ блыстыть Карпатъ,
На пивночи боры Нимапськи мріють,
А навкругы красуется, пыша
Роскишный край, окутаный гаямы,
Вперезаный стежкамы ясныхъ водъ,
Оквиченый вишневымы садкамы...
Ганна. Украина?
Богданъ. Але уся въ крови:
Замисто селъ—чорніють скризь руины,
Замисто нывъ—биліютъ скризь кисткы...
Ганна. Ворожи бильшъ... але, мій батьку любый,
Якъ выкупыть ту волю безъ крови?
Богданъ. Охъ, рыбонько, багато вже... занадто!...
Мени не разъ здается, нибы тинь
Одъ хмаръ лягла по цилій Украини,
А прыдывлюсь—не хмары то сумни,
А сарана, крюкы, шуликы, галичъ—
И вси летятъ на нашъ веселый край!
Ганна. О, Господы, мій мылосердный Боже!
Богданъ. За нымы вслидъ—плачъ, стогинъ, лементъ, гвалтъ,
Хыжацькый крыкъ и сатанынськый регитъ...
Вогонь пала, червони языкы
По хуторахъ и по садкахъ мыгочуть,
А дымъ клубкомъ—задушлывый, чадный—
Скризь котытся, пидносыться до неба
И стыскуе у персахъ моихъ духъ,
Мовъ каминемъ могыльнымъ... Питъ холодный
Вкрыва чоло... а въ серци нибы нижъ...

ГАННА. По знахарьку пиду я... хай одшепче:
Напастныкы на васъ нагналы сумъ
И винъ стыска клищамы ваше серце...

БОГДАНЪ. О, такъ стыска, що я бъ раднишый бувъ
Зъ моихъ грудей те серце заразъ вырвать
И розчавыть погамы... бо на що
Воно здалось никчемне та безсыле?
Никому вже воно не дороге!

ГАННА. Ни, тату, ни!

БОГДАНЪ. Мени вси зневиряють,
Я самъ себе ненавыжу... Зъ симьи
Лыхи висткы, некельни...

ГАННА. Про Елену?
Душею я давно постерегла,
Що черезъ ту зомлилы серцемъ... Тату!
Невже ланцюгъ навикы прыкувавъ
Вашъ славный духъ до отiи никчемы?
Та васъ вона не цинытъ, не коха...
Крыжына, лидъ у неи замисть серця!

БОГДАНЪ. О, лидъ!... Змiя! Гадюка! Тутъ, оттутъ
Впъялась мени своимъ жаломъ двоистымъ
И труить кровъ...

ГАННА. Такъ одирвить iи:
Не вартъ вона, щобъ вашъ велычнiй духъ
Грызотамы за Бо-зна-що нудывся,—
Богдана вся Украина коха
И простяга зъ зализъ до батька рукы!

БОГДАНЪ. Такъ! Выненъ я, бо неньку забувавъ
Я иноди для гадыны тiеи...
Я одибравъ два тыжни видъ Тымка
Лыста отутъ: винъ про ту видьму пыше,
Що мовъ вона... повiя...

ГАННА. Не нове!

БОГДАНЪ. Ты знаешъ що?

ГАННА. А хочъ бы й панъ Чаплинськый!

БОГДАНЪ. О, гаспыдъ той! (*Скрегоче зубамы*).

Ганна. Зъ очей полуду знявъ...
Але жъ вона, на що зминяла батька?
На стоптану брыдоту...
Богданъ. И теперъ
Спизналась, мовъ паскудныця, зъ геваломъ...
Ганна (*сплеснула рукамы*)
О, Господы!
Богданъ (*На серце*). Такъ, тутъ кыпыть смола...
Я напысавъ Тымкови, щобъ дизнався,
Допевнывся, піймавъ на вчынку злимъ
И сповистывъ... Але не сыла ждаты...
Щось порыва мене туды летить,
Досвидчыться й натишытысь на кари,
Та на такій, щобъ самъ Ярема зблидъ.
Охъ, якъ вона мене катуе люто,
Ажъ мозокъ схне!... Тутъ доля на вази
Украины, а я злыденнымъ серцемъ
Въ Суботови... коло тіи зміи!
И не зберу думокъ, бо розлетилысь...
Пекельный жартъ! Я дужыхъ подолавъ,
Перемогты жъ себе не маю сылы!
Ганна. Бо дужчи всихъ...
Богданъ. О, пекло! Всихъ чортивъ
Часамы я готовъ на неи склыкать,
Щобъ зъ пымы вразъ закатувать лыху,
А потимъ зновъ, якъ ту красу згадаю,—
То и себе-бъ для неи скатувавъ...
Стыдота! глумъ! Щобъ козаку—за бабу...
Гыдую я... банитую себе...—
А отъ визьмы жъ!...
Ганна. То чары, тату, чары:
Вона лыбонь зъ нечыстымъ наклада
И розставля пасткы на вашу душу...
Васъ окурыть хочъ ладаномъ святымъ
Та Богови...
Богданъ (*хмуро*). Богъ видступывсь видъ мене...
О, порятуй! Якый страшный вырокъ!

Ганна. Нема кинця безмежній ласци Божій...
Богданъ. Ты херувымъ... тебе послало небо...
Едына ты утиха, вирный другъ!
Ганна. Отъ, орле нашъ! Розставъ ты крыла знову
И шулякивъ зъ Украйны геть шугны!
За тебе я... й на тебе я молюся...
Богданъ. О, свите мій! Ты промынемъ жывышъ
Мои тяжки, непереможни раны,—
Ты, зиронько, у серци топышъ лидъ,
Женешъ за души ничъ темну, непрозору...
На що про що... мени те пекло зновъ,
Колы тутъ рай? (*Трыма Ганну за руку*).
Ганна. Ой, Боженьку! Дай сылы!
Тебе... весь викъ... (*Цилуе ему руку и выбига*).

Выходъ 7.

(*Богданъ, Выговськый и потимъ Богунъ*).

Богданъ (*злякано до Выговського*). Га? Що? Лыхе? Давно ты
Вже не несешъ одрадисныхъ вистокъ...
Выговськ. Чымъ выненъ я?
Богданъ. Я певно выненъ—знаю:
Теперъ за все, Богдане, одвитуй!
Ну, швыдче—що? Бунты, свавольства, зрады?!
Выговськ. Жартують все зъ панами козакы:
Нечай спалывъ и сплиндрувавъ Немырывъ,
Верныгора...
Богданъ. На пали ихъ, катюгъ!
Воны весь край повернуть на руину!
Выговськ. Такъ, гетьмане!
Богданъ. Велы мерщій!... Тривай,
У справахъ цыхъ—не потураты гниву,
А розуму спытатысь перше тра...
Богунъ (*надходыть*). Ясновельможный гетьмане! Для чого
Ты видиславъ одъ броду два повкы,
И одчынывъ ляхамъ ворота въ табиръ?

Богданъ. Тамъ Тугай-Бей зъ татарамы...
Богунъ. А що,
Якъ винъ ляхивъ пропустыть?
Богданъ. Схаменыся!
Мій побратымъ, мій спильныкъ?
Богунъ. Нышкомъ винъ
Стосункы ма зъ ляхамы...
Богданъ. Клямство, пане!
Богунъ. Ще мій языкъ одъ роду не брехавъ:
Я бъ вырвавъ самъ его за тее...
Богданъ. Брате!
Не може буть, щобъ Тугай-бей, мій другъ,
Якого я у смерти двичи вырвавъ,
Мене продавъ!
Богунъ. А якъ звелыть Гирей?
Та й въ Збаражи хто насъ нагнувъ до згоды,
За лядськіи таляры,—чы-жъ не винъ?
Того й прошу, щобъ свою власну варту
Туды послявъ...
Богданъ. Я верховодарь тутъ
И керувать не розучывся, Йване!
Богунъ. Ну, такъ дывысь, гетьмане, якъ бува,
Не дай Господь, насъ Тугай-бей израдыть,
То військо все погыне, и вына
Тоди впаде...
Богданъ. На мене? Добре знаю:
Я всимъ—чоло!
Богунъ Мы—серце, и вмирать
(*выходючы*). За ридный край, за нашу честь мы вміемъ...
Богданъ. Невже и тутъ?
Выговськ. Прыйшовъ зъ Стамбулу лыстъ,
Въ якимъ султанъ корыть тебе за зраду,
Що молдаванъ пошарпавъ...
Богданъ. Отъ, въ чимъ ричъ!
О, вси на насъ!... Такъ отъ яки мы левы
И велетни, що марылы сами

Перевернуть усихъ народивъ долю,—
А насъ цькують зъусюды, мовъ собакъ!
Що-жъ діяты? Де наша буйна сыла?
Хто вкравъ ій?

Выговськ. Сусиды...

Богданъ. Ни, самы
Розвіялы...

Выговськ. Всему выною зрада
Та спильныкы лыхи.

Богданъ. Отъ, въ тимъ-то й ричъ,—
На спильныкивъ не покладайсь у справи,
А на свою лышъ правду й власну миць...
А де вона, якъ въ хати пекло й чвары?

Выговськ. Не прыкрутывъ ты цупко...

Богданъ. Чымъ и якъ?
Чи лейстровыхъ поспольствомъ, чи голоту
Лейстровыкомъ? Отъ тутъ-то й скрутъ! А ты-бъ
Порадывъ чымъ? Мовчышъ... Думкы розбиглысь!..

(*Пройшовся*). Де-бъ помочи?... (*Пауза*) ты вчора говорывъ,
Що видъ царя прыйшлы лысты ласкави...
Такъ! Тилькы тамъ!... Самимъ—загынъ!... Готуй
Ты посланцивъ въ Москву... мерщій: я заразъ
Самъ напышу до свитлого царя
Про спилку зъ нымъ... Щобъ швыдче давъ пидмогу...

Выговськ. Въ Москву пословъ?

Богданъ. Въ Москву, кажу, въ Москву:
Туды й безъ насъ втекло пивъ Украины...

Выговськ. Ой, боязко зъ тымъ спильныкомъ...

Богданъ. А зъ кымъ?
Зъ католыкомъ, чи знову зъ бусурманомъ?
Не ввирылась ще ихня крывда, ни?
А тутъ скрипля едына, грецька вира,
За котру людъ кисткамы полягавъ...
Доволи вже руинъ, пожежъ и крови!

Выговськ. Якъ панськый зволъ...

Богданъ. Прымушеный... Хапайсь!

(*Выговськый выходыть*).

Богданъ. Теперъ всего видъ доли сподиватысь—
И горлыци ще очи заклюють!
Давно було—весь Кыивъ зъ корогвамы
Мене стричавъ; народъ валявсь въ ногахъ
И велычавъ збавытелемъ ойчызны!
А отъ теперъ скризь ремство та злоба,
И проклянуть ще свого батька диты!
Чого-жъ кругомъ зъ моихъ думокъ росло
Одно лыхе та невсыпуще горе?
Такъ, я добра простоти не вчынывъ,
И зважывся лышъ на свою гордыню,
Що маревомъ все тишыла пыху?
Видъ мене й Богъ одвивъ свою правыцю,
И праведенъ Твій прысудъ пресвятый!
Що завтра жде?! (*Замыслюется*).

Выходъ 8.

(*Богданъ, знахарька и козакы*).

1-й козакъ (*тягне зъ 2-мъ цыганку*). Не опынайся, крале!

2 й козакъ. До дерева!

Цыганка. Ой, змылуйтесь, паны!

Богданъ. Що тамъ за гвалтъ?

1-й козакъ. Піймалы заразъ шпыга,
Вельможнійшый!

Богданъ. Ведить его сюды!

Цыганка (*въ ногы*). Згляньсь, папочку! Нехай дитей не вбачу,
Нехай пискомъ я роспадусь, колы
Й на думци що! (*Цилуе ногы*).

Богданъ (*про себе*). Облыччя мовъ знаёме...

(*До неи*). У Смили ты була?

Цыганка. Була, була!
И гетьманъ тамъ такъ обдарывъ ласкаво...

Богданъ. Се ты мени гадала?
Цыганка. Я!
Богданъ (*до козакивъ*). Пустить! (*Маха щобъ ишлы*).
Цыганка. Ой, Господы! Ховай тебе видъ лыха!
Щобъ щаснымъ бувъ та уродлывымъ викъ,
Щобъ не взяла ни шабля, а ни куля,
Щобъ ворогивъ пидъ ногы скризъ топтавъ!
Богданъ. Спасыби! Встань! Колысь гадала щастя...
Цыганка. Ой, гетьмане вельможный, шаблю дай!
Богданъ (*соби*). Чи зновъ зырнуть у вичи хыжій доли,
Чи краще—ни?... А може.. (*До неи*) На, дывысь!
Охъ, Боже мій!
Цыганка (*злыва щось на шаблю*).
Богданъ. Що, що?! кажы!
Цыганка. Не треба!
Богданъ. Кажы, не бійсь!
Цыганка. Не сылуй!
Богданъ. Смерть моя?
Цыганка. Не те... не смерть... ты самъ ще будешъ жыты...
Богданъ. Такъ що-жъ, кажы!
Цыганка (*тремтыть*). Сегодня хмара та
У знахарства всю одибрала сылу...
Богданъ. Я хочу знать! Велю! Кажы-жъ!.. Ни, цыть!
(*Махнувъ рукою*). Иды соби до отого намету. (*Цыганка пишла*).
Якъ тяжаромъ гнитыть мене мій грихъ!...
(*Наступа хмара и мла. Чуты часамы здалеку гуркитъ*).
Богданъ. Бида гряде... Не смерть, а гирше смерты!
Вже може тутъ? Бодай-бы хочъ скоришъ
На голову упала мени кара:
Що часу ждать—втомылася душа!
Якъ мертво скризь; насовуется хмара;
Всю землю геть укрыла сыва мла
И коится непевне щось надокилъ—
Мовъ наступа день страшного суда!
(*Чуты гуркитъ*) Чи гримъ луна? Чи здалеку гарматы?
Ни, тыхо... (*Гуркитъ*) Зновъ? Гей, гайдукы, сюды!

(*Стриля въ пидстоля*). Поснулы вы? Чи кынулись на втеки?
Хтось тупотыть? Якъ Каинъ я тремчу,—
Такъ все мене полоха и вражае...
Де-жъ сыла, де? Невже ін цилкомъ
Загарбало поточене сумлиння?!

(*Козакы, гайдукы, вартови шыкуются у лавы. Гримъ и постриляы*).

Выходъ 9.

Гонець (*вбига*). Ясновельможный гетьмане! Ляхы
Ударылы на табиръ нашъ зза броду;
Вже Дженджелій сиче ихъ.
Богданъ (*до себе*). Вдарывъ гримъ—
И судъ наставъ! (*Крычыть*) Коня, коня! До зброи!!
(*Сида й добува шаблю*) Рушай у лѣтъ! За мною, козакы!
Згадаймо имъ Кодакъ и Жовти-воды!!

(*Вси за Богданомъ рушають; поручъ его—стягъ и бунчукъ*).

(*Якый часъ на кону пусто; де-хто перебига. Чуты гукъ сичи, пострилы, гримъ*).

Выходъ 10.

(*Ганна и цыганка*).

Цыганка (*выбига*). Ой, лелечко! Ой, матинко! Куды
Сховатыся? (*Бига*) Скризь скаженіе пекло!
Ганна (*выбига*). Вси кынулись у сичу... Гетьманъ де?
Хто бига тутъ?
Цыганка (*лама рукы*). Охъ, смерть иде! Я, панно!
Ганна. Чого ты тутъ наклыкуешъ биду?
Не гнулося лыцарство й не погнется:
Де гетьманъ—тамъ и слава!
Цыганка. Не теперъ...
Ганна. Ты видаешъ? (*Блыскавка*).
Цыганка. Я знахарька й гадала...
Ганна. О, горе намъ! (*Знову блыскавка и гримъ*).

Цыганка. Ой, краще нагла смерть,
А нижъ до рукъ тымъ ворогамъ упасты! (*Забига*).

Ганна (*зъ слезамы пада на колина*).

О, Господы! На наши слёзы зглянься.
И поверны гнивъ праведный на ласку!
Своихъ дитей видъ гыбели рятуй!
Пошлы зъ небесъ на помичъ херувымивъ
И рызою окрый твого раба:
Ты давъ есы свій мечъ ему до брани,
Просты-жъ выны и духъ ему озброй
На вызволъ насъ одъ ворогивъ несытыхъ!

Выходъ 11.

(*Тижъ и козаки зъ пораненымы*).

Ихъ ведуть и несуть на нарахъ.

1 раненый. Братци!... Добыйте!
2 раненый. Воды!.. Хочъ крапельку!
3 раненый. Охъ, не помынайте лыхомъ... Смерть!

Ганна (*подбига*). Знахарько! Сюды мерщій! Несить зъ намету того пасы! Воды! Сюды кладить!! (*Порается*).

Цыганка (*надходыть*). Пусты, панно: я вмію кровъ замовлять.

(*Пиднимается буря и дощъ*).

Ганна. Гаразды! (*До другои юрбы*). Якъ тамъ, братци?

4 раненый. Золотаренко й Богунъ пробылысь до Дженджелія, але ворогъ перемога сылою.

Ганна. А гетьманъ де?

4 раненый. Тамъ рижется; ёго билый кинь блыскавкою лита по ворожыхъ лавахъ.

Ганна. Козаки-жъ не гнутся?

4 раненый. Крый Боже!.. Тилькы Гурськый щось не тее...

(*За раненымы бижать купы козачи. За третими—найбильша*).

1-й козакъ. Пидъ гетьманомъ коня вбыто!

Ганна (*сплеснувшы рукамы*). Мылосердный Боже! А гетьманъ?

2—козакъ. Гурський подався! Пустывъ ворогивъ!

Багато (*бижать*). Зрада, зрада! Татыры видсунулысь, тикають! Хто въ Бога вируе, рятуйтесь!

Ганна (*выхоплює у раненого шаблю и зупыня юрбу*).

Куды зайци? Своихъ покынуть въ скрути?
Таварышивъ? Срамотній глумъ и грихъ!
Назадъ уси до сичи! А ни кроку!
Самъ Богъ кара полохунивъ лыхыхъ!!

(Юрба шарахнулась, розступылась пивколомъ).

Выходъ 12.

(Тижъ и Богданъ).

(Завдали посередъ кола зъявляется Богданъ; голова ему безъ шлыка, повъязана хусткою, въ крови. За нымъ несуть корогвы зъ розбытымъ держалномъ. Ганна, уздрившы, опустыла й шаблю. Вси остовпилы. Буря, дощъ, блискавыци; голосъ сичи наблыжается. Видъ Берестечка зарево пожежи).

Богданъ. Погыбель! Смерть! Така пекельна зрада!
Куда самъ здригнувся-бъ одъ жаху!
Не вирывъ я... черезъ мою гордыню
Братерська кровъ ричкамы зновъ тече!
Ламается тамъ воля... и кайданы,
Кайданы ждуть! Усимъ, усимъ—ярмо!
Будь проклятъ часъ, колы я свитъ побачывъ,
Колы мене впершъ маты сповыла!
Гей! Сповистить Золотаренка й Носа
Щобъ одійшлы видъ броду... Дарма лыть
Не треба кровъ,—встояты-жъ намъ не сыла...

(*Вистови бижать*).

Ганна. Не побывайтесь,—батьку! Воля Божа:
Винъ побидывъ, та Винъ и вознесе!

Богданъ. Мене карай! Завищо-жъ ихъ караешъ?
Чымъ выненъ людъ? Хиба, щобъ ихня кровъ
Пекла вогнемъ жерущымъ моетило?!

Ганна. Не рвить себе? Охъ, лелечко! Зъ чола
Ажъ рыне кровъ... Я хочъ обмыю рану!
Богданъ. Нехай горыть, нехай вона зія,
Бо все идно—чоло се палыть соромъ,
А печинкы—гадюча, чорна кровъ!
(*Зрыва повьязку*). Публика! Глумъ! До звиря сироманця
Тикать въ боры! Хай теренъ тило рве.
Нехай знесе чупрыну буйный витеръ,—
Вона теперъ ганеба на чоли!

Выходъ 13.

(*Тижъ и джура зъ лыстомъ*).

Джура. Яснійшому прыбигъ ось лыстъ изъ дому?
Богданъ. А!зновъ... Подай! (*Бере*). Видъ сына, видъ Тымка...
(*Зрыва печатку, пробига*).
1 козакъ. Лыбонь спишыть зъ пидмогою...
Други. Колы-бъ-то!
Богданъ (*несамовыто*). Повисывъ?! Ай!! На матиръ рукы знявъ?!
Замурдувавъ сынъ батька?! Пекло, де ты?
Сюды! До насъ! Такого ще смиху
Надъ всимъ.. святымъ... не бачыло ты зъ вику!
(*Сатаніе*). Коня мени! Въ Суботивъ! (*Лама рукы*). Охъ, дарма!
Нема ій!.. Могыла и публика!..
Куды-жъ мени? На що я? (*Добува шаблю*).
Надто мукы!

Выходъ 14.

(*Тижъ и Богунъ зъ де-кымъ*).

Богунъ (*вбига скажено*). Де той Богданъ? Де гетьмамъ славный нашъ?
Хиба на те тоби далы мы владу,
Щобъ кыдавъ насъ невири видъ ярмо?

Ганна. О, пошануй!

(Богданъ стоитъ нерухомо).

Богунъ. Нечуте лыходійство!
Навмысно винъ поставывъ на крыло
Татарына, що ткавъ намъ нышкомъ пута,
Не на бративъ,—на Ирода звирявсь!
И отъ теперъ, якъ скоилося лыхо,
Ище повкы назадъ свои бере,
А насъ, бойцивъ, на смерть выдыму кыда!

Богданъ. О, добывай! Твоя рука тяжка...
Не те я хтивъ...

Богунъ. Про себе дбавъ, безумче?!
Иды-жъ, поглянь на те, що ты вчынывъ:
Бративъ-орливъ, зборонцивъ чесныхъ краю,
Зъ усихъ бокивъ укрылы ворогы,—
И зъ славою летять козачи души
До праведныхъ Небесъ... а ни одынъ
Не видступа й на крокъ видъ того пекла!

Богданъ. Орлы мои! О, проклятъ, проклятъ я!

Юрба козакивъ *(вбига)*. Зновъ ворогивъ насунула тьма темъ!
Вже знемога у сичи наша сыла!

Богунъ. А! зрадныку! Продавъ есы Ляху
Черезъ татаръ и волю й Украину—
Здыхай же й самъ! *(Добува шаблю).*

Юрба. Смерть, смерть ему!

Ганна *(заступа Богдана)*. Мене
Ты перше вбый, а потимъ вдарь у груды,
Яки за насъ винъ смерти пидставлявъ;
Вкрый соромомъ бездолля!!

Богунъ. Ни,—могылу!..
Теперъ—кинець!! *(Опуска шаблю).*

Богданъ *(рве на соби волосся)*. О, розступыся, земле,
И проглыны у надра мене, пса,
Щобъ не брудныв и смитныщъ своимъ падломъ!
Я, проклятый и Небомъ, и людьмы!

Господь змицнывъ потугы намъ у брани,
А я... спьянивъ одъ славы и хотивъ
Тилькы соби украсты ласку Божу!
Слипый робакъ! Я въ думку соби взявъ,
Що самъ здійму на плечи Украину—
И нахопывсь на тысячи ноживъ...
Та ще вмишавъ до ныхъ и власни мукы...
Я мечъ збруднывъ? (*Лама*). Не гетьманъ бильше я!

(*Оюля перса*). Якъ ласкы жду—убыйте мене, други!

Вси. (*Зрушени*) Жывы, жывы, нашъ батьку!

Ганна. И веды
До прыстани Вкраину!

Богунъ. Твоя скорбъ
Знаймуе ще души велыку сылу:
Своій земли послужышъ ты... Браты!
За мною вси! На выручку Гетьмана!!
У! Дорого себе мы продамо!!

(Кыдается; за нымъ уси. Богданъ хытается; Ганна, рыдаючы, и цыганка его пиддержуютъ).

(Зависа).

Апофеозъ.

(По спуску зависы музыка зразъ проводыть сумну мелодію, яка проясняется въ шыроку течію зъ народныхъ писень и розростается до щыро-народнёго гимна „Гей не дывуйте“... Тутъ зъявляется-пышна жыва картына—„Переясливська рада“).

Зависа.

М. П. Старицкій.

Кыивъ. 12 Сичня,
1896 р.

ЮНЫЕ ГОДЫ П. А. КУЛИША.

2 февраля 1897 года, въ хуторѣ Матроновкѣ, близъ Борзны, скончался на 78 году отъ рожденія П. А. Кулишъ.

Въ 1882 году, спустя слишкомъ 20 лѣтъ послѣ смерти Т. Г. Шевченка, мнѣ удалось собрать по разнымъ періодическимъ изданіямъ отрывочныя свѣдѣнія о жизни поэта и напечатать полный, по возможности, сводъ матеріаловъ для его біографіи. Нынѣ я приступаю къ обнародованію матеріаловъ для біографіи другого украинскаго писателя—послѣдняго изъ славной тріады 40-хъ годовъ—спустя всего три мѣсяца послѣ его кончины, надѣясь, что мой посильный трудъ вызоветъ въ печати болѣе подробныя свѣдѣнія о жизни покойника и его болѣе чѣмъ полувѣковой дѣятельности литературной.

На этотъ разъ я ограничусь сообщеніемъ свѣдѣній, касающихся юныхъ лѣтъ жизни П. А. Кулиша, для чего, помимо моего личнаго знакомства съ покойникомъ въ разные періоды его жизни, послужили мнѣ „Воспоминанія дѣтства“ самого П. А., составляющія III-й томъ Повѣстей, написанныхъ имъ въ Тулѣ, а также разсказы друга его, Ивана Филипповича Хильчевскаго.

П. А. Кулишъ родился 26 іюля 1819 года въ м. Воронежѣ, глуховскаго уѣзда черниговской губерніи. Дѣтство его, до поступленія въ училище, какъ видно изъ его „Воспоминаній“, протекло въ хуторѣ.

...„Кругомъ нашего хутора, говоритъ онъ, не было ни одного значительнаго имѣнія, котораго владѣлецъ былъ бы знакомъ съ культурною жизнью большого города... Отецъ мой, какъ и его сосѣди, были прямые потомки тѣхъ козаковъ, которые пріобрѣли право дворянства, не усвоивши себѣ привычекъ образованной жизни. Они какъ будто еще вчера скинули старосвѣтскіе жупаны и надѣли запоздалаго покроя сюртуки... Я не очень сильно привязанъ былъ къ дому родительскому, потому что у меня не было матери: родной кровъ и мать—эти два понятія одно съ другимъ неразлучны. Я лишился матери (изъ фамиліи Гладкихъ) въ самомъ раннемъ возрастѣ и взросъ одинокимъ мальчикомъ въ сообществѣ отца, который горячо любилъ меня, но утомлялъ чтеніемъ переплетеннаго въ кожу Державина и ариѳметическими задачами“...

На 10-мъ году мальчикъ былъ отвезенъ въ Новгородъ-Сѣверскъ, въ 30 верстахъ отъ Воронежа, для опредѣленія въ училище, помѣщавшееся въ одномъ и томъ же старомъ деревянномъ домѣ съ четырехклассною (тогда) гимназіей, и пристроилъ его на квартирѣ у своей старой знакомой—офицерской вдовы Хлопотыхи, въ Варваринскомъ приходѣ, довольно далеко отъ училища, до котораго по косогорамъ и промоинамъ добраться было не легко. Домикъ вдовицы, нахлобучивъ темную позеленѣвшую крышу, стоялъ на косогорѣ, подпертый со стороны оврага толстыми сваями. Сада при немъ не было, но за домомъ, на крутомъ оврагѣ, зеленѣлъ огородъ, напоминая сады Семирамиды. Невеселое обиталище! „Я предвидѣлъ много печальныхъ дней, говоритъ П. А. въ своихъ воспоминаніяхъ: когда я буду сидѣть одинъ у окна, глядѣть на глухой переулокъ и думать о нашемъ хуторѣ, о его зеленыхъ пригоркахъ и высокихъ дубахъ“. Но ознакомившись поближе съ обитателями этого мрачнаго жилища, онъ утѣшился.

У Хлопотыхи была 16-лѣтняя дочь Ѳеклуша, дѣвица веселая и живая, да квартирантъ, солидныхъ лѣтъ чиновникъ уѣзднаго суда, посвятившій мальчугана въ особаго рода спортъ—„щупанье“ или „печурованье“ раковъ въ рѣкѣ Деснѣ и ея притокахъ. Живописное мѣстоположеніе Новгородъ-Сѣверска, напо-

минающее въ миніатюрѣ Кіевъ, произвело на воспріимчивую душу мальчика сильное впечатлѣніе. „Никогда, говоритъ онъ, я не могъ равнодушно видѣть этой рѣки, въ багрянцѣ запада колеблющейся легкими струями, какъ живое золото. Чудно мѣнялся въ ея всколыханномъ зеркалѣ опрокинутый пейзажъ города".

Такъ какъ мальчикъ былъ нѣсколько подготовленъ дома, то онъ счастливо избѣжалъ „первѣйшаго" (приготовительнаго) класса, съ его свирѣпымъ учителемъ Ильею Семеновичемъ и поступилъ прямо въ первый классъ повѣтоваго училища, гдѣ преимущественно священнодѣйствовалъ смиренный наставникъ Яковъ Яковлевичъ Игнатьевъ, по прозванію Бруль, преподавая четыре предмета: ариѳметику, нѣмецкій языкъ, чистописаніе и рисованіе. Здѣсь Кулишъ особенно сблизился, до дружескихъ отношеній, съ Діонисіемъ Подпружниковымъ, года на два старше его, который снабжалъ его книжками и разсказывалъ весьма занимательныя исторіи. Хотя П. А. для успѣшнаго прохожденія премудростей 1-го класса, казалось, довольно подготовленъ былъ дома, но для того, чтобы угодить Я. Я—чу, требовалось кое-что иное. Достаточные родители, при возвращеніи дѣтей съ каникулъ и праздничныхъ отпусковъ, дѣлали ему разные подарки, главнымъ образомъ живностію и мучицей. Это называлось у насъ: побывать у г. учителя съ почтеніемъ, что не преминулъ учинить и батюшка Кулиша; послѣ чего ученіе мальчика пошло какъ по маслу.

При поѣздкахъ въ отпуски П. А. лишенъ былъ удовольствія счастливцевъ-товарищей—возвращаться въ объятія матери, послѣ долгихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ за учебниками. Скучному училищному быту, одинокой жизни дома и отсутствію материнскихъ ласкъ П. А. приписывалъ раннее развитіе въ себѣ симпатіи ко всему, что манитъ сердце.

Но вотъ прошелъ и годъ послѣ вступленія мальчика въ училище, и такъ какъ онъ изучилъ до послѣдней цифры все, что было написано для 1-го класса въ „синей тетрадкѣ" Я. Я—ча, извѣстной у насъ подъ названіемъ „ариѳметички", то его перевели во второй классъ, но въ этомъ классѣ „синяя тетрадка" заговорила такимъ темнымъ языкомъ, что нашъ Панько очутился

въ числѣ послѣднихъ учениковъ. Дѣло въ томъ, что первыя четыре дѣйствія были ему достаточно извѣстны еще дома, въ хуторѣ: не даромъ онъ исписалъ два грифеля, сидя надъ задачами; а когда дошло дѣло до дробей, то въ цѣломъ классѣ г. учителю могъ удовлетворительно отвѣчать одинъ только Діонисій Подпружниковъ, вызубрившій до послѣдней цифры все, содержимое въ синей тетрадкѣ, чего не могъ достигнуть Кулишъ, не обладавшій въ дѣтствѣ механической памятью, и потому онъ у Я. Я—ча находился на худомъ счету. Но заботливый родитель и тутъ поспѣшилъ къ нему на помощь. Чтобы поправить дѣло, другого средства не оставалось, какъ ублажить учителя. Отцу и удалось упросить Я. Я—ча принять мальчика на квартиру, предложивъ ему третью часть получаемаго имъ жалованья, т. е. 116 руб. асс. въ годъ, да разной провизіи на 100 руб. асс.; при чемъ условлено было: пройти съ Панькомъ 2-ю часть ариѳметики, упражнять его въ нѣмецкомъ языкѣ и заниматься съ нимъ рисованіемъ. И началась для мальчика совершенно иная жизнь.

Домъ Игнатьева стоялъ, что называется, *на отшибѣ*. По обѣимъ сторонамъ его шли улицы безъ домовъ, а сзади былъ глубокій оврагъ, поросшій орѣшникомъ, за которымъ видны были на далекое разстояніе поля. Въ домѣ, кромѣ хозяина и такой же старой сестры его Марѳуши, никого не было, и живому, впечатлительному отъ природы мальчику пришлось проводить время съ этими двумя холодными и черствыми существами, вдали отъ товарищей—точно какъ бы его посадили подъ строгій караулъ. Но какъ бы то ни было, а успѣхи П. А., подъ руководствомъ Я. Я—ча, пошли быстро.

Хотя мы съ Кулишомъ учились одновременно въ одномъ и томъ же заведеніи, но ни въ одномъ классѣ намъ не пришлось сидѣть вмѣстѣ, по той причинѣ, что въ то время, когда я съ великимъ трудомъ преодолѣвалъ „первѣйшій классъ“, онъ поступилъ въ первый и потомъ ушелъ отъ меня впередъ почти на два года. Такъ что, когда я перешелъ въ IV классъ, онъ оканчивалъ уже V. Тамъ онъ пріобрѣлъ между товарищами репутацію сочинителя и искуснаго рисовальщика. Его разсказы изъ быта воронежскихъ обывателей и изъ народныхъ легендъ родного

хутора, изъ которыхъ нѣкоторыя, переработанныя, впослѣдствіи попали въ „Кіевлянинъ“ М. А. Максимовича, предсказывая въ немъ будущаго бытописателя. Кромѣ того, Кулишъ до страсти предавался рисованію, а такъ какъ учитель Кирилловъ, по прозванію Шатà и самъ недалеко ушелъ въ этомъ предметѣ, то П. А. съ товарищемъ своимъ по классу, Семеномъ Глотовымъ, заключили союзъ взаимопомощи: Глотовъ отлично рисовалъ пейзажи, а Кулишъ былъ искусный жанристъ, ловко изображавшій живыхъ людей,—поэтому, не ожидая указаній со стороны преподавателя, они сами себя совершенствовали. Не посѣщая иногда уроковъ, подъ предлогомъ болѣзни, цѣлую недѣлю, они запирались въ квартирѣ и рисовали, поправляя одинъ другому свои работы. Плодомъ такихъ упражненій было не малое количество акварелей, ходившихъ по рукамъ между учениками; а у преподавателя латинскаго языка І. А. Самчевскаго висѣла въ гостинной большая картина подъ стекломъ, представлявшая городъ Новгородъ-Сѣверскъ, нарисованная Глотовымъ съ соборной колокольни a vol d'oiseau.

Такъ какъ искусство рѣдко уживается съ наукой, то нашъ Кулишъ, увлекшись живописью и сочинительствомъ, не могъ успѣвать въ наукахъ и окончилъ свое гимназическое образованіе пятымъ классомъ. Это случилось въ $183^{5}/_{6}$ году.

Увольнившись изъ гимназіи, П. А. не вернулся къ отцу, а сталъ искать кондиціи у помѣщиковъ, чтобы заработать денегъ и поступить въ университетъ, что у насъ не рѣдко практиковалось между бѣдняками, не разсчитывавшими на родительскую помощь. По тогдашнимъ правиламъ воспитанникъ среднеучебнаго заведенія, не окончившій полнаго курса, могъ поступить въ университетъ по экзамену, но не иначе, какъ по истеченіи такого времени, какое требовалось для окончанія полнаго курса, а такъ какъ Кулишъ вышелъ изъ V класса, то онъ имѣлъ право поступить въ университетъ не ранѣе двухъ лѣтъ. И вотъ, проживая впродолженіе этого времени по деревнямъ у помѣщиковъ, въ качествѣ домашняго учителя [1]), подготовляя дѣтей къ вступ-

[1]) Такъ, намъ извѣстно, что П. А. Кулишъ былъ въ этотъ періодъ, между прочимъ въ домѣ помѣщика А. Ильяшенка.—*Ред.*

ленію въ училище, онъ и самъ готовился къ экзамену въ университетъ; предаваясь вмѣстѣ съ тѣмъ неудержимой страсти къ собиранію пѣсенъ и народныхъ преданій, а входя такимъ способомъ въ общеніе съ народомъ, онъ имѣлъ полную возможность достигнуть глубокаго знанія народной жизни и языка, которымъ владѣлъ впослѣдствіи въ совершенствѣ, какъ никто изъ современныхъ ему украинскихъ писателей (кромѣ, разумѣется, Шевченка).

Въ архивныхъ бумагахъ б. лицея кн. Безбородка остались слѣды пребыванія Кулиша, въ качествѣ канцелярскаго чиновника, въ лицейскомъ правленіи около $183^{7}/_{8}$ года, при директорѣ Экебладѣ.

Въ 1839 году, какъ извѣстно, былъ вновь открытъ университетъ Св. Владиміра послѣ временнаго его закрытія, и П. А., хотя и выдержалъ экзаменъ удовлетворительно, но, по недостатку документа о дворянскомъ его происхожденіи, не допущенъ формалистомъ ректоромъ К. А. Неволинымъ къ слушанію лекцій. Лишенный такимъ образомъ университетскаго образованія, въ одномъ изъ писемъ своихъ къ С. Д. Носу, онъ съ горечью вспоминаетъ объ этомъ прискорбномъ фактѣ: „Черниговскія власти могли бы, если бъ захотѣли, разыскать мои документы по моему указанію, да мій панотець зиставсь десятолитком безбатченкомъ, тымъ и не зумивъ описля спонукаты герольдію, колы и я отъ ничого не вдіявъ. Тымъ часомъ ректоръ Неволинъ—той що не схотивъ бачиты риднои матери, злыденнои вдовыци-попади и выславъ ій 25-рублевый папирець,—прысипавсь до мене, щобъ дворянській протоколъ написано б. въ Чернигови на мое, а не на панотцеве имъя, а поки що не дозволывъ мени слухаты дальше лекціи, а я, pecuniarum causa, не мигъ узяты на себе „гиркои по судахъ волокиты“.

Въ 1840 году наступила и моя очередь поступить въ университетъ. Пріѣхавъ въ Кіевъ по Днѣпру на лодкѣ изъ остерскаго уѣзда, я присталъ на Подолѣ напротивъ Бурсы и, оставивъ свою мизерію подъ надзоромъ моего случайнаго спутника Гриця, отправился на Печерскъ искать земляковъ. Встрѣтившись въ царскомъ саду съ студентомъ Ив. Долинскимъ, я, по его указанію, скоро отыскалъ квартиру своихъ сѣверянъ, П. А. Кулиша и

П. О. Чуйкевича. Неразлучные друзья-земляки жили на Графскомъ переулкѣ, позади извѣстнаго въ то время виннаго магазина Финке, надъ Провальемъ. Замѣтивъ изъ первыхъ же моихъ словъ, что я совершеннѣйшій провинціалъ—простота, котораго на каждомъ шагу въ незнакомомъ большомъ городѣ каждый могъ обмануть, добрый мой землякъ П. А., отложивъ въ сторону своего „Огненнаго Змія"—повѣсть, которую онъ писалъ для „Кіевлянина"—поспѣшилъ накинуть на себя сюртукъ и отправился со мною нанять извощика для перевозки засвѣтло моего скарба съ Подола. Пріѣхавъ на пристань и забравши сундукъ, я вернулся на квартиру студентовъ и остался у нихъ ночевать. На другой день поутру мы съ П. А. отправились искать квартиру. Небогатое студенчество большею частію ютилось тогда на Провальѣ (что нынѣ за Удѣльною конторой)—небольшомъ фольваркѣ, находившемся вблизи университета, при спускѣ къ Днѣпру, и состоявшемъ тогда изъ нѣсколькихъ десятковъ домиковъ съ огородами и садами, тянувшимися къ самому обрыву. Между домами шла неровная, изрытая ручьями улица. Тутъ-то мы и нашли квартиру за 25 руб. асс. въ мѣсяцъ съ малороссійскимъ борщомъ, чаемъ и мытьемъ бѣлья.

Между тѣмъ землякъ мой, не будучи въ состояніи добыть требуемый ректоромъ документъ, находясь около двухъ лѣтъ въ весьма неопредѣленномъ положеніи и сверхъ того, необезпеченный матеріально, по необходимости долженъ былъ оставить университетъ, получивъ, по рекомендаціи б. ректора Максимовича, въ 1842 году должность преподавателя русскаго языка въ Луцкомъ дворянскомъ училищѣ. Тамъ молодой человѣкъ сошелся съ учителемъ Иваномъ Филипповичемъ Хильчевскимъ. Будучи на 10 лѣтъ моложе своего сослуживца, П. А. былъ ему многимъ обязанъ и въ матеріальномъ и въ умственномъ отношеніи, найдя въ немъ опытнаго руководителя и друга.

Во время кратковременнаго пребыванія въ Луцкѣ, Кулишъ, при своихъ громадныхъ способностяхъ, пріобрѣлъ массу научныхъ свѣдѣній. Большая училищная библіотека, обогащенная конфискованными, по распоряженію генералъ-губернатора Бибикова, библіотеками волынскихъ магнатовъ, съ дорогими и рѣд-

кими изданіями и состоявшая изъ 15,000 томовъ, весьма много способствовала расширенію умственнаго кругозора Кулиша и дала ему возможность пополнить пробѣлы недоконченнаго образованія. Въ библіотекѣ между прочимъ находилось полное собраніе романовъ Вальтеръ-Скотта на французскомъ языкѣ. По свидѣтельству Хильчевскаго, Кулишъ пріѣхалъ въ Луцкъ съ весьма жалкими познаніями во французскомъ языкѣ [1]), но по истеченіи трехъ-четырехъ мѣсяцевъ онъ сталъ свободно читать Вальтеръ Скотта и въ подражаніе его роману „Карлъ Смѣлый“ тогда же началъ писать свой собственный историческій романъ „Михайло Чернышенко“. П. А. изумлялъ Хильчевскаго необыкновенной быстротой и легкостью литературныхъ работъ своихъ: впродолженіе нѣсколькихъ часовъ онъ исписывалъ цѣлыя страницы изящнымъ почеркомъ, безъ малѣйшихъ помарокъ. Не менѣе удивлялъ онъ своего пріятеля и искусствомъ передавать бумагѣ разныя житейскія сцены и портреты окружающихъ лицъ. Такъ, однажды, во время прогулки, друзьямъ встрѣтилось семейство полковника Д—ва. Какъ самъ полковникъ, такъ и все его семейство было весьма малаго роста. Вернувшись съ прогулки, П. А. нарисовалъ ихъ всѣхъ въ видѣ курочекъ-корольковъ, предводимыхъ пѣтушкомъ и подписалъ: „Луцкая миніатюрная аристократія“.

Между знакомыми Хильчевскаго было не мало поляковъ, съ которыми онъ, подъ давленіемъ уѣздной скуки, скоро сблизился, познакомивъ съ ихъ семействами и своего юнаго сослуживца, который и жилъ вмѣстѣ съ нимъ на одной квартирѣ. Живая и дѣятельная натура Кулиша, среди серьезныхъ умственныхъ занятій, давала ему возможность находить время и для развлеченій. Влюбился онъ, на весьма впрочемъ короткое время, разомъ въ двухъ дѣвицъ, извѣстныхъ у него подъ №№ 1 и 2, недоумѣвая, какому изъ этихъ номеровъ отдать преимущество. Болѣе другихъ, повидимому, ему приглянулся № 1—племянница

---

[1]) Не зналъ онъ, при поступленіи на службу, и другихъ иностранныхъ языковъ; потомъ изучилъ: англійскій, нѣмецкій, итальянскій, испанскій, всѣ почти славянскіе языки, и изъ древнихъ-латинскій и древне-еврейскій.

бывшаго профессора химіи въ университетѣ Св. Владиміра Эмерита Зиновича, доживавшаго свой вѣкъ въ Луцкѣ.

Кулишъ, по словамъ Хильчевскаго, своею обаятельною личностію воскрешалъ для него родную Малороссію. Говорилъ онъ постоянно чистѣйшимъ украинскимъ языкомъ, какимъ въ ополяченномъ краѣ не говорилъ никто. Живя душа въ душу, друзья чувствовали себя вполнѣ счастливыми и довольными судьбой.

Но спокойствіе и тихое теченіе ихъ жизни въ скромномъ уѣздномъ городкѣ продолжалось не долго. Въ срединѣ года въ луцкое дворянское училище былъ назначенъ новый смотритель, нѣкто Глибовскій, изъ Чернигова, по протекціи родственника И. Г. Кулжинскаго, директора Клеванской гимназіи (переведенной потомъ въ Ровно). Несимпатичная и невѣжественная личность новаго начальника поселила между педагогами разладъ. Особенно ожесточенную войну повелъ съ смотрителемъ *горячій* и нетерпѣливый Кулишъ [1]).

Борьба началась изъ-за того, что смотритель сдѣлалъ неумѣстное замѣчаніе библіотекарю Хильчевскому, что онъ оставляетъ въ библіотекѣ по цѣлымъ днямъ Кулиша одного. Помимо всего этого, учителя открыли въ своемъ начальникѣ весьма неблаговидныя качества: онъ бралъ взятки и отъ родителей учениковъ, и отъ квартиросодержателей. Не стерпѣвши такого безобразія, педагоги отправили попечителю кн. Давыдову коллективную просьбу—избавить училище отъ такого позора. Результатъ этой просьбы былъ тотъ, что Глибовскаго куда-то убрали, но вслѣдъ за тѣмъ Хильчевскаго деградировали по службѣ, перемѣстивши его изъ дворянскаго Луцкаго въ Роменское уѣздное училище, (куда онъ впрочемъ не поѣхалъ подъ предлогомъ сдачи библіотеки, и былъ переведенъ чрезъ полгода въ Черно-Островское дворянское училище), а Кулиша перевели въ Кіево-Подольское дворянское училище, и онъ оставилъ Луцкъ, прослуживъ тамъ всего лишь одинъ годъ. Но и въ Кіевѣ служба его

---

[1]) „Я не люблю горячого кулишу!"—сострилъ Глибовскій.
—„Бо собаки не люблять горячого"—отпарировалъ ему П. А.

продолжалась не долго; въ недалекомъ будущемъ его ожидала профессорская кафедра въ университетѣ Петербургскомъ. Но... не такъ воно склалось, якъ ждалось...

Ректору Петербургскаго университета П. А. Плетневу понадобился учитель русскаго языка для студентовъ-инородцевъ, и, по рекомендаціи помощника попечителя кіевскаго учебнаго округа М. В. Юзефовича, должность эта предложена была Кулишу. При письмѣ своемъ къ Плетневу Юзефовичъ приложилъ 5 главъ ненапечатаннаго еще романа „Чорная Рада", какъ доказательство совершеннаго знанія русскаго языка рекомендуемымъ лицомъ.

По пріѣздѣ въ столицу, П. А., до пріисканія квартиры, поселился у Плетнева, который просто очарованъ былъ его личностію. Въ письмѣ своемъ къ К. Я. Гроту онъ отзывается о немъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ: „милый молодой человѣкъ, интересный и наружностію, и чистотою души, и умомъ".

Настоящая служба въ столицѣ П. А. считалась въ пятой гимназіи съ жалованьемъ 2250 р. ас., да отъ университета ему было назначено 1200 р. ас. Въ такихъ условіяхъ прошло около двухъ лѣтъ. Затѣмъ въ началѣ 1847 года состоялась командировка Кулиша заграницу для изученія славянскихъ языковъ; но до отъѣзда онъ завернулъ въ Малороссію и женился въ хуторѣ Мотроновкѣ на сестрѣ своего университетскаго товарища Александрѣ Михайловнѣ Бѣлозерской и съ молодой женой отправился въ путь черезъ Варшаву. Между тѣмъ въ это самое время въ Кіевѣ разыгралась Кирилло-Меѳодіевская драма, и нашъ Кулишъ, не доѣхавъ до границы, арестованъ въ Варшавѣ и по опредѣленію слѣдственной коммиссіи сосланъ на жительство въ Тулу, гдѣ пробылъ около четырехъ лѣтъ.

М. Чалый.

НАДЪ ВЕЛИКИМЪ ЛУГОМЪ ДНѢПРОВСКИМЪ.

(ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ).

Часть долины нижняго Днѣпра, извѣстная подъ названіемъ „Великаго луга“ вмѣщаетъ много слѣдовъ прошлой судьбы примыкающихъ южнорусскихъ степей. Наиболѣе выразительными и близкими для насъ являются здѣсь остатки Запорожской старины.

Излагаемый ниже матеріалъ о выдающихся остаткахъ старины въ области „Великаго луга“ распредѣляется въ порядкѣ достопримѣчательныхъ мѣстностей въ части Запорожья, исключительно по берегамъ Днѣпра ниже г. Александровска (екатеринославской губ.). Очагами Запорожской старины, естественно, являются здѣсь мѣста Запорожскихъ сѣчей.

Въ настоящемъ отрывкѣ „изъ путевыхъ замѣтокъ“ мы сообщимъ видѣнное и слышанное нами около 10 лѣтъ тому назадъ, по возможности въ связи съ живой средой, хранящей слѣды прежняго быта...

Отъ г. Александровска до г. Никополя оба берега Днѣпра отличаются довольно монотоннымъ характеромъ. Правый сравнительно высокій берегъ лишь изрѣдка пересѣкается широкими ложбинами балокъ, лишенныхъ здѣсь обычной красоты рѣчныхъ долинъ. Только изрѣдка замѣчаетъ глазъ на правомъ „козацкомъ“ берегу старые, подавшіеся подъ бременемъ лѣтъ, еще „запорожскіе“ дубы. Лѣвый берегъ Днѣпра представляетъ здѣсь

почти сплошное море бѣлаго съ желтоватымъ отливомъ песку. Мертвымъ представляется это „татарское“ побережье между синимъ небомъ и могучимъ Днѣпромъ, шумно катящимъ волны и богатырски роющимъ лѣвый берегъ.

Высадившись въ Никополѣ, прежде всего мы добивались до мѣста „Мыкытыного Рога“, на которомъ, по мнѣнію изслѣдователей Запорожья, была Запорожская сѣчъ. Съ однимъ Никопольскимъ старикомъ матросомъ пришли мы на высокій берегъ днѣпровскаго протока Орловой и узнали, что мѣста, гдѣ стояли кошемъ древніе козаки, уже нѣтъ теперь, такъ какъ оно размыто Днѣпромъ: „вода забрала“; старикъ еще помнитъ холмикъ надъ кручею съ небольшой капличкой на мѣстѣ старой Запорожской церкви [1]). На томъ мѣстѣ давно уже бушуютъ волны глубокаго Днѣпровскаго протока, всякій годъ все дальше размывающаго высокій Никопольскій берегъ. О подробностяхъ жизни запорожцевъ на Микитиномъ Рогѣ нашъ собесѣдникъ ничего интереснаго не сообщилъ намъ, выражая сожалѣніе и какъ бы оправдываясь передъ нами, что „замолоду“ онъ не вслушивался въ разсказы своего дѣда про Запорожцевъ. Передалъ онъ довольно распространенныя въ этихъ мѣстахъ и неоднократно записанныя уже легенды о храбрости и неустрашимости запорожцевъ, о богатствѣ края въ то время, когда они здѣсь жили, и проч.

Но всѣ эти разсказы, неотличающіеся опредѣленностью сопровождались осторожнымъ старикомъ вставками: „кажуть люды, а Богъ ёго зна, як воно було“.

На пути къ окопамъ въ юго-восточной части Никополя на городскомъ выгонѣ обращаетъ на себя вниманіе огромный, крутой курганъ.

Курганъ этотъ, одинъ изъ 12 расположенныхъ въ безпорядкѣ на высокой плоскости почти надъ самымъ Днѣпромъ, называется „Высокою могилою“. Курганъ дѣйствительно высокъ достигая черезъ вершину 120-ти шаговъ. Съ вершины его от-

---

[1]) Нынѣшняя Никопольская церковь, уже очень ветхая, построена въ 1792 году.

крывается необыкновенно широкій горизонтъ: отсюда видны Старая сѣчь, Каменный затонъ, огромное Бѣлое озеро и крутая гора Мамай-Сурка, кажущаяся съ вершины кургана грандіознымъ трезубцемъ; огромное пространство Великаго луга съ густою сѣтью безчисленныхъ Днѣпровскихъ протоковъ, видно отсюда, какъ на ладони. Стоя на вершинѣ этого кургана, понимаешь не только его похоронное, но и стратегическое значеніе въ ту пору, когда сосѣднія степи кипѣли войной. Пригоднымъ въ стратегическомъ отношеніи могъ быть этотъ курганъ и въ то время, когда близъ Никитиного Рога стоялъ козацкій лагерь въ гетманство Самойловича.

Слѣды, правдоподобно, этого послѣдняго лагеря и уцѣлѣли до нашихъ дней нѣсколько въ сторону на юго-западъ отъ описаннаго кургана, на мѣстѣ Никопольскаго кладбища. Мѣсто, занятое окопами, тянется, насколько намъ удалось прослѣдить, на протяженіи $1^1/_2$—2 квадр. верстъ. Окопы представляютъ осунувшіяся малозамѣтныя насыпи съ такими же рвами. Схему окоповъ, во многихъ мѣстахъ покрытыхъ густымъ „вишникомъ“ и мѣстами совсѣмъ прерывающихся подъ различными вліяніями въ 2 протекшія столѣтія, опредѣлить теперь довольно трудно. Впослѣдствіи мы нашли лишь описаніе этихъ окоповъ, напечатанное о. Карашнымъ въ „Трудахъ Одесскаго общ. исторіи и древностей.

При содѣйствіи мѣстнаго священника была осмотрѣна нами утварь Никопольской церкви, въ которой сохранилось довольно много предметовъ отъ времени Запорожья. Предметы эти много разъ уже описывались, какъ и тѣ „сволоки“ изъ запорожскихъ куреней, которые до настоящаго времени уцѣлѣли въ двухъ хатахъ Никопольскихъ старожиловъ. Перемѣщеніе значительной части церковной утвари изъ сѣчевой церкви въ Никопольскую, а также и сѣчевыхъ построекъ въ Никополь побуждаютъ заключать, что Никополь послѣ атакованія Покровской сѣчи и бѣгства запорожцевъ за Дунай сдѣлался важнѣйшимъ центромъ оставшагося на мѣстѣ козачества.

Изъ Никополя лежалъ намъ путь на мѣсто Новой Сѣчи (Покровской), отстоящей отъ этого города верстъ на 20. Прохо-

дили мы сперва черезъ село Лопанку, тянущуюся въ длину верстъ на 7. За Лопанкой дорога въ Покровское идетъ привольною, слегка холмистою, степью, усѣянною многочисленными небольшими курганами. При входѣ въ Покровское, прежде всего обращаетъ на себя вниманіе каменный крестъ, поставленный надъ могилою кошевого Степана Гладкаго. Въ усадьбѣ церковнаго дома находился остатокъ старины запорожской: намъ здѣсь показали не глубокую, почти доверху засунувшуюся яму на мѣстѣ стоявшей здѣсь Сѣчевой пушкарни. Былъ съ нами и церковный староста, старикъ съ сѣдой бородой и длинными, совершенно бѣлыми волосами, напоминавшій своимъ лицемъ „ликъ", какіе встрѣчаются на иконахъ старинныхъ иконописцевъ. Старикъ этотъ разсказывалъ намъ: что мы стоимъ на мѣстѣ той самой „ямы", въ которой заключались провинившіеся сѣчевики по приговорамъ старшинъ. Въ Покровской церкви съ особымъ почетомъ хранятся кіотъ, сооруженный отаманомъ Брюховецкаго куреня Василіемъ Шиломъ въ 1769 г., небольшая икона Покрова Богоматери, со святыми въ одеждѣ запорожцевъ, какъ и въ Никопольской церкви, и 5 „стояновъ" у западной церковной стѣны, предназначавшихся нѣкогда для стоянія въ церкви сѣчевыхъ старшинъ [1]) Сохранилось много ризъ, подризниковъ и другихъ церковныхъ облаченій, оставшихся еще отъ времени запорожцевъ. На хорахъ сложены старыя запорожскія иконы безъ всякихъ слѣдовъ живописи, разрушенной временемъ; здѣсь находятся остатки самыхъ древнихъ ризъ, а также старые желѣзные подсвѣчники, деревянныя тарелки и прочая очень древняя утварь. Изъ этихъ остатковъ старины останавливается вниманіе между прочимъ на листѣ въ деревянной рамкѣ, гдѣ написаны ноты съ текстомъ церковной пѣсни: „О тебѣ радуется, Благодатная, всякая тварь". Надъ этимъ пылью покрытымъ листомъ бумаги нѣкогда трудился какой-нибудь старецъ, учитель Сѣчевой школы, для того, чтобы торжественно выставлять ее передъ хоромъ пѣвчихъ въ Сѣчевой церкви.

---

[1]) Стояны—полушкафы съ круглымъ вырѣзомъ въ верхней доскѣ высотою около 2 арш.

Прощаясь съ нами, церковный староста задумчиво спросилъ: „Такъ вы, панычи, Запорожье прыйшлы одшукувать?“. Мы промолчали, а старикъ продолжалъ: „То-то й писня йе старынна: „Сплюндрувалы Запорожье, а колысь буде треба“. По указанію церковнаго старосты отправились мы на мѣсто древней сѣчевой церкви, занятое въ настоящее время огородомъ одной крестьянской семьи, въ которой по словамъ старосты была словоохотливая старуха, хранившая въ своей памяти Запорожскія преданія.

Прійдя и расположившись подъ хатой на отдыхъ, въ огородѣ завидѣли мы „каплицу“, какія обыкновенно ставятся на мѣстахъ престоловъ прежде существовавшихъ церквей. Скоро подошла къ намъ старуха, державшаяся, какъ хозяйка „осели“. Поздоровавшись, мы вынуждены были прежде всего разувѣрять нашу собесѣдницу, что мы не гробокопатели. Дѣло въ томъ, что покровскіе жители при нашемъ появленіи въ село приняли насъ за гробокопателей, вспоминая пребываніе здѣсь нѣкоторыхъ туристовъ, раскопавшихъ нѣсколько запорожскихъ могилъ.

Старуха повела насъ къ капличкѣ, тщательно выбѣленной, съ заново-выкрашенной желѣзной крышей, и вообще содержимой съ большимъ вниманіемъ.

„Пидъ велыкый праздныкъ и покадымо тутъ, а литомъ Богу помолымось“, говорила старуха, когда мы остановились у каплицы.

Въ разговорѣ со старухой заинтересовало насъ частое употребленіе качественнаго прилагательнаго „бравый“. Придавала она ему значеніе хорошаго, прочнаго, дорогаго и во многихъ другихъ положительныхъ смыслахъ. Очевидно, слово это на мѣстѣ былой сѣчи—прямое наслѣдіе „браваго“ козачества. На это козачество подъ конецъ и перешелъ разговоръ. Но въ памяти старухи остались только смутные обрывки тѣхъ сказаній, какія когда то приходилось ей слышать о запорожцахъ. Вотъ одинъ изъ подобныхъ отрывковъ: „Найшло москаля, якъ травы. Тоди въ кручу на Пидпыльни такы зализлы три козаки, тай перекыдають бомбы одынъ другому, а дали и кажуть кошовому:

позволь, батьку—отамане, москаля протурыты. А винъ не позволывъ,—тай то й не стало запорожья".

По указанію старухи отправились мы въ одну усадьбу, гдѣ должны были найти слѣды запорожскаго вала. Напасть на эти слѣды было не трудно, такъ какъ и теперь валы эти довольно высоки. Мы обратились къ хозяину одной изъ хатъ, примыкавшей къ мѣсту, гдѣ валъ этотъ найлучше сохранился. Новый нашъ собесѣдникъ, человѣкъ среднихъ лѣтъ, разсказалъ намъ, что въ этихъ валахъ находятъ много бомбъ, мѣдные „гузи" (пуговицы), гончарныя люльки, различныя пряжки и т. д.

О запорожцахъ и этотъ нашъ собесѣдникъ не умѣлъ разсказать что нибудь законченное и правдоподобное. „Характерныки булы запорожци, кажуть стари люде,—та таки, що посли ихъ и на свити не стало тыи поведенціи: простелють було свыту на Пидпильній, поставлять барыло зъ горилкою и коряки заберуть,—сядуть кружкомъ на свыти, плывуть куды треба, и горилку пьють. Отаки булы запорожци,—воны щось знали".

Назначеніе осматриваемыхъ валовъ было ясно: эти валы, огибая мѣсто Старой Сѣчевой церкви на недалекомъ отъ него разстояніи, обоими концами опирались въ рѣку Пидпильну; очевидно, это были валы, окружавшіе внутренній городокъ Сѣчи. Подъ конецъ обслѣдованія вала мы заговорили о томъ, что хорошо было бы провести конецъ дня у кого нибудь изъ селянъ, чтобы услышать воспоминанія о запорожцахъ и старинныя козацкія пѣсни. Долго перебиралъ нашъ собесѣдникъ въ памяти покровскихъ пѣвцовъ, и наконецъ остановился на Дубыныхѣ.—„Ота заспивае, якъ схоче,—тамъ такыхъ щырыхъ запорожскихъ писень знае, що и дидъ теперь мало який знае; и гласомъ Богъ надилывъ, по батькови,—такый спивака бувъ покойный, що вславывся на всю округу. Дубыныха, бачте, мени родычкою додоводыться, то часомъ въ кумпанстви прыходылось писень ій чуты... Та чи розбере ій охота спивать въ Петривку?".

Пошли попытать счастья.

Дубыныха—вдова, мать большой семьи. Просторная хата, комора изъ брусьевъ, 2 повитки въ глубинѣ двора свидѣтель-

ствовали объ умѣньи Дубыныхы справляться съ хозяйствомъ; да это видно было и по ея энергичному лицу. Мы пришли въ то время, когда хозяйка занята была приготовленіемъ борошна для печенья хлѣба на другой день. Это въ селѣ важное дѣло, при которомъ не обращаютъ вниманія на случайныхъ гостей. Не записали мы отъ Дубыныхи ни одной пѣсни; по случаю поста она наотрѣзъ отказалась пѣть, а разсказывать пѣсни на словахъ она не могла, такъ какъ пѣсенныя слова она легко припоминала только при пѣніи.

Поздно вечеромъ мы возвратились въ гостепріимный домъ священника. На другой день мы осматривали бывшую запорожскую бухту, находящуюся неподалеку отъ церкви. Въ настоящее время—эта бухта представляетъ круглое саженей 50 въ діаметрѣ озеро, обмелѣвшее отъ ежегоднаго замуливанія; но узкій протокъ и теперь соединяетъ этотъ слѣдъ бухты съ рѣчкою Подпильною, такъ что общее очертаніе бухты вполнѣ сохранилось,—маленькій каючокъ и теперь изъ Подпильной свободно проходитъ черезъ узкій, неглубокій протокъ въ бывшую сѣчевую гавань, куда въ былыя времена заходили и суда греческихъ купцовъ, приплывавшихъ изъ-за моря. Отсюда въ каюкѣ по Подпильной отправились мы въ городище, находящееся близь Покровскаго въ великомъ лугѣ. Городище очень старинное; такъ прозвали эту мѣстность съ незапамятныхъ временъ.—(Чертевъ А., Новая Сѣчь). Городище находится на островѣ, который обтекаетъ съ двухъ сторонъ рѣчка Подпильна, дѣлающая здѣсь крутой поворотъ на западъ, съ третьей стороны къ острову примыкаетъ протокъ „Похылова ричка“, соединяющая Подпильну и Базавлукъ, а съ 4-й—узкій въ настоящее время безъименный протокъ, соединяющій Подпильну съ Похыловой. Островъ этотъ занимаетъ площадь десятинъ въ 50, представляя на большую половину низменность, обыкновенно заливаемую въ весеннее половодье. Остальная часть острова, къ которой и относится названіе „городище“, довольно возвышенна; эта часть острова выступаетъ постепенно поднимающимся мысомъ въ безъименный протокъ между Подпильною и Похыловою. На возвышенности находится группа небольшихъ могилокъ, по величинѣ не отли-

чающихся отъ обыкновенныхъ могилъ на теперешнихъ кладбищахъ, кромѣ одной, разъ въ 6 большей, чѣмъ современныя могильныя насыпи. Другихъ слѣдовъ пребыванія людей на островѣ нѣтъ. Ни теперь, ни въ прежнее время, сколько запомнятъ Покровскіе старожилы, не находили здѣсь никакихъ остатковъ старины. Найбольшая могила разрыта кладоискателями, но могильныя кости, правдоподобно, не выброшены,—выбрасывать кости изъ могилъ считается здѣсь тяжкимъ грѣхомъ, и если въ поискахъ за кладомъ докапываются до костей, то обыкновенно немедленно снова ихъ зарываютъ. Это городище не описывается ни въ одномъ изслѣдованіи, можетъ быть, потому, что на немъ не сохранилось никакихъ остатковъ далекой старины (могилы на городищѣ могутъ относиться къ позднѣйшему періоду запорожья). Но городище это стоитъ вниманія изслѣдователей: быть можетъ, этотъ островъ, лежащій между Пидпильной и Базавлукомъ, и есть тотъ самый Базавлукъ, на которомъ Эрихъ Лассота нашелъ въ 1594 г лагерь запорожцевъ.

Изъ городища черезъ великій лугъ мы направились на Базавлукъ съ тѣмъ, чтобы побывать на старожитномъ запорожскомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ с. Грушевка херсонскаго уѣзда. По дорогѣ предположено было завернуть въ одну плавню въ глубинѣ великаго луга, гдѣ сидѣлъ при рыбномъ заводѣ самый старый дѣдъ изъ покровскихъ стариковъ. „Керовнычый“ нашъ, не смотря на свои 14 лѣтъ, оказался большимъ знатокомъ безчисленныхъ протоковъ въ великомъ лугѣ, и каюкъ, искусно направляемый, быстро скользилъ по водѣ изъ одного протока въ другой подъ зелеными вербами, сплошь почти покрывающими низкіе плавневые острова. Мы причалили къ небольшому острову. Возлѣ куреня на солнышкѣ грѣлся сѣдой дѣдъ Иванъ Покотыло, на поиски котораго мы и отправились въ плавни.

Дидъ Покотыло пѣть не могъ по старости, а словами пересказалъ намъ двѣ пѣсни особенно любимыя на быломъ запорожьи: „Ой изъ-за горы, зъ лыману витеръ повивае“ и „Ой, Боже жъ нашъ мылостывый, що намъ, братця, теперъ наробылы“.

Немного спустя мы были уже за Базавлукомъ въ селѣ Грушевкѣ. Направились мы къ хатѣ крестьянина Ханенка, въ

усадьбѣ котораго осмотрѣли каменный крестъ надъ братчикомъ Григоріемъ Никитовичемъ. Видѣли здѣсь и другой запорожскій крестъ, стоящій нынѣ на старомъ кладбищѣ. Грушевцы тоже приняли насъ за кладоискателей, допуская, что мы пришли изъ-за Дуная, такъ какъ теперь разстояніе не можетъ служить препятствіемъ: „желизный кинь скоро домчыть“. Убѣдить въ дѣйствительной цѣли нашего прибытія на запорожское „кышло“ намъ не удалось, и старинной козацкой сабли, хранившейся у одного здѣшняго жителя намъ не показали, повидимому, изъ опасенія, что-бы она не была нами отобрана, что, къ сожалѣнію, случалось здѣсь съ древностями, особенно, если на слѣды ихъ нападалъ кто-нибудь изъ чиновниковъ. Въ семействѣ, гдѣ мы тщетно справлялись о козацкой саблѣ, былъ старикъ, которому считали больше ста лѣтъ. Старикъ этотъ еще свободно двигался, но могъ только дѣтей нянчить. За этимъ занятіемъ мы и застали его въ садикѣ за хатою. Когда заговорили со старикомъ, онъ какъ будто не понималъ насъ. Только спустя нѣкоторое время старикъ началъ отвѣчать на наши вопросы. Заговорили, наконецъ, о запорожцахъ. Лицо старика засвѣтилось радостью, рѣчь оживилась, и онъ долго разсказывалъ намъ о мести запорожцевъ Савѣ Чалому за руйнованье запорожскаго „гарду“, о походахъ козацкихъ въ Польшу, объ удали запорожцевъ, о богатой добычѣ, съ какой они назадъ возвратились въ свое Запорожье. Рѣчь старика сопровождалась въ нѣкоторыхъ мѣстахъ речитативомъ текста изъ козацкихъ думъ и пѣсенъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, когда еще служила ему память, онъ былъ, по словамъ пожилаго уже его сына, большимъ знатокомъ старинныхъ пѣсенъ и мастеромъ пѣть ихъ. Мы вслушивались съ огромнымъ интересомъ въ это едва внятное пѣніе, переполненное самымъ глубокимъ чувствомъ.

На слѣдующій день былъ осмотрѣнъ нами наружный сѣчевой валъ, защищавшій Сѣчь со стороны степи,—онъ тянется на краю нынѣшняго села Покровскаго, верстахъ въ 2 отъ мѣста старой сѣчевой церкви.

Мы двигались дальше за село по направленію къ плавнѣ (на сѣверо-западъ), куда привлекали насъ слѣды запорожскаго

зимовника у огромнаго стараго дуба, единственнаго на всемъ побережьи покровской плавни. Подъ дубомъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ была землянка, можно видѣть теперь почти засунувшуюся отъ времени яму, поросшую крапивою и камышемъ; вблизи этой ямы находится другая продолговатая, вѣроятно, слѣдъ погреба для пчелъ. Вокругъ этой мѣстности растетъ много старыхъ дикихъ грушъ и замѣтны пни когда-то росшихъ здѣсь яблонь. По дорогѣ встрѣтили мы объѣздчика, который и разсказалъ намъ преданіе объ этомъ зимовникѣ. Преданіе это довольно типично, какъ легенда о кладѣ, и мы его приводимъ.

Въ этомъ зимовникѣ жилъ, будто-бы, очень богатый, но скупой запорожецъ. Денегъ своихъ онъ не пожертвовалъ ни на церковь, ни въ монастырь, и доживалъ вѣкъ, какъ самый послѣдній сиромаха. Былъ у этого запорожца молодыкъ, присматривавшій за его хозяйствомъ. Этотъ молодыкъ зналъ, гдѣ старый запорожецъ закопалъ свой кладъ, но зналъ также и то, что кладъ этотъ заклятъ, такъ что и брать его опасно. Когда умеръ запорожецъ, молодыкъ придумалъ взять окоченѣвшую руку запорожца, чтобы его же рукою взять его кладъ. Разрывая кладъ, знавшій заклинанія молодыкъ приговаривалъ, „чыя рука загрибала, та и одгрибае и мени дае“. „На цей часъ, разсказывалъ объѣздчикъ, нагодывся запорожець зъ другого зимовныка, прогнавъ того молодыка и гроши отдавъ на церковь. Отакъ дидъ було розсказують про цей зимовныкъ“.—На четвертый день нашего пребыванія въ Покровскомъ оставляли мы это село съ объемистыми тючками, нагруженными пулями, запорожскими кафлями, люльками, древними монетами (башлычкамы), гузями и тому подобными предметами запорожской старины.

Изъ Покровскаго прямая дорога въ д. Капуловку, на мѣстѣ Старой (Сѣрковой) Сѣчи. Въ Капуловкѣ, въ усадьбѣ крестьянина Николая Мизая, находится: „Сиркова могыла“. Могила славнаго запорожскаго кошеваго Сѣрка представляетъ значительный холмъ, въ нѣсколько десятковъ разъ превосходящій величиною обыкновенную современную могилу. Могила, къ чести владѣльца усадьбы, содержится въ большомъ порядкѣ: вокругъ нея разсажены тополи, осокоры и шелковичныя деревья съ кустами

сирени и крыжовника. Могила поросла зеленой травой съ душистымъ „чебрыцемъ“ и выросшею кой-гдѣ стройной нехворощью. На востокъ отъ могилы надъ Чертомлыкомъ раскинулись капуловскія хаты; за Чертомлыкомъ протянулись безконечныя плавни—Великій лугъ, „батько запорожскій“; въ направленіи къ юго-востоку виднѣлись верхушки вербъ, растущихъ на Старой козацкой Сѣчи. Тихо на могилѣ. Только перешептываются листья на осокорахъ, развѣсившихъ свои вѣтви надъ могилой, да созрѣвающіе колосья на полѣ, раскинувшемся къ западу за могилою, будто смущенно переговариваются другъ съ другомъ, будто шепчутся о своей долѣ, которая привела ихъ расти близъ могилы славнѣйшаго козака.

Послѣ могилы Сѣрка посѣщено было нами небольшое запорожское кладбище, на которомъ находится теперь 4 каменныхъ креста, поставленныхъ надъ козаками, опочившими въ 1728 и 1729 году. Здѣсь погребены козаки, умершіе во время „агорянскаго плѣна“, какъ выражались запорожцы о времени существованія запорожскаго на татарской сторонѣ въ нынѣшнихъ Алешкахъ таврической губерніи. Очевидно, они завѣщали себя „поховать въ ридну землю“. О такихъ завѣщаніяхъ говоритъ Скальковскій въ своей исторіи Новой Сѣчи и Стороженко въ своихъ путевыхъ замѣткахъ.

Впослѣдствіи мы встрѣчали въ Капуловкѣ въ усадьбѣ крестьянъ запорожскіе кресты съ чуть примѣтными надписями на нихъ. Подробно они описаны въ запискахъ Стороженка и въ трудѣ Эварницкаго о запорожьи.

Съ запорожскихъ могилъ прямой путь на островъ Старой Сѣчи, которую мѣстные жители называютъ Главною Сѣчью, столицею запорожскою. На Покровскую Сѣчь мѣстные жители смотрятъ, какъ на второстепенный центръ Запорожья. „Настояща Сичъ на острови у Капуловци“, не далеко отъ того миста „де Сирко похованный“.

Такой взглядъ на Старую и Новую Сѣчь объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что Старая Сѣчь дѣйствительно окружена ореоломъ славы козацкой. Живя въ Новой (Покровской) Сѣчи, запорожское товарищество никогда не достигало той мощи и

значенія у сосѣдей, съ какими являлось оно отъ времени непобѣдимаго въ войнахъ Сѣрка и до удалаго Кости Гордѣенка, послѣдняго кошевого на Старой запорожской Сѣчи. Въ Покровской Сѣчи вольности козацкія чѣмъ дальше, тѣмъ больше урѣзывались. Потому и симпатіи тѣснимой и недовольной военной запорожской общины могли быть направлены исключительно къ Старой Сѣчи. Такое отношеніе со времени Новой Сѣчи могло переходить отъ поколѣнія къ поколѣнію и дойти до нашихъ дней. Къ тому же Старая Сѣчь особенно богата различными остатками старины, какъ современной запорожской, такъ и относящейся къ предшествующимъ эпохамъ, не различаемымъ теперешними жителями Сѣчей.

На сѣчевомъ островѣ еще и теперь находятъ очень много монетъ то изъ низко-пробнаго серебра, то изъ металлическаго сплава, имѣющаго видъ олова; преобладаютъ монеты татарскія второй половины 16-го и первой половины 17-го вѣка: изрѣдка встрѣчаются монеты литовскихъ князей (Витовта) и царей русскихъ (Ивана Грознаго, Петра Великаго и проч.). Эти монеты вываливаются изъ острова въ рѣку, и на берегу р. Лопанки послѣ половодья капуловскія дѣти обыкновенно собираютъ ихъ въ значительномъ количествѣ. Въ д. Капуловкѣ мѣстные жители тоже довольно часто находятъ стрѣлы разныхъ величинъ и видовъ, древнія кольца и пряжки, рукоятки кинжаловъ, наконечники копій и проч. Всѣ эти предметы, между которыми встрѣчаются относящіеся къ бронзовому вѣку, мѣстными жителями принимаются за запорожскую „старину“ и еще больше укрѣпляютъ авторитетъ Старой Сѣчи.—Э! тутъ Сичъ була не проста,—разсказывалъ намъ въ Капуловкѣ одинъ старякъ,—якъ почнуть було отъ съ того боку зъ Мамаевой горы (Мамай Сурка—гора на Таврической сторонѣ противъ Капуловки) палыть татары, то кошевый було выйде, подывыться, закруте носомъ, тай каже: тай воняють же вражи сыны! (тобъ то татары). А нуте лишъ, хлопци, возьмить гакивныци та задайте имъ доброго перцю!“.

Названіе „Сиркова Сичъ“ приурочивается теперь исключительно къ небольшому острову, возвышенному на сѣверо-западъ и низменному въ юго-восточной своей части. Островъ этотъ

находится въ Великомъ лугѣ на виду д. Капуловки; отъ берега, гдѣ расположена Капуловка, отдѣляется о-въ широкимъ протокомъ Днѣпра рѣчкой Лапанкой, омывающей западную сторону острова; сѣверо-восточная часть острова омывается Чертомлыкомъ, восточная—рѣчкою Скарбною, представляющею близъ острова неглубокое мѣсто, извѣстное также подъ названіемъ Скарбнаго; южная часть острова омывается очень глубокимъ и необыкновенно быстрымъ протокомъ Днѣпра, рѣчкою Павлюкомъ. Сѣчевой островъ лежитъ, такимъ образомъ, на средоточіи днѣпровскихъ протоковъ въ великомъ лугѣ. Мѣстные старожилы говорятъ, что въ старину за время Сѣрка островъ этотъ былъ возвышеннымъ мысомъ, далеко выдающимся въ великій лугъ; при отакованіи Сѣчи, при кошевомъ Костѣ Гордѣенкѣ, запорожцы перерѣзали мысъ со стороны степи глубокой канавой,—съ того времени и образовался здѣсь сѣчевой островъ. Протокъ между капуловскимъ берегомъ и островомъ долгое время былъ не широкимъ и не глубокимъ,—умершіе не такъ давно старики и старухи переходили на островъ по кладкѣ. Нешрокая сперва рѣчка Лапанка обратилась въ очень внушительную по ширинѣ и глубинѣ рѣчку на глазахъ современныхъ старожиловъ д. Капуловки. По разсказамъ этихъ старожиловъ, сѣчевой островъ въ прежнее время былъ значительно больше по пространству; но съ каждымъ годомъ его все больше и больше размываютъ многоводные днѣпровскіе протоки. Въ послѣдніе годы размывается сѣчевой островъ не такъ сильно, такъ какъ по краямъ его выросли вербы, скрѣпляющіе корнями материкъ острова; вербы и осокори теперь, какъ вѣнокъ, окружаютъ сѣчевой островъ. Но и оточенный деревьями островъ, занимающій площадь около 5 десятинъ, все же размывается, и если не принять мѣръ, то одинъ изъ важнѣйшихъ южно-русскихъ историческихъ памятниковъ съ теченіемъ времени можетъ быть окончательно размытъ днѣпровскими водами. На возвышенной части острова, и теперь представляющей „кручу“, поднимающуюся надъ водою до 4 саженъ, по преданію, стояла до передвиженія запорожцевъ въ Алешки сѣчевая церковь. Отъ нея не осталось и слѣда. Видны теперь въ этой части

острова, два вала длиною саженъ въ 15 съ примыкающими къ нимъ совсѣмъ почти осунувшимися рвами, и нѣсколько ямъ, вырытыхъ, правдоподобно, руками кладоискателей. Эта обнаженная поросшая полынью часть острова и теперь выразительно возвышается среди плавней, потянувшихся къ югу и востоку за край горизонта. Почва на островѣ сплошь песковатая; верхній слой возвышенной части острова, по всѣмъ видимостямъ, насыпной: нѣсколько лѣтъ назадъ копали здѣсь яму для ледника, и въ глубину до 2 саженъ копали рушенную землю; признакомъ такого происхожденія сѣчевой кручи служитъ также то, что на этой части острова совсѣмъ не растетъ трава. Недавно были попытки еврея арендатора рыбныхъ ловель построить на сѣчевомъ островѣ рыбный заводъ; постройка эта была пріостановлена, такъ какъ сѣчевой островъ, какъ историческій памятникъ, составляетъ государственное достояніе.

Въ огородахъ капуловскихъ крестьянъ намъ пришлось затѣмъ видѣть слѣды сѣчевыхъ валовъ и почти заровнявшіяся уже ямы, гдѣ стояли, по преданію, запорожскіе курени.

Плавни Великаго луга представляютъ чудную картину въ іюньское утро. Все здѣсь, вмѣстѣ съ только что вставшимъ солнцемъ, дышетъ спокойствіемъ. Зеркальная поверхность воды такъ же неподвижна, какъ и отражающіяся въ ней вербы и протянувшееся надъ ней голубое небо и легкій нѣжный ласкающій воздухъ свѣжаго утра. Вдали турчатъ дикіе голуби, соловьи разливаются самыми разнообразными трелями; вотъ закукала кукушка, гдѣ-то въ тростникѣ закахкала дикая утка,—все пространство плавней, куда достигаетъ глазъ и слышитъ ухо, звучитъ дивнымъ концертомъ; только тоскливый голосъ „крюка“ да пронзительный крикъ иволги время отъ времени нарушаютъ этотъ чудный концертъ. Прозрачныя воды днѣпровскихъ протоковъ неподвижны. Время отъ времени болотное насѣкомое коснется гладкой поверхности воды и, упавъ на воду, образуетъ концентрическіе круги, которые все растутъ и ростутъ и затѣмъ исчезаютъ; изрѣдка какая нибудь рыба плеснетъ на поверхности воды и на время оставитъ на ней свой сверкающій слѣдъ, а тамъ опять все спокойно. Солнце уже поднялось и смотритъ съ

высоты лазурнаго неба. По прежнему все кругомъ неподвижно, какъ и тотъ прибрежный камень-великанъ, къ которому прислонился каюкъ рыболова. Камень, извѣстный подъ названіемъ „Строцева камня", вполнѣ гармонируетъ съ нѣмой картиной Великаго луга, когда съ наступленіемъ дня умолкаютъ пернатые обитатели плавней. Сложилъ ли свою голову у этого Камня Строць, сраженный татарами, или скрывалъ здѣсь свое добро въ трудное время для сѣчеваго братства, или по другой какой-либо причинѣ названъ такъ камень въ Скарбномъ, объ этомъ ничего не говоритъ народное преданіе.

Вечеромъ мы были въ хатѣ Федосія Ткаченка; въ сѣняхъ пылалъ яркій огонь „на кабыци" передъ которой на низенькихъ скамеечкахъ и вербовыхъ обрубкахъ кружкомъ сидѣло за ужиномъ цѣлое общество, состоящее изъ двухъ крестьянскихъ семей и насъ двухъ. Шли разговоры о рыбѣ, объ арендныхъ платахъ. Капуловская рыба въ вяленомъ видѣ, а иногда свѣжая отправляется въ города Никополь, Александровскъ и другіе. Мало по малу разговоръ перешелъ на тему обычную, когда бываютъ на мѣстахъ запорожск. Сѣчей „городовыкы",—тему о запорожцахъ. Сосѣдъ нашего хозяина Федосія разсказалъ, что онъ слышалъ отъ своего отца о сѣчевикахъ. Онъ разсказывалъ объ ихъ удали и молодечествѣ, о тѣхъ гульбищахъ, какія устраивались въ Сѣчи послѣ того, какъ козаки возвращались съ богатой добычей изъ турецкой или татарской стороны. Просидѣли мы тамъ до поздней ночи, и крѣпителенъ былъ сонъ подъ „пологомъ" близъ хаты, подъ развѣсистой грушей. Пологи здѣсь являются незамѣнимыми приспособленіями противъ комаровъ.

На слѣдующій день мы предполагали быть на пасѣкѣ дида Гопа, но такъ какъ уже наступила жатва, то намъ не удалось подыскать спутниковъ, которые съумѣли бы пробраться по безчисленнымъ протокамъ въ плавняхъ, къ мѣсту его пасѣки. Дидъ Гопъ, по слухамъ, интересовалъ насъ знаніемъ старинныхъ запорожскихъ пѣсенъ и своею необычною для старика веселостью.

Вотъ отчего мы весь этотъ день проходили по селу, знакомясь съ Капуловкою и ея жителями. Древности всякаго рода,

у кого онѣ были, показывались намъ непринужденно и обыкновенно уступались за небольшую плату. Попало къ намъ нѣсколько предметовъ запорожскаго быта: рукоятка кинжала, наконечникъ „списа“ и пр.

Осмотрѣли мы Капуловскія хаты, которыя въ архитектурномъ отношеніи и по убранству не отличаются отъ хатъ, обыкновенно встрѣчающихся въ Полтавщинѣ, откуда преимущественно и переселились въ Капуловку предки нынѣшнихъ жителей этой деревни. Большинство Капуловцевъ, несмотря на благопріятныя природныя условія мѣстности, крайне бѣдны. Объясняется это тѣмъ, что здѣшніе крестьяне не привыкли смотрѣть на хлѣбопашество, какъ на главную статью хозяйства, и ведутъ въ большинствѣ случаевъ незначительную запашку, чему способствуетъ отчасти и 4-хъ—десятинный надѣлъ ихъ, занимающій невполнѣ удобную для хлѣбопашества землю. Прежде имъ свободнѣе было заниматься рыбною ловлею и охотой, а также пользоваться топливомъ и сухимъ кормомъ для скота изъ Великаго луга, въ которомъ къ тому-же въ прежнее время и выпасы для скота были вольны. Въ послѣднее десятилѣтіе экономическія условія для капуловцевъ значительно измѣнились къ худшему: всѣ рыбныя ловли заарендованы, охота не свободна, за каждую копну осоки нужно платить, и выпасы обходятся дорого... Хозяйства Капуловцевъ въ настоящее время переживаютъ кризисъ вслѣдствіе невозможности получать обезпеченіе изъ Великаго Луга и непреодолимой трудности для большинства капуловскихъ хозяйствъ обезпечить себя хлѣбопашествомъ въ размѣрѣ, достаточномъ для удовлетворенія текущихъ нуждъ.

Въ послѣдній день нашего пребыванія въ Капуловкѣ Федосій Ткаченко устроилъ званный вечеръ, на который онъ пригласилъ сосѣдей съ козацкой, какъ онъ выразился, „удачей“. Пѣли старыя козацкія пѣсни, одну изъ которыхъ въ новомъ варіантѣ мы помѣстимъ въ слѣдующей книжкѣ.

Л. Падалка.

СКАЗАНІЕ О ЦАРѢ СОЛОМОНѢ.

„Ще царь Соломонъ и на свитъ не народывся, а вже почавъ войну въ череви своей матери. Маты за те дуже ёго не любыла и якъ породыла та подывылася на свое дытя, то сказала:

— Ой, певне зъ ёго ничого не буде... На що воно судне?..

Вона прыказала поклыкаты кухара и сказала кухару:

— На, оце дытя, зарижь его, выймы сердце, зготуй, то я зъимъ. Кухарь взявъ, понисъ дытя на кухню ризаты, а Соломонъ каже:

— Не робы ты того, пошкодуй... Зарижь лучше собаку, ад выймы сердце и зготуй моій матери, а мене оддай ковалю. То и маты найистся и мени буде добре.

Кухарь такъ и зробывъ: зловывъ собаку, заризавъ еи, доставъ сердце, зготувавъ и прынисъ до дворця, а Соломона то отдавъ ковалю, пошкодувавъ...

Несе винъ страву до царыци.

— Ой, не несы, каже царыця... Собака бувъ, то собакою и смердыть. Визьмы выкинь собакамъ.

Кухарь выкинувъ. Прыйшовъ царь зъ походу. Дошла до ёго чутка, що царыця вродыла сына. Поспишивъ винъ до-домы тай пытае:

— Де мій сынъ? каже.

— Понеслы ёго въ теплу воду помыты, каже царыця, а тымъ часомъ поклыкала вона кухара и сказала ему:

— Я чула, що у нашого коваля вродывся сынъ. Бижи хутнійшъ и визьмы ёго до дворця. Скажи, що царь такъ прыказавъ.

Той такъ и зробывъ, бо въ коваля таки въ той часъ вродывся сынъ. Подывывся батько на сына:

— Гарный, каже, хочъ и не выдае ни на мене, ни на матусю. Щобы се таке значило?

Ничого. Отъ, росте коваливъ сынъ у царя, а царській сынъ Соломонъ у коваля. Пройшовъ де якій часъ... Повыросталы вже чималыи диты. Коваливъ сынъ у царя выйшовъ дурный; учать ёго, учать—винъ ничого не тямыть; а царскій сынъ у коваля зъ каждымъ днемъ стае все розумнійшимъ... Якъ дошовъ Соломонъ до литъ, то, бувало, пожене зъ хлопцямы товаръ пасты на поле и крычить:

— Гей хлопци—молодци! Нехай товаръ соби самъ пасется, а вы збирайтеся до мене. Будемо въ москали учитыся...

Сберутся хлопци. Винъ ихъ всихъ поставыть въ шереньгу и давай ихъ муштруваты и направо, и наливо... Звычайно, якъ-же въ москаляхъ учатся: и сюды, и туды, и направо кругомъ.

Ажъ йиде разъ царь зъ своимъ сыномъ коло того мисця и бачить, Якъ Соломонъ зъ хлопцямы справляется. Казавъ фурману статы, и здывовався.

— Чій ты сынъ? пытае.

— Коваливъ.

Царь ще бильше здывовався, що у коваля такій сынъ.

А царскій сынокъ седыть въ брычци и не дывытся на москаливъ, а поглядае соби въ лисъ.

— Тату, каже, я хочу въ лисъ.

Царь прыказавъ, щобъ фурманъ йихавъ въ лисъ. Пойихалы воны въ лисъ. Зобачивъ сынокъ товсту сосну, тай каже до батька:

— Правда, тату, що зъ сеи сосны було-бъ добре уголье?..

Звычайно, коваливъ сынъ про свое и пытае, до свого кортыть. Царь дуже розсердывся и казавъ йихаты назадъ, до-домы. Йиде и все думае: „що то таке значить, що у мене сынъ такій дурный, а у коваля розумный?“

Ничого. Отъ, грався разъ Соломонъ зъ хлопцямы въ військо, и не вгодывъ ему еденъ хлопець. Ставъ хлопець дуже сперычатыся зъ нымъ за щось тамъ таке... Соломонъ дуже роз-

сердывся и прыказавъ того хлопця повисыты на смерть. Повисылы хлопця. Дошла чутка до батька, що его сына повисылы. Пишовъ батько до царя и скаржится:

— Такъ и такъ, каже, коваливъ сынъ мого сына повисывъ. Засуды ёго по закону. А то одъ ёго хрещеному мыру житья не буде.

Царь прыказавъ своимъ слугамъ поклыкаты Соломона. Прыйишлы до Соломона царски слуги и клычуть:

— Царь, кажуть, прыказавъ...

— А що мени царь? отвитывъ Соломонъ. Царь те саме, що и я. Не боюся я вашого царя. Не велыка винъ мацiя.

Прыйшлы тыи тай кажуть:

— Не хоче иты Соломонъ. Я, каже, самъ соби царь.

Тоди царь посылае другiй разъ вже не слугъ, а своего начальныка, що управлявъ дворцемъ.

— Прыведы, каже, его непременно.

Пишовъ управляющiй. Соломонъ въ те саме время грався въ москали. Начальникъ передавъ ему царскiй прыказъ.

— Скажи царю свому, отказавъ Соломонъ, що я учу своихъ москаливъ и що мени нема часу, а якъ кончу ученiе, то може прыйду.

Такъ и передалы царю. Царь пытае жинки:

— Що то таке, що нашъ сынъ то такiй дурный, а коваливъ такiй розумный?

— Чи я знаю...

Жде царь Соломона. Не иде Соломонъ, тай годи... Нема що, треба самому царю до его йты. Иде царь на поле до Соломона.

А Соломонъ не хтивъ бачытыся зъ царемъ, передягнувся за старця и втикъ.

Шукавъ царь Соломона, шукавъ... и догадався напослидокъ, що то чоловикъ не простый, бо дуже щось розумный и занадто хитрый. Казавъ винъ зибраты всихъ князивъ, графивъ зъ цилого свого царства и даты раду, якъ бы то пойматы того хлопця ковалёвого сына. Зобралыся князи и графы зъ цилого царства. Посадывъ ихъ царь за стилъ, нибы обидаты, чи що, и казавъ

даты имъ дуже довгіи ложки, такъ що набраты въ ложку можно, а до рота достаты—а нінкъ, бо дуже довга ложка. Сыдять графы, думають, думають, захочется имъ йисты... набраты—наберуть, а зъисты—неможна до рота дотягты. Що тутъ робыты? Ажъ входыть до ныхъ, въ дворецъ старенькій дидокъ и просыть „Христа ради", хлиба шматокъ.

— Ой, иды соби, сто-недуга, кажуть ему лыхи графы, бо отъ мы хоть и велыки паны хочемо йисты, та не можемо, а ты такій сякій волоцюга!

— Хочь я и волоцюга, каже Соломонъ, бо то бувъ винъ, але розумнійшій видъ васъ панивъ; а вы хочъ и велыки паны, а про те дурны. Такій предъ вамы добрый обидъ и не знаете, якъ его зъисты.

— А щожъ мы зробымо, колы таки прокляты ложки. Ось дывысь...

— А вы еденъ другому въ ротъ ложкою черезъ стилъ, тай найистеся.

Графы здывовалысь. „Ото, думають соби, стильки седымо та думаемо, а не догадалыся такои простои ричи". Такъ воны и зробылы. Сталы воны соваты еденъ другому ложкою черезъ стилъ тай найилыся. Найывшися пытають старця,—повеселійшалы трохи,—звисно чоловикъ найисться.

— Ну, колы ты такій розумный, кажуть, то скажи намъ ще едну ричь: якъ намъ словыты того Соломона, ковалевого сына и де винъ теперъ живе?

— Розумны люде перше нагодують чоловика, потымъ пытають; а вы перше пытаете. Такъ не годыться... каже имъ Соломонъ.

Нагодовалы воны Соломона и зновъ пытаются его, якъ бы то зловыты того Соломона и де винъ теперь живе?

Дойывъ Соломонъ мыску зъ борщомъ тай пытае ихъ:

— Бувъ тутъ борщъ и булы галушки?

— Булы, кажуть графы.

— А теперь нема?

— Ну, нема.

— Отъ такъ и Соломонъ бувъ винъ тутъ, тай нема.

Взявъ свою клюку и, опираючись, вставъ и пишовъ помалу, нибы и взаправди старый дидокъ, що просыть мылостыню.

Ажъ входыть царь въ дворець, бачить—все изъидено.

— А хто вамъ показавъ йисты? пытае.

— Старый дидокъ якійсь бувъ, то винъ показавъ.

— А що винъ казавъ?

Тыи росказалы.

— То бувъ самъ Соломонъ, каже царь. Чому вы его незатрималы?

И давъ царь прыказъ, щобъ по цилому его царству було шукано Соломона—старого дидка. А Соломонъ, провидавши про тее, перебрався за купця и йиздыть соби по свити.

Казавъ царь золотого плуга зробыты и склыкавъ всихъ золотаривъ зъ цилого царства, щобъ оцинылы того плуга, щобъ узналы, чи е ему—тому плугови—яка цина, чи нема. Отъ, зобралыся на раду золотари и здывовалыся:

— Нема, кажуть, ему цины на земли. Ще такого плуга и на свити не було, такого дорогого. Що може буты дорожше такого плуга?

Але трапывся тутъ еденъ заморьскій купець, подывывся винъ на плуга, тай каже

— Ничого сей плугъ не вартъ, бо имъ не можна земли робыты. Хлибъ а вода — дорожче сего ни нащо нездатного плуга.

Подывовалыся золотари, попробовалы ораты, неможна ораты, бо золото мякне и не може ворочаты землю такъ, якъ железный плугъ.

— А таки правда, кажуть, не можно ораты. Що жъ намъ зъ нымъ робыты?

— А що робыты? Визьмить его да продайте, то будете маты добры гроши.

Такъ и зробылы. Ажъ прыйшовъ царь.

— Ну, що? пытае.

— Плугъ ничого не вартъ, кажуть ему, бо якъ бы винъ бувъ железный, то-бъ имъ можно-бы ораты, а золотый ни на що не здатный.

— Хто вамъ се сказавъ?

— Еденъ купець, тутъ бувъ...

— Чому жъ вы его не затрымалы? Тожъ-то бувъ Соломонъ.

Давъ царь другій приказъ, щобъ такого-то и такого купця затрыматы, якъ хто встрине де-небудь. Сталы шукаты, не можна найты купця, бо Соломонъ вже перебрався за иншого, за майстра. Повисывъ соби пылу, взявъ долото, сокиру и пишовъ шукаты роботы, звычайно майстеръ.

Прошовъ рикъ. Прыказавъ царь строиты соби новый дворець. Склыкавъ всихъ майстривъ зъ цилого свита и почалы воны роботу.

Прыйшлося оброблюваты камни, щобъ класты ихъ въ стину. А камни булы велыки и дуже тверды, и нихто не знавъ, якъ ихъ обшлифоваты. А Соломонъ надійшовъ, подывився.

— Тьфу, каже, велыка мація. Ци каминя ничого не вартъ обробыты.

— Дуже ты розумный, кажуть ему. А ну, попробуй!

— А що мени за те дасте?

— 100 рубливъ.

— Добре.

Прымостывся Соломонъ. Доставъ зъ заназухи такого камня,— бувъ, бачте, въ его такій камынь—шлифирь, що имъ каминня шлифують. Ну, то доставъ винъ того камня, прымирывъ... Поведе разъ—сторона и одлетыть, поведе другій—и другая одлетыть. Такъ и обшлифовавъ.

— Ото, лыхо ма, кажуть муляри, тожъ то мы стилькы возылыся—мопялыся коло тыхъ камнивъ и ничого не моглы зробыты, а винъ такъ хутко справывся

— Якъ ты называешься?—питають его.

— Я премудрый майстеръ, каже Соломонъ, бувъ бы ще премудрійшій, якъ бы нашовъ бильшъ такихъ дурнивъ, якъ оце вы...

Нема що, треба даты ему сто рубливъ. Далы. Взявъ гроши Соломонъ и втикъ. Розсказалы царю про такого-то майстра. Розсердывся царь, що его не затрималы.

Дали, ще розсказують, що Соломонъ достававъ морьску глыбыну въ желизній дижци, на ланцугу. И якъ шовъ на дно, то попавъ на рака, а думавъ що на корчи. Ракъ каже:

— Премудрый Соломонъ, чого хочешь—того не достанешь, бо якъ черкну своею клешнею, то ты тутъ на дни и останешься.

— Ничого, каже Соломонъ, я выберуся. Якось то воно буде.

Ракъ якъ черкнувъ, ланцуга перетявъ, Соломонъ и остався въ мори. Думае, якъ бы то ему теперь выбратыся. Ажъ плыла щука рыба, морськая,—дуже велыкая; зобачила, що Соломонъ въ дижци седыть.

— Премудрый Соломонъ, каже морська щука, я тебе глыну тай зъимъ и пропадешъ и слиду твого не буде на земли.

— Ничого, каже Соломонъ, не пропаду. Якось то воно буде.

Глынула щука рыба чрезъ свою пасть и опенывся Соломонъ въ рыби. Начавъ винъ въ середыни дуже пекты, щука и здохла. Море стало граты, мертва щука и выплыла на верхъ. Йихалы рыбаки. Соломонъ ставъ имъ крычаты, щобъ его ратовалы. Воны почулы, зловылы щуку, роспоролы живота, ажъ тамъ Соломонъ. Такъ винъ и спасся...

Потимъ, Соломонъ задумавъ змиряты высоту небесную. Зловывъ винъ велыку пташку, сивъ на неи, взявъ зъ собою двинадцать бочокъ мяса, тай полетивъ. Летивъ, летивъ тай добрався вже до самого неба. Ажъ обзывается хтось зъ неба.

— Премудрый Соломонъ, каже хтось, дуже далеко вже ты залетивъ. Пропадешь ты тутъ зовсимъ, бо якъ спыхну я тебе зъ неба, той твои кости розсыплются.

Ставъ летиты Соломонъ назадъ и все кормыть свою пташку мясомъ. Колы не хватае вже пташци мяса.

— Премудрый Соломонъ, каже пташка, давай мени мяса, бо я не здужаю, не втримаю и пущу тебе.

А мяса вже нема, все вышло. Отъ Соломонъ одризавъ лытки у своихъ ногъ и дае пташци.

— Яке смачне мясо, каже пташка, ты скильки не дававъ, то ще такого не було. Ще давай мени.

— Колы нема. То послидне.

— Ну, колы нема то пущу и пропадешь.

— Ничого, якось то воно буде.

Ставъ скидаты птахъ Соломона зъ своеи спины, а Соломонъ ухватывся за хвоста. Не можна его скынуть а-ніякъ. Такъ и долетивъ до земли. Птахъ той здохъ, а Соломонъ остався живъ.

— То що?!... То ще розсказують, що нибы премудрый Соломонъ мирявъ свитъ, хтивъ, бачте, найты, де ему кинець. Пишовъ въ едну сторону, а вернувся въ другую, обійшовъ кругомъ и сказавъ, що свиту кинця нема, що свитъ безконечный. Оттого-то Соломона и малюють на книжкахъ завше зъ кружкомъ на голови, якъ нибы яблоко[1]).

Дуже розумный бувъ Соломонъ—написавъ винъ велыку книжку зъ свого розуму и въ тій книжци перепысавъ все, що есть на свити божому: и звиривъ, и птахъ, и всяке болото на земли. И всихъ чортивъ—то винъ также перепысавъ. „Мій батько перепысавъ, каже, всихъ людей, а я чортивъ всихъ запышу“. Въ его бувъ ще такій перстень и въ тому перстени була велыка сыла надъ чортами. Надъ птыцями и рыбами винъ мавъ также велыку сылу. Перевертався винъ, якъ треба було, и въ щуку, и въ сокола, и въ лебедя, и во все, що хтивъ. Языкъ пташки и всякого звира винъ также досконально знавъ. Знавъ винъ вси прыговоры, заговоры, вмивъ личиты всяку хоробу лучше надъ всякого фершала. Знавъ Соломонъ колы буде кинець свита, але никому того не казавъ. И суды всяки винъ розважувавъ межъ звирами, мовъ межъ людьмы. Якъ часомъ коняка зъ конякою, або собака зъ собакою сперычатыся стануть, заразъ—до Соломона. Винъ розсудыть и що прыкаже, такъ завше по его и выйде. Звири его завше слухалы, мовъ люде свого царя. Вмивъ винъ

[1]) Нельзя сказать, чтобы гадальныя книжки лубочнаго изданія съ изображеніемъ Соломона были очень распространены въ ровенскомъ уѣздѣ среди простаго народа. Эти книжки хотя привозятся на ярмарку въ значительномъ количествѣ, но раскупаются народомъ въ очень небольшомъ количествѣ, такъ какъ охотниковъ до печатнаго слова пока еще очень мало въ народѣ, слабо чувствующемъ влеченіе къ грамотѣ. „Салимонъ“ (такъ называетъ полѣшукъ гадальную книжку) встрѣчаются изрѣдка въ грамотной семьѣ.

ризны загадки загадоваты и огонь зъ земли добуваты, и вирёвки зъ писку плесты и нытки зъ дыму сукаты и ризне... ризне...

То все записано въ тыхъ книжкахъ, що премудрый Соломонъ написавъ, але тыи книжки давно загубылися. Але колысь то воны найдутся. Якъ ихъ вже найдуть, то люде зъ того часу мабуть порозумнійшають трохи".

(Записано въ м. Степани, ровенскаго уѣзда, волынск. губ.).

II.

Народная фантазія издавна съ особенною любовью останавливалась на Соломонѣ. Ни одно библейское лицо ветхаго завѣта не сосредоточивало на себѣ столько вниманія народа, какъ царь Соломонъ. Названіе этого царя сдѣлалось ходячимъ, нарицательнымъ именемъ—символомъ необыкновенной мудрости.

Что способствовало обилію народныхъ вымысловъ о Соломонѣ?

Во первыхъ, большая типичность этого царя сравнительно съ другими библейскими лицами. Личность и дѣянія Соломона въ Св. Писаніи эпически опредѣлены, психологически закончены.

Во вторыхъ, характеръ Соломона, выдающійся изъ ряда библейскихъ характеровъ. Житейскій тактъ, богатство практическаго смысла, столь необходимаго въ обыденной жизни,—составляютъ отличительныя черты этого характера. Въ дѣяніяхъ царя Соломона много точекъ соприкосновенія съ дѣйствительностью, съ жизнью, съ бытомъ. По библіи, царь Соломонъ, напримѣръ, очень богатъ. Народъ развилъ эту черту и свои идеальныя мечты о богатствѣ, о лучшемъ имущественномъ бытѣ воплотилъ въ своемъ богачѣ Соломонѣ. Далѣе, царь Соломонъ—практикъ, его никто не обойдетъ, скорѣе онъ всѣхъ обойдетъ, „надуетъ". Практическая мудрость, именно въ этомъ площадномъ, обыденно-житейскомъ смыслѣ, и представляется для крестьянина особенно желанною. Крестьянину, при его невѣжествѣ, приходится самому до всего доходить своимъ разумомъ и извиваться въ жизни на всѣ лады... Крестьянинъ, какъ извѣстно, не задумается солгать, притвориться незнающимъ того или другого,

вообще, поступить смотря по обстоятельствамъ, если это нужно. Эти потребности житейскихъ увертокъ прекрасно символизированы въ народномъ Соломонѣ. Соломонъ, по смыслу народныхъ сказаній, является самымъ идеальнымъ практикомъ въ ходячемъ смыслѣ этого слова. Нужды нѣтъ, что многіе поступки его практики носятъ далеко не безупречный характеръ въ нравственномъ смыслѣ... Далѣе. Царь Соломонъ особенно хорошо суды судитъ. Онъ обладаетъ именно тою судейскою мудростью, какой, по взгляду крестьянина, такъ недостаетъ въ томъ судѣ, въ который онъ идетъ судиться. Въ судахъ Соломона мы не видимъ ни юридической подготовленности, ни формальныхъ проволочекъ, ни какихъ либо канцелярскихъ осложненій; судъ дѣлается просто, т. е. именно такъ, какъ народъ желалъ-бы, чтобы онъ производился и въ настоящее время. Особый видъ премудрости царя Соломона народъ видитъ въ пониманіи имъ тайнъ природы, въ умѣньи владѣть ея силами, въ заклинаніяхъ, въ заговорахъ, въ леченіи разныхъ болѣзней, въ умѣньи изгонять демоновъ, въ чтеніи и составленіи книгъ (составленіе книгъ—это недосягаемая для народа степень мудрости) и, наконецъ, въ пониманьи языковъ звѣрей, птицъ, въ подчиненіи ихъ своимъ прихотямъ и въ знаніи будущаго. И все это перенесено на Соломона — идеалъ мудрости. Онъ и лѣчитъ, и заклинаетъ, и изгоняетъ демоновъ, и книги разныя составляетъ, и языкъ птицъ, звѣрей знаетъ; онъ пользуется ими какъ хочетъ: летаетъ на птицѣ, плаваетъ въ щукѣ; наконецъ, онъ знаетъ все будущее... И не даромъ оракулъ лубочнаго изданія называется въ народѣ Соломономъ.

Общимъ основаніемъ для перенесенія на Соломона всего, что считается мудростью на землѣ, могли служить слова священнаго писанія, такъ характеризующія Соломона: „и даде Господь смыслъ Соломону и премудрость многу зѣло... и исполнися разума Соломонъ паче разума всѣхъ древнихъ сыновъ и паче всѣхъ мудрыхъ египетскихъ. И изглагола Соломонъ три тысящи притчей и быша пѣсни его пять тысящъ. И глагола о древахъ, отъ кедра, иже въ Ливанѣ, и даже до иссопа, исходящаго изъ стѣны, и глагола о скотѣхъ и о птицахъ и о гадахъ и о рыбахъ. И прихождаху вси людіе слушати премудрость

Соломона [1])". Каждую черту библейскаго текста народъ развилъ въ своихъ разсказахъ. Идолопоклонство Соломона не вошло въ составъ характеристическихъ чертъ народнаго представленія о Соломонѣ. Эту черту народное сказаніе оставляетъ, на нее почти не обращается вниманія. Почему? Потому что эта черта не имѣетъ практическаго значенія въ общемъ типѣ царя, даетъ мало точекъ сближенія съ дѣйствительностью. Въ фантастическомъ образѣ Соломона только то жизненно и поддерживается народной фантазіей, что болѣе или менѣе практично и вытекаетъ изъ обыденныхъ интересовъ жизни, тѣсно связано съ его житейскимъ бытомъ. Въ этомъ—особенность сказанія о царѣ Соломонѣ сравнительно съ другими народными сказаніями, напр., съ сказаніемъ о Христѣ, антихристѣ и др. Въ этихъ послѣднихъ сказаніяхъ болѣе отразились особенности *теоретическаго* міросозерцанія народа; въ сказаніяхъ о Соломонѣ вылились, главнымъ образомъ, его *практически-жизненные* идеалы.

III.

Древнія сказанія, съ которыми соединено имя Соломона, сначала существовали независимо отъ библейской почвы. Они имѣютъ длинную исторію. Начавшись своей основой въ неясныхъ, туманныхъ сагахъ дальняго востока—въ буддійскомъ и иранскомъ эпосѣ, они, подъ вліяніемъ библейской исторіи, приняли болѣе опредѣленныя очертанія и перешли въ Европу съ именемъ Соломона. Библейскія историческія сказанія о Соломонѣ въ связи съ восточными легендами дали матеріалъ для талмудическихъ сказаній. Евреи талмудисты детально разработали соломоновскія сказанія и внесли въ нихъ немалую долю своихъ произвольныхъ вымысловъ. При своей крайней, уродливой фантастичности, талмудическія сказанія о Соломонѣ отличаются еще мелочностью и педантизмомъ, на который особенно былъ способенъ умъ буквалиста іудея. Талмудическія сказанія въ свою очередь дали основаніе, съ одной стороны, магометанскимъ сказаніямъ и вошли

[1]) 3 Царст II, 35; IV, 29—34.

въ Коранъ, а съ другой, не остались безъ вліянія на складъ христіанскихъ апокрифическихъ сказаній. Сказанія о Соломонѣ являются на западѣ раньше, чѣмъ на востокѣ. По разысканіямъ А. Н. Веселовскаго, апокрифы о Соломонѣ становятся извѣстными въ концѣ V вѣка и уже въ это время римская церковь возстала противъ этихъ сказаній [1]). Въ западной литературѣ апокрифическія сказанія о Соломонѣ дали романскому воображенію неистощимый матеріалъ для разныхъ легендарныхъ сказаній и вошли въ разные сборники,—напр., въ „Gesta Romanorum", въ французскіе—„Contes" и Fabliaux". Эти же сказанія составили предметъ средневѣковыхъ мистерій. Папы запрещали распространеніе сказаній о Соломонѣ и вносили ихъ въ „Index librorum prohibitorum" [2]). Что касается нашихъ славянскихъ сказаній, то письменныя повѣсти о Соломонѣ въ видѣ болѣе или менѣе цѣльнаго связнаго разсказа встрѣчаются въ славянскихъ хронографахъ и палеяхъ очень рано—въ XIV—XV вв. Какъ излюбленные сюжеты воображенія, эти повѣсти пережили длинный процессъ своего эпическаго развитія и въ XVII в. приняли форму цѣлаго пестраго романа, полнаго анекдотовъ, прибаутокъ, загадокъ, замысловатыхъ реченій и пр. Раньше, чѣмъ сказанія вошли въ составъ письменной литературы, они были предметомъ народныхъ устныхъ разсказовъ. Но въ какое именно время эти сказанія вошли въ кругъ славянскихъ народныхъ разсказовъ,—этого не рѣшаетъ даже спеціалистъ соломоновскихъ сказаній А. Веселовскій. Въ редакціяхъ народныхъ сказаній о Соломонѣ позднѣйшаго періода онъ различаетъ двѣ группы: западно-латинскую и византійско-славянскую. Преимущество вымысла и поэзіи по словамъ Веселовскаго, принадлежитъ западу [3]). Буслаевъ считаетъ повѣсти о Соломонѣ „иностраннаго происхожденія, вѣроятно, греческаго, но съ значительными передѣлками и подновленіями на русскій ладъ. Разрѣшеніе загадокъ и остроумныя

---

[1]) Веселовскій „Славян. сказанія о Соломонѣ". „Кіев. Стар." 1887 г. іюнь—іюль, стр. 265.

[2]) Порфирьевъ. „Апокриф. сказ. о ветхозавѣтн. лицахъ и событ. Казань 1872 годъ стр. 127.

[3]) „Кіев. Стар." 1887 г. іюнь—іюль 265 стр.

изреченія, вставляемыя въ нарочно придуманныя для нихъ событія, составляютъ главный интересъ этихъ разсказовъ“ [1]).

Самая точная и самая обстоятельная редакція сказанія о Соломонѣ издана Николаемъ Тихонравовымъ въ „Лѣтописяхъ русской литературы и древностей“ [2]). Затѣмъ, сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ“, „о судахъ царя Соломона“ изданы въ „Памятникахъ отреченной русской литературы“ [3]). Разнородныя повѣсти и басни о царѣ Соломонѣ собраны Пыпинымъ въ „Памятникахъ старинной русской литературы“ [4]). По рукописямъ соловецкой библіотеки эти сказанія изданы Порфирьевымъ [5]). Малорусскія соотвѣтствующія сказанія изданы у Драгоманова въ „Малорусскихъ народныхъ преданіяхъ и разсказахъ“ [6]). Изслѣдованія и пособія для изученія повѣстей о Соломонѣ—значительны. Исторія развитія сказаній о Соломонѣ обстоятельно изложена въ сочиненіи А. Веселовскаго: „Изъ исторіи литературнаго общенія Востока и Запада. Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ“. Спб. 1872 г. Въ XL томѣ записокъ Академіи наукъ въ 1881 году Веселовскій помѣстилъ большую дополнительную статью о „новыхъ данныхъ къ исторіи соломоновскихъ сказаній“. Сказаніямъ о Соломонѣ посвящено, далѣе, изслѣдованіе А. Пыпина въ IV томѣ, VII выпускѣ „Извѣст. Акад. наукъ“ 1855 года: „Старинныя сказанія о царѣ Соломонѣ“. Объ этихъ же сказаніяхъ см. въ сочиненіи Н. Порфирьева „Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ“. Казань. 1872 г., въ „Историческихъ очеркахъ“ Ѳ. Буслаева т. I. Спб. 1862 г. и др.

---

[1]) Буслаевъ: „Историч. очерки“ т. I. стр. 599.

[2]) „Лѣтописи“. 1862 г. т. IV стр. 112—153. „Повѣсти о царѣ Соломонѣ“.

[3]) Т. I. 1863 г. стр. 254—272.

[4]) Вып. III 1862 г. стр. 51—71.

[5]) Порфирьевъ: „Апокриф. сказ. о ветхоз. лицахъ и событіяхъ“. Сборн. отд. русск. яз. и слов. Имп. акад. наукъ. т. XVII, № 1. Спб. 1877 годъ стр. 240—241, 260—261.

[6]) Драгомановъ „Малорусск. народн. преданія и разсказы“. Кіевъ, 1876 годъ стр. 89—109.

IV.

Повѣсть, записанная нами въ ровенскомъ уѣздѣ волынской губерніи, представляетъ несомнѣнный этнографическій интересъ какъ нѣкоторыми оригинальными чертами содержанія, значительно дополняющими извѣстныя сказанія о Соломонѣ, такъ и формою выраженія, представляющею стилистическія особенности сѣвернаго волынскаго малорусскаго нарѣчія.

При сравненіи нашего сказанія съ извѣстными уже въ литературѣ повѣстями о Соломонѣ, оказалось нѣсколько общихъ по своему содержанію параллелей и варіантовъ. Небезъинтересно прослѣдить главныя изъ этихъ мѣстъ въ порядкѣ хода нашего сказанія.

Общимъ начальнымъ мотивомъ всѣхъ сказаній о Соломонѣ слѣдуетъ считать недовольство матери своимъ сыномъ Соломономъ. Причины недовольства матери на Соломона въ общемъ представляются одинаково всѣми сказаніями, но въ частностяхъ разнятся. Мать не взлюбила своего сына за насмѣшливое отношеніе къ женскому уму, который, по однимъ сказаніямъ, Соломонъ вѣсилъ съ песьимъ...[1]), а по другимъ—съ клочьемъ[2]). Нерасположеніе матери къ Соломону, когда онъ былъ еще въ ея чревѣ, очень характерно изображено въ разсказѣ Руданскаго у Драгоманова. „Повненька була Соломона маты, и прыходыть до неи идна пани и просытся сховать видъ пана. Царыця сховала, ажъ тутъ незабаромъ прыходыть и панъ тай пытае: „чи не було, каже, жинки, у яснои царыци?“.—Не було, пане, каже царыця“, а изъ неи Соломонъ и промовляе:—„не слухай, каже, моеи мамы, бо и мама така сама якъ и твоя жинка!“. Такой то бувъ Соломонъ и ще Богъ знае де“[3]). Въ Лѣтописяхъ русской литературы Тихонравова, основаніемъ недовольства матери Соломона на своего сына—показано знаніе интимныхъ продѣлокъ своей матери и

---

[1]) Памятн. стар. рус. лит., вып. III, стр. 63; Лѣтописи рус. лит. и древн. Тихонравова т. IV. 1862 г. стр. 112, 113, 123; Малор. народн. пред. и разсказы Драгоманова стр. 105.

[2]) Драгоманова: Малорус. народ. преданія, стр. 99—100.

[3]) Драгоманова: Малорус. нар. пред.. стр. 99.

гласное изобличеніе ея въ безпутномъ поведеніи [1]). Наше сказаніе прибавляетъ ко всему этому еще новый мотивъ: мать не взлюбила сына за то, что онъ, будучи еще въ ея чревѣ, „точилъ войну", имѣлъ неуживчивый характеръ.

О замѣнѣ Соломона сыномъ кузнеца — въ „Лѣтоп. рус. литературы": „и найде бояринъ дѣтище у нѣкоего человѣка кузнецова сына въ образѣ царевича Соломона и принесоша его къ царицѣ Вирсавіи" [2]). Давидъ сталъ наблюдать за дѣтскими играми своего маленькаго сына. Онъ очень удивился, когда увидалъ, что его сынъ „постави стулъ и повелѣ отрокомъ доспѣти молоты деревяны и нача на стулѣ ковати. И видѣ царь Давидъ, смутися умомъ" [3]). Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ кузнечное ремесло считается достойнымъ занятіемъ для Соломона: Соломонъ добровольно занимается кузнечествомъ. Соломонъ „якъ взявъ молотъ, та якъ ударе, а те кувадло такъ и зашумило въ землю и сама кузня розвалылась" [4]).

Прощаніе со слугой, которому велѣно бросить Соломона въ море, очень трогательно и очень подробно изображено въ „Повѣсти о царѣ Соломонѣ", изданной Тихонравовымъ [5]). Здѣсь передается характерный разговоръ между Соломономъ и Ачкилой, которому приказано погубить Соломона; причемъ Соломонъ изображается глубоко вѣрующимъ въ провидѣніе, которое не допуститъ его до безвинной гибели.

Сходно передаются въ сказаніяхъ слова Соломона слугѣ: „и рече царевичъ Соломонъ боярину своему Ачкилу: поиди, бояринъ, возьми пса играющихъ съ сукою и заколи его и вынь изъ него сердце и испеки и принеси матери моей и дажь ей,

---

[1]) Тихонравова: Лѣтописи русской литер. т. IV. 1862 г. ст. 122.

[2]) Лѣтоп. рус. литературы Тихонрав. т. IV, стр. 124; сравн. у Драгоман. „Малорусскія народн. пред." стр. 100; „Памятн. старин. рус. литерат." Пыпина вып. III, 64 стр; Веселовскаго: „Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ". Спб. 1872 г. стр. 53.

[3]) Лѣтоп. русск. литерат. 1862 г. т. IV. стр. 131.

[4]) Драгомановъ стр. 107.

[5]) Лѣтоп. рус. литер. т. IV. 1862 г. 125—126 стр.

да астъ“ [1]). „Видрижте палець, безъ его я обійдуся, а серце выймить у собаки тай занесить до мамы. Мама не пизнае“ [2]).

Очутившись на свободѣ, царевичъ Соломонъ началъ суды творити: „собравъ крестьянскихъ дѣтей, множество отроковъ, а самъ царемъ у нихъ бысть, а иныхъ дѣтей воеводами поставляюще, а иныхъ въ судіи; а иныхъ служивыми людьми постави и служебники. И потомъ возгради себѣ градъ на древесѣхъ плетеныхъ вельми мудро“ [3]). Суды, какъ занятіе Соломона,—самый любимый мотивъ какъ народныхъ, такъ и апокрифическихъ сказаній [4]). Соломонъ изображается судьей не только надъ людьми, но и надъ животными [5]).

Вынужденный скрываться, Соломонъ переодѣвается „за дидка“, иногда за пастуха, за купца, за коваля и др. Соломонъ, какъ нищій—мотивъ извѣстный многимъ сказаніямъ. „И пріиде Соломонъ въ царство Китоврасово, аки прохожей старецъ милостыню сбирать“ [6])... при этомъ предъ воротами каждаго дома онъ говорилъ: „я Экклезіастъ, былъ царемъ Израиля во Іерусалимѣ“ [7]). По другимъ сказаніямъ,—какъ и по нашему,—онъ тщательно скрываетъ свое настоящее имя и званіе. „И вопроси о имени, и рече Соломонъ:—„имя мое—Разумникъ нарицаюся“ [8]).

Нашъ разсказъ о панахъ за столомъ съ длинными ложками очень схожъ съ такимъ же разсказомъ у Драгоманова: и сыдять гости надъ тою стравою тай кунають. Вже й царови наскучило дывытыся, и пишовъ винъ на часокъ до царыци. Ажъ тутъ раптомъ показався Соломонъ. „А чому, каже, не йисте вы, люде?“—Та якъ же жъ тутъ йисти, заговорили люди, колы ложки таки прокляти!—„То годуйтесь якъ диты ложкамы черезъ стилъ!“ [9]). Кажется,

[1]) Лѣтоп. русск. литературы 1862 г. т. IV, стр. 125—126.

[2]) Драгоманова стр. 100.

[3]) Лѣтоп. русск. литер. 1862 г. т. IV, стр. 130.

[4]) У Драгоманова 108—109 стр; Памятн. стар. русск. литер. III, 55—57; Лѣтоп. рус. лит. IV, 1862 г. 130—131 стр. 134—137 и др.

[5]) Лѣтописи рус. литер. IV т. 134—137 стр. (Здѣсь же приложенъ рисунокъ суда Соломона надъ животными).

[6]) Лѣтоп. рус. литер. т. IV. 60 стр. Сравн. у Драгоманова 106 стр.

[7]) Порфирьевъ „Апокриф. сказанія“ 73 стр.

[8]) Лѣтоп. русск. литер. IV т. 1862 г. 130 стр.

[9]) Драгоманова—100 стр.

этотъ разсказъ представляетъ особенность нашихъ малорусскихъ сказаній. Въ апокрифическихъ памятникахъ сѣверной руси онъ не разсказывается такъ типично. Къ чисто малороссійскимъ особенностямъ сказаній о Соломонѣ пр. Сумцовъ относитъ также то мѣсто (не встрѣчающееся у насъ), гдѣ разсказывается, какъ Богъ послалъ святыхъ на землю просить людей, чтобы кто нибудь отдалъ часть своей жизни Соломону (ему было назначено жить только три года), и одна баба согласилась отдать ему 50 лѣтъ [1]).

Отвѣтъ Соломона, когда ему предложено было оцѣнить золотой плугъ, въ малороссійскихъ сказаніяхъ передается въ такой формѣ: „гнивайтесь—не гнивайтесь, а я вамъ правду скажу, що якъ въ маю не буде ни капли дощу, то винъ (плугъ) не вартъ и сего куска хлиба, що я дондаю“ (купцы съ плугомъ застаютъ Соломона на полѣ пастухомъ, ѣвшимъ хлѣбъ [2]). Въ другихъ сказаніяхъ посланные застаютъ Соломона при очень циничной обстановкѣ, хотя и возмущающей вкусъ будуарнаго читателя, но за то очень характерно рисующей дородное малорусское остроуміе [3])... Въ сказаніяхъ Тихонравова вмѣсто плуга—колымага [4]).

О камнѣ Шамирѣ—въ „Памятн. отреч. литерат.“: „есть ноготь птичь малъ во имя шамиръ“ [5]). Въ сказаніяхъ подробно разсказывается, гдѣ хранился этотъ камень (у Асмодея) и какихъ трудностей стоило Соломону добыть его [6]). Подъ „шамиромъ“ въ данномъ случаѣ естественнѣе всего видѣть алмазъ, которымъ легко обдѣлывается стекло и рѣжутся драгоцѣнные камни.

Но особенно много варіантовъ находимъ въ разсказахъ о необыкновенной чудодѣйственной, магической силѣ Соломона.

---

[1]) „Кіевск. Стар.“ 1887 г. іюнь—іюль 266 стр. (статья Сумцова: „Очеркъ исторіи южнорусскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ“).

[2]) Драгомановъ: „Малорусск. народн. предан. и разсказы“ стр. 101 сравн. стр. 106 разсказъ, записанный въ с. Михайловкѣ, маріупольскаго уѣзда, екатеринославск. губ.).

[3]) Драгомановъ 106—107 стр.

[4]) Лѣтоп. русск. литер. т. IV. 1862 г. 113 стр.

[5]) Памятник. отреченн. литер. Тихонрав. т. I, 256 стр.

[6]) Порфирьевъ: „Апокриф. сказанія“. 71—73 стр.

Обиліе разсказовъ этого рода показываетъ, что воображеніе авторовъ особенно было заинтересовано въ разработкѣ этихъ сюжетовъ. Въ повѣстяхъ, напримѣръ, разсказывается, какъ „царь Соломонъ полетѣ къ поднебесью яснымъ соколомъ... Пойде по землѣ лютымъ звѣремъ... поплы щукою въ море“ [1]). Царица раздумываетъ, какъ бы ей уйти отъ Соломона: „пойти... по землѣ, и царь Соломонъ лютымъ звѣремъ догонитъ; а подымешь (она говоритъ посланнику, который пришелъ похитить ее) меня на пчелиныя крылья, — и царь Соломонъ яснымъ соколомъ долетитъ, а въ водѣ щукою догонитъ“ [2]). Такъ и случилось. Не найдя царевны, „Соломонъ царь ростужился и въ кручину впалъ, и полетѣ Соломонъ подъ небеса яснымъ соколомъ, и не обшелъ ея подъ небеснымъ облакомъ, но пошелъ по земли лютымъ звѣремъ, и не обтече нигдѣ, и поплыветъ въ море щукою, и въ море не нашелъ, и бысть Соломонъ царь въ великой печали“ [3]).

„Пусти Господь перстень Соломону, и обладаетъ бѣсы всѣми“ [4]). Соломонъ заклинаетъ демоновъ, чтобы они добыли ему древо Господне, утонувшее въ рѣкѣ Іордани: „Завѣзую васъ азъ печатію Господнею, еже ми дасть богъ: „идете, идете, имете взаврьшіе и за корень и принесете ми“ [5]). По древнѣйшимъ преданіямъ востока, Соломонъ зналъ языкъ всѣхъ птицъ и животныхъ и со всѣми свободно могъ разговаривать;—владѣлъ способностью вызывать демоновъ и заставлялъ ихъ производить разныя трудныя работы; онъ составилъ книгу заклинаній для изгнанія демоновъ и для врачеванія разныхъ болѣзней [6]). Въ „іудейскихъ древностяхъ“ Іосифа Флавія говорится о Соломонѣ— какъ о волшебникѣ и чародѣѣ, производящемъ чудеса. „Я самъ видѣлъ, разсказываетъ Іосифъ Флавій, одного изъ моихъ соотечественниковъ, по имени Елеазара, который исцѣлялъ страждущихъ злыми духами... Къ носу бѣснующагося онъ приклады-

---

[1]) Лѣтоп. рус. литер. Тихонрав. т. IV. 1862 г. 118 стр.

[2]) Памятн. стар. русск. литер. вып. III, 67 стр.

[3]) Памятн. стар. рус. литер. вып. III. 67 стр.

[4]) Памятн. стар. русск. литер. III, 7.

[5]) Буслаевъ: „Историческіе очерки“ I, 490.

[6]) Порфирьевъ: „Апокриф. сказ.“ 71, 25, 92—93 стр.

залъ перстень, на которомъ была вырѣзана часть корня, указаннаго Соломономъ, и чрезъ обоняніе его изъ ноздрей извлекалъ демона... Бѣснующійся падалъ на землю, а онъ заклиналъ злаго духа... и при этомъ произносилъ имя Соломона" [1]). На магическомъ перстнѣ Соломона четыре раза было вырѣзано имя Божіе. Перстень давалъ ему власть надъ всею природою [2]). Въ коранѣ, въ 21 главѣ Богъ такъ говоритъ Соломону: „мы подчинили Соломону бурный вѣтеръ, онъ дулъ, по его повелѣнію, въ благословленную нами страну... И между демонами мы подчинили ему тѣхъ, которые ныряли для ловли ему жемчуга и исполняли другія его порученія. Мы сами наблюдали за нимъ". Власть Соломона надъ звѣрями очень типично представлена въ „повѣсти о царѣ Соломонѣ" [3]).

Объ измѣреніи Соломономъ высоты неба и глубины моря находимъ сходный разсказъ у Драгоманова,—въ разсказѣ Руданскаго: „Якъ ставъ (Соломонъ) на царство, то й задумавъ измираты небо. Зробывъ соби такого плуга, тай ставъ на крузи пидійматысь на небо. И ото уже пиднявся у самую хмару, а святый Петро ходыть у хмари тай до него й каже: „Стань, Соломоне! тутъ твоя граныця, а то дали якъ пидешъ, той не вернешься"... Спустывся Соломонъ тай думае соби: „не змиравъ я неба, хочъ змираю море!" И зробывъ соби шклянную хату, сивъ у ню, тай казавъ себе на миранимъ ланцуху спускаты въ море. Ото его спускають, тай спускають, ажъ лизе до него морській ракъ. (А морськіи раки таки здорови, що два чоловика на соби кожный потягне). Ото и каже винъ до Соломона:—„Соломоне, Соломоне! не змираешь ты мора! Двадцять литъ шукавъ я колысь дна, та й то не найшовъ... Повертайсь ты назадъ"... Послухавъ Соломонъ тай выйшовъ изъ мора, а тутъ ему уже небагато й житы оставалось" [4]).

---

[1]) „Древности" I. Флавія, кн. VIII гл. II Сравн. у Порфирьева „Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ", стр. 261.

[2]) Порфирьевъ „Апокрифич. сказанія" 74, 75 и 76 стр.

[3]) Тихонравов.: „Лѣтописи русск. литерат. IV, 1862 г. 134—136 стр.

[4]) Драгомановъ: стр. 102. Сравнить съ сказаніемъ, записаннымъ въ маріупольскомъ уѣздѣ, екатеринославск. губ. у Драгоманова стр. 107—108.

Замѣчательно, что въ нашемъ сказаніи ничего не говорится о смерти Соломона,—вошедшей въ многія сказанія. Типичный малорусскій варіантъ смерти записанъ въ разсказѣ Руданскаго. Совершенно опускается также въ нашемъ сказаніи постройка знаменитаго Соломонова храма.

V.

Сказанія о Соломонѣ дошли до насъ въ формѣ повѣстей. Духовныхъ стиховъ, въ которыхъ бы изображался Соломонъ, подобно тому какъ въ нихъ изображаются другія библейскія лица и событія (напр. дѣва Марія, Лазарь, Рождество, страданія Спасителя и др.), почти нѣтъ въ народѣ. „Соломоновская сага не проникала глубоко въ народный стихъ", говорилъ А. Веселовскій. „Пѣсни о Василіѣ Окульевичѣ, пѣсня-побывальщина о Соломонѣ и слѣпомъ становятся чѣмъ то среднимъ между былиною и собственно духовнымъ стихомъ и лишены его религіозной назидательности" [1]). Сказанія о Соломонѣ—сюжетъ очень неблагодарный для народнаго духовнаго стиха. Въ духовномъ стихѣ народъ привыкъ выражать большею частью серьезно-глубокомысленные сюжеты и вдохновенно-пророческія чувства (напр., въ стихахъ о страшномъ судѣ и раѣ). Внѣшняя форма выраженія народной фантазіи является не случайной оболочкой идеи, а ея органической существенной принадлежностью. Позволимъ себѣ остановиться на этой особенности народнаго поэтическаго творчества, чтобы выяснить, почему сказанія о Соломонѣ не вошли въ духовные стихи.

Насколько духовные стихи выражаютъ возвышенное понятіе, вполнѣ достойное предметовъ библейскихъ событій, послужившихъ сюжетомъ стиховъ, настолько сказанія прозаическія отступаютъ отъ высокаго стиля и впадаютъ часто въ легкій, обыденный, иногда даже шутливый тонъ. Случаи обратнаго употребленія прозы и духовнаго стиха встрѣчаются какъ исключеніе. Стоитъ только сравнить наши малорусскіе духовные вирши, ко-

[1]) Веселовскій: „Разысканія въ области русскаго духовн. стиха" т. V стр. 73.

лядки, пѣсни, имѣющія своимъ сюжетомъ то или другое библейское событіе,—съ прозаическими разсказами одного содержанія, чтобы убѣдиться въ справедливости сказаннаго. Какою, напримѣръ, величавостью дышутъ эти слова общеизвѣстной народной коляды, слышанной нами въ волынской губерніи въ такой формѣ:

Бачить Богъ, бачить Вседержитель,
Що весь міръ погибае,
Архангела Гавріила
Въ Назаретъ посылае.
Благовистныкъ въ Назарети,
Стала слава у вертепи...
О пресладкій Виѳлееме
Отверзи врата едема... и т. д. [1]).

Совершенно противоположнымъ характеромъ отличаются народныя легендарныя сказанія о рожденіи Спасителя, выраженныя въ прозаической формѣ [2]).

Или сравнимъ разсказы о сотвореніи міра въ прозѣ и стихахъ. Разсказы прозою отличаются большей или меньшей степенью игривости, пикантности и мѣстами юморомъ. Тутъ больше простора для вставокъ, случайныхъ уклоненій въ сторону отъ главной темы разсказа, больше соблазна для разсказчика разойтись по своему [3]). Иной характеръ имѣютъ духовные стихи о сотвореніи міра. Здѣсь опредѣленная мысль слагается въ опредѣленную форму, не допускающую грубыхъ уклоненій. Напримѣръ:

Якъ то було спрежде вика
Зачатіе свита;
Выгравало синее море и т. д [4]).

Даже въ томъ случаѣ, когда духовный стихъ по своему содержанію очень близко подходитъ къ прозаической по-

[1]) Сравнить у Безсонова; т. IV стр. 108.

[2]) Наприм. у Драгоманова: стр. 109 („Іисусъ Христосъ въ яслях“).

[3]) Наприм., Сказанія о происхожденіи міра у Драгоманова, стр. 89; „Кіевск. Стар.“ 1887 г. май. (Сообщеніе Ю. Олтаржевскаго—„Изъ народныхъ повѣрій“); у Чубинскаго I стр. 142 и др.

[4]) „Кіевск. Стар.“ 1887 г. іюнь—іюль стр. 242.

вѣсти—до тожества фабулы, вышеозначенная разница между стихомъ и повѣстью значительна. Напримѣръ:

Рече Господь до св. Петра:
— „Пурни, Петре, на дно въ море;
Достань, Петре, жовтого писку,
Та посій по всему свиту,
Сотвори, Петре, небо и землю,
Небо зъ звиздами,
Землю зъ квитами".
Петро пурнувъ и дна не доставъ,
И писку не взявъ,
И свита не сіявъ [1]).

Сравнить съ галицкой колядкой, записанной Головацкимъ:

„Колысь то було зъ початку свѣта
Подуй же, подуй, Господи, зъ духомъ святымъ по землѣ
Втоды не було неба ни земли
Неба ни земли нимъ сине море...
А середь моря та два дубойки
Сѣли упали два глубойци,
Почали собѣ раду радити
Раду радити и гуркотати;
Якъ бы маемо свѣтъ основати?
Спустиме мы ся на дно до моря:
Вынеме си дрибного писку [2]).

Тѣ же мотивы составляютъ содержаніе и соотвѣтствующихъ прозаическихъ разсказовъ у Чубинскаго, Драгоманова. Но эти послѣдніе разсказы значительно отступаютъ отъ тона рѣчи духовныхъ стиховъ и часто сбиваются въ анекдотическую форму легкаго разсказа.

Также—о первыхъ людяхъ у Чубинскаго: „Письня объ Адами и Еви" [3]), двѣ пѣсни въ „Каликахъ перехожихъ" [4])... сравнить съ соотвѣтствующими прозаическими сказаніями.

Или сравнить, наприм., „Пѣсню о страшномъ судѣ" (записанную Стецкимъ на Волыни) съ разсказомъ о томъ же предметѣ у Чубинскаго [5]).

[1]) „Кіевск. Стар." 1887 г. іюнь—іюль 242 стр.

[2]) Варенцовъ: „Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ" Спб. 1860 г., стр. 240—241; у Буслаева „Историч. Очерки" I, Спб. 1861 г. стр. 148 и 149.

[3]) Т. I, стр. 147 и 148.

[4]) Т. VI, стр. 261.

[5]) Т. I, стр. 220—221.

Или—поэтическія лучшія малорусскія пѣсни о страшномъ судѣ, записанныя въ Галиціи [1]), съ очень сходными прозаическими разсказами въ „Запискахъ о южной Руси“ Кулиша [2]).

Понятно послѣ этого, почему Соломонъ съ своими калейдоскопически пестрыми, забавными похожденіями не могъ занять мѣста въ духовномъ стихѣ.

Ѳ. Кудринскій.

[1]) Головац. II, стр. 158, 235, 236.

[2]) Т. I, стр. 307—308 и въ „Филологич. Запис.“ 1878 г. т. IV, стр. 101; „Кіевск. Стар.“ 87 г. ноябрь 427 стр.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ П. А. КУЛИША.

Въ одной изъ послѣднихъ книжекъ журнала „Русское Обозрѣніе“ (мартъ, 1897 г.) помѣщена княземъ Н. Шаховскимъ интересная статья, озаглавленная „Памяти П. А. Кулиша“. По сознанію самого автора, онъ лично не зналъ и никогда не видалъ почтеннаго старца, но состоялъ съ нимъ въ перепискѣ въ теченіе слишкомъ трехъ лѣтъ, начиная съ іюня мѣсяца 1893 года, когда труды по собиранію матеріаловъ для жизнеописанія Н. П. Гилярова-Платонова натолкнули его на необходимость обратиться съ нѣкоторыми вопросами къ П. А. Кулишу. „Отзывчивость (продолжаетъ авторъ), съ которою Пантелеймонъ Александровичъ отнесся къ занимавшимъ насъ вопросамъ, и особенный характеръ добродушія, мягкости и нѣкоторой торжественности, въ соединеніи съ душевнымъ жаромъ, коими проникнуты были его письма, возбудили въ насъ живой интересъ къ личности маститаго трудолюбца. Мы не удержались на почвѣ нашихъ разысканій о Гиляровѣ и коснулись въ перепискѣ съ Кулишемъ и другихъ предметовъ. Полученныя отъ него письма раскрыли передъ нами своеобразный міръ идей и чувствованій, въ которомъ жилъ покойный, и обнаружили неизвѣстныя намъ стороны его дѣятельности“. Отрывки и выдержки изъ этой переписки и составляютъ главное содержаніе статьи князя Шаховского. Приводимыя имъ письма П. А. Кулиша по большей части представляютъ настолько важный интересъ для біографіи недавно скончавшагося украинскаго историка и литератора, что мы не

считаемъ себя въ правѣ обойти ихъ молчаніемъ и не подѣлиться выдержками изъ нихъ съ читателями нашего журнала.

Наиболѣе раннія по времени автобіографическія воспоминанія Кулиша въ этой перепискѣ относятся къ 1845—47 годамъ, къ его пребыванію въ Петербургѣ и литературнымъ занятіямъ подъ дружественнымъ вліяніемъ и покровительствомъ тогдашняго ректора С.-Петербургскаго университета П. А. Плетнева. Недавно въ нашемъ журналѣ [1]) были помѣщены выдержки изъ переписки Я. К. Грота съ Плетневымъ, весьма характерно рисующія отношенія послѣдняго къ Кулишу. Любопытно дополнить ихъ отзывомъ самого П. А. Кулиша о тѣхъ же отношеніяхъ: „Я (пишетъ онъ кн. Шаховскому), будучи неопытнымъ и, можно сказать, порченнымъ юношей-провинціаломъ, попалъ въ руки несравненному П. А. Плетневу, и онъ пересоздалъ меня такъ, что, отправляя заграницу въ 1847 году, писалъ Жуковскому: „посылаю тебѣ другого себя“.—„Во время нашихъ ежедневныхъ прогулокъ, въ промежутокъ между сномъ и завтракомъ, незабвенный Петръ Александровичъ любилъ вдаваться въ свои воспоминанія о быломъ вообще, и многое, никому неизвѣстное, разсказывалъ мнѣ о живомъ еще тогда Гоголѣ. Когда Гоголь столь неожиданно и рано пересталъ дивить и смущать насъ разнообразными видѣніями своими, я не замедлилъ изложить на бумагѣ тѣ изъ воспоминаній о немъ Плетнева, какія считалъ своевременными среди свѣжихъ сожалѣній Гоголевыхъ почитателей.

„Сдержанность моя заслужила одобреніе Плетнева. Кой о чемъ распространился онъ тутъ же на словахъ и, когда я вводилъ въ рукопись недостающее въ ней, благодушный мой Менторъ, съ юношескою нетерпѣливостью, раза два посѣтилъ меня, выслушивалъ мои вставки и диктовалъ мнѣ новыя.

„Когда же, наконецъ, мои воспоминанія были напечатаны, передо мною растворились многія незнакомыя двери, согласно желанію Плетнева. Нерѣдко мои изысканія происходили въ его присутствіи, и такимъ образомъ исчерпали мы въ Петербургѣ

[1]) „Кіев. Стар.“ декабрь 1896 г.

разсказы и рукописи, относящіеся къ жизни почившаго среди насъ геніальнаго человѣка.

„Петербургскіе знакомые посодѣйствовали мнѣ въ эксплуатаціи и Москвы въ томъ же родѣ. Тамъ я былъ знакомъ еще съ 1848 г. съ Хомяковымъ, который, будучи знаменитъ, посѣтилъ меня, невѣдомаго почти никому изгнанника, въ Тулѣ и старался разсѣять мою тоску зимнею охотой у себя въ деревнѣ. Въ Москвѣ жилъ и мой другъ О. М. Бодянскій. Онъ познакомилъ меня со всесторонне чувствующимъ, истинно русскимъ и истинно *великорусскимъ* домомъ Аксаковыхъ. Въ С. Т. Аксаковѣ нашелъ я чудо изъ чудесъ—юношу въ сѣдинахъ, горячаго ко всякой полезной предпріимчивости. Для скопированія множества писемъ Гоголя, писанныхъ къ Аксаковымъ и добытыхъ при ихъ посредствѣ отъ другихъ лицъ,—гостилъ я у нихъ въ деревнѣ по нѣскольку недѣль, и здѣсь больше, чѣмъ гдѣ-либо, позналъ цѣну великорусскому народу, собирателю нашей расторгнутой Русской земли.

„Среди этой образцовой во многихъ отношеніяхъ семьи сподобился я познакомиться дружественно и съ великимъ по русскому духу и русскому уму человѣкомъ, Никитою Петровичемъ Гиляровымъ-Платоновымъ, замученнымъ въ самомъ цвѣту нравственныхъ силъ не понимавшими его властителями и судьями. Но объ этомъ Ильѣ-Муромцѣ духовной дѣятельности предоставимъ распространиться перу, передъ которымъ я сторонюсь почтительно.

„Записки о жизни Гоголя“ заслуживаютъ вашего чтенія, какъ рѣдкая книга, которую отъ начала до конца прочитывалъ я С. Т. и К. С. Аксаковымъ, которые не оставляли ничего, требующаго не только фактической, но и стилистической поправки. Иногда любезный богамъ и смертнымъ старецъ вскакивалъ съ плетенаго своего кресла и прикрикивалъ на меня, какъ на школьника: „И что это вы вдаетесь въ реторику! пишите такъ просто, какъ со мною говорите“. Я же, помня словеса великаго поэта-царя: „предъ мудрымъ склони голову—пускай онъ своимъ укоромъ обливаетъ ее, какъ олеомъ“ (не помню подлинника славянскаго)—помня сіи спасительныя для меня словеса, я вновь

писалъ отмѣченное мѣсто и вновь прочитывалъ краснорѣчивому въ простотѣ своей Нестору написанное, доколѣ не удостоивался одобренія".

„Въ то время племянникъ Гоголя, студентъ Московскаго университета, Трушковскій, предпринялъ было уже изданіе сочиненій своего дяди по матери, in octavo (которое вскорѣ вышло въ свѣтъ подъ моею редакціей), но заболѣлъ и долженъ былъ прекратить работу въ самомъ ея началѣ. Однако-жъ онъ успѣлъ собрать множество писемъ Гоголя и къ Гоголю. Весь Аксаковскій кружокъ заговорилъ, что и безъ болѣзни Трушковскій (давно уже покойный) *не обладаетъ энергіей труда, необходимой для такого предпріятія*,—тѣмъ болѣе, что, по смерти знаменитаго автора, спросъ на его сочиненія былъ очень великъ, а это составляло немаловажную заботу въ имущественномъ отношеніи для наслѣдниковъ Гоголя.

„Этимъ путемъ автографы поэта, находившіеся въ рукахъ у Трушковскаго, и всѣ относившіяся къ нему рукописи перешли въ мои руки, и я перенесъ изданіе въ Петербургъ, гдѣ заставилъ работать параллельно нѣсколько типографій.

„Правительство, изображаемое цензурой, ни въ чемъ не препятствовало мнѣ. А что въ письмахъ Гоголя сдѣлано множество пропусковъ, то на этомъ настаивалъ П. А. Плетневъ, какъ человѣкъ съ общественнымъ и литературнымъ тактомъ, дабы не тронуть щекотливой струны въ чьемъ-либо умѣ и сердцѣ. Всѣ эти пропуски были у меня помѣчены систематически французскими буквами, и этотъ ключъ для будущаго открывателя посмертныхъ сенсацій присоединенъ мною къ автографамъ и копіямъ писемъ, вмѣстѣ съ которыми и сданъ по принадлежности наслѣдникамъ Гоголя.

„Но, къ общему нашему сожалѣнію, провинціалы—наслѣдники великаго человѣка не умѣли хранить національнаго сокровища и довели его до исчезновенія въ нѣмой вѣчности. Мой систематически составленный ключъ канулъ также въ вѣчность,—и самыя благородныя усилія моего московскаго друга Вл. Ив. Шенрока возсоздать его въ цѣлости остались безуспѣшными.

„Наслѣдники Гоголя до такой степени не понимали своей хранительной функціи, что когда всѣ рукописи и бумаги ихъ благодѣтеля исчезли съ его походнымъ чемоданомъ изъ-подъ кровати его матери (что произошло спустя много лѣтъ послѣ передачи безцѣннаго скарба наслѣдникамъ поэта) [1]), одна изъ сестеръ его, Ольга Васильевна, спрашивала у меня письменно: не у меня ли остался этотъ скарбъ?! [2]).

„Вотъ все, что въ состояніи отвѣчать страдающій инфлуэнціей человѣкъ здоровому, которому желаетъ выполнить предпринятое, широко задуманное, благородное дѣло во славу своего собственнаго и нашего русскаго имени.

„Благодарю Бартенева за его память обо мнѣ и почетное для меня приношеніе [3]). Да не можетъ ли онъ снабдить меня тѣмъ ливрезономъ *Русскаго Архива*, въ которомъ напечатана процедура допроса и суда надъ нами? Вообще я желалъ бы собрать все, что мнѣ самому напоминало-бы о забытыхъ обстоятельствахъ, именахъ, датахъ моего существованія, которое дало бы мнѣ возможность уразумѣть яснѣе внѣшній міръ".

Просимый „ливрезонъ „*Русскаго Архива*" былъ посланъ Кулишу, и въ отвѣтъ послѣдовало слѣдующее письмо его:

„Благодарю, благодарю за присылку статьи обо мнѣ, напечатанной въ *Русскомъ Архивѣ*! Меня интересуетъ, что и въ молодости я уже принадлежалъ не къ худшимъ людямъ. Все это мною позабыто въ толкотнѣ житейскихъ интересовъ.

„Послѣдній (VII) томъ біографіи Погодина я получилъ и читалъ о себѣ какъ о какомъ-то неизвѣстномъ. Но память моя, роняя по дорогѣ жизни многое, хранитъ характеристическія черты такихъ, напримѣръ, заслуженныхъ людей, какъ почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ. Когда скончалась его жена, онъ тотчасъ написалъ къ Максимовичу письмо, достойное человѣка съ душой и сердцемъ. Но тотъ же Максимовичъ разсказывалъ мнѣ о немъ

---

[1]) Храню документальное извѣстіе объ этомъ въ собственноручномъ письмѣ ко мнѣ Анны Васильевны Гоголь.

[2]) Храню и этотъ документъ.

[3]) П. И. Бартеневъ послалъ А. П. Кулишу книжку *Русскаго Архива*.

ужасы чужеядной жизни, представителемъ которой былъ онъ по наслѣдству отъ отца—крѣпостнаго прикащика, проглотившаго цѣликомъ своего неопытнаго барина съ его имѣніемъ и тѣмъ домомъ на Дѣвичьемъ полѣ, который добрые люди сдѣлали извѣстнымъ всей Россіи. Это повѣствованіе не мѣшало Максимовичу отвѣчать на сердечное письмо сердечно и эксплуатировать „любезнаго академика“ въ пользу своего кармана и своей *„суетной славицы“* [1]).

Къ отношеніямъ своимъ къ Плетневу Кулишъ не разъ возвращается въ письмахъ своихъ къ намъ.

„Во время оно бесѣдовали мы—писалъ онъ—о томъ-о семъ въ маленькомъ кружкѣ Плетнева, котораго я восхищалъ, бывало, знаніемъ не только Пушкина и Жуковскаго наизустъ, но и такихъ поэтовъ, о которыхъ никто изъ его кружка не слыхалъ. Онъ меня очень любилъ и не разъ восхищалъ, обращаясь къ представителямъ тогдашняго молодого поколѣнія: „вотъ какъ надобно изучать русскую словесность!“.

„Въ оный памятный мнѣ вечеръ, когда я разсмѣшилъ Плетневскій кружокъ стихотвореніемъ, какого никто и вообразить не могъ, напечатаннымъ да еще въ гимназической хрестоматіи, („Опытный способъ Россійской Словесности“), именно вотъ какимъ:

Пень ко небу гласъ возноситъ
И еще Перуна проситъ:
Сжалься, боже, надо мной!
Въ грустяхъ провождая вѣки,
Наслаждаяся, стеня,
Всѣхъ несчастнѣй человѣки
Злополучнѣе меня...
и т. д.

„Когда (продолжаю) мы, люди, по собственному мнѣнію, умные, были въ самомъ веселомъ расположеніи духа по милости литературнаго глупца, входитъ графъ Толстой (Левъ), въ сопрожденіи Панаева, который и возвѣстилъ намъ имя, сдѣлавшееся наконецъ столь знаменитымъ. Я и Плетневъ одинаково прези-

[1]) Эти строки очень характерны, но не по отношенію къ Максимовичу, въ бѣдности прожившему чуть не всю вторую половину своей жизни, а по отношенію къ лицу, дававшему такую характеристику.—*Ред.*

рали Панаева,—и было за что (читайте мой рукописный „Омутъ“ въ редакціи *Русскаго Обозрѣнія*) [1]). Я и Плетневъ почувствовали отвращеніе къ пятну, которымъ его развязно-дружеская манера быть съ графомъ Толстымъ помрачила чистоту неизвѣстной еще намъ личности. Но тѣмъ не менѣе мой Менторъ спѣшилъ познакомить меня съ новымъ дѣятелемъ слова, мысли и чувства. Манера графа Толстаго обращаться съ юношей, о которомъ въ нѣсколькихъ словахъ сказано было много, и сказано человѣкомъ высшаго свѣта, не того, о которомъ его ближайшій другъ написалъ:

И даже глупости смѣшной
Въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой!

эта манера никогда не изгладилась изъ памяти моего ума и сердца. Я былъ и есмь—критикомъ, безпощаднымъ къ произведеніямъ Толстаго, и безпощадность моя, соединявшая воедино *поэта, умствователя и человѣка*, сдѣлала изъ меня чудо,—чудо незнанія и нежеланія знать множайшія изъ его произведеній.

„Еслибъ я прочелъ послѣднія произведенія Толстаго, я бы на нѣсколько часовъ лишилъ себя способности сосредоточиться всецѣло на томъ предметѣ (переводъ книгъ Св. Писанія), который обширностью и глубиной своего значенія требуетъ отъ меня такого тихаго дружескаго обмѣна сочувствій, какимъ я наслаждался ежедневно по утрамъ, гуляя регулярно по граниту, освященному для насъ обоихъ прикосновеніемъ ногъ великаго поэта и великаго человѣколюбца“.

Изъ VII книги „Жизни и трудовъ Погодина“, соч. Н. Барсукова, изданной въ 1893 г., князь Шаховской почерпнулъ извѣстіе, что за полвѣка предъ тѣмъ, въ 1843 году, Кулишъ выступилъ на литературное поприще повѣстью изъ малороссійскаго быта, подъ заглавіемъ: *Михаилъ Чернышенко или Малороссія 80 лѣтъ назадъ*“. Съ этою литературною золотою свадьбою онъ поздравилъ юбиляра и вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ желаніе познакомиться съ самой повѣстью. Отвѣчая на это привѣтствіе, Кулишъ писалъ:

[1]) Повѣсть эта начата печатаніемъ въ той же книгѣ „Русскаго Обозрѣнія“.— *Ред.*

„Я получаю *Историческій Вѣстникъ* и *Русское Обозрѣніе*, но узнаю только изъ вашего почтеннѣйшаго письма, что въ VII томѣ прекрасной книги Барсукова идетъ рѣчь о моемъ вступленіи на литературное поприще въ 1843 году. Отъ всей души благодарю за привѣтствіе съ литературною моею свадьбой. Оно тѣмъ дороже для меня, что пришло изъ враждебнаго лагеря... Какъ это грустно, что лагерь, къ которому я дружелюбно примкнулъ опытомъ „Исторія Возсоединенія Руси", называю—и какъ политикъ, и какъ историкъ—враждебнымъ! Въ 1860-хъ годахъ я поработалъ съ княземъ Черкасскимъ и Милютинымъ надъ уравновѣшеньемъ русскаго элемента съ польскимъ ревностно; но ихъ преемники сдѣлали едва не австрійскимъ подданнымъ человѣка, одушевленнаго непостижимымъ для нихъ русскимъ патріотизмомъ. *Задача международнаго равновѣсія* до сихъ поръ сіяетъ передо мною путеводною звѣздой. Насколько позволяли мои обстоятельства, я, въ хуторскомъ одиночествѣ, подготовилъ къ обработкѣ въ большихъ библіотекахъ девять томовъ, такъ называемаго, исправленнаго и дополненнаго изданія Исторіи русскаго возсоединенія, но увы! существую въ вѣкъ, который продолжаетъ смотрѣть на меня какъ на человѣка вреднаго,—продолжаетъ смотрѣть даже глазами русской прессы.

„Вы отзываетесь о моей первой повѣсти съ трогательнымъ для столѣтняго (почти столѣтняго) человѣка вниманіемъ. Она была напечатана въ Кіевѣ въ 1843 году отдѣльною книгой. Черезъ 40 лѣтъ по ея написаніи извѣстный книгопродавецъ О. М. Вольфъ обратился ко мнѣ съ предложеніемъ издать собраніе моихъ сочиненій, написанныхъ не помалорусски. Я жилъ тогда обонполъ политической пропасти, и, такъ какъ, по его же плану, за моими великорусскими сочиненіями должны были послѣдовать изданія малорусскія, въ томъ числѣ и иллюстрированныя (у меня сохранилась блестящая надеждами программа покойнаго Вольфа), то мнѣ представлялась возможность устроить нѣчто полное *для уравновѣшенія русскаго элемента съ польскимъ въ Малороссіи австрійской*, т. е. продолжать начатое во время моей варшавской службы дѣло русскаго возсоединенія, прерванное внезапн. смертью Милютина. Мой черновой набросокъ проекта этого возсоедине-

нія сдѣлался въ рукахъ чиновниковъ-рабовъ орудіемъ сатрапскаго увольненія меня отъ службы, а внезапная смерть Вольфа (pecuniarum causa) не дала мнѣ возможности проводить мою идею въ жизнь среди австрійской Руси. Къ этому присоединилась и энциклика римскаго папы, о которой, по случаю напечатанія моей переписки съ Крашевскимъ, я помѣстилъ мое заявленіе въ галицко-русской газетѣ *Народъ* 1892 года. Противъ зловредной папской энциклики протестовалъ я въ 1882 году нѣмецкою брошюрой: Auferstehung des Rutzki und Kuncewitsch in Galizien. Одновременно съ этою брошюрой долженствовалъ появиться въ Лейпцигѣ малорусскій текстъ моей брошюры. Но лейпцигскій книгопродавецъ Герардъ возвратилъ мнѣ мою рукопись, отказавшись печатать ее на мой счетъ, „потому-что она была конфискована въ Вѣнѣ". Этотъ курьезъ хваленаго свободомыслія нѣмецкаго посылаю вамъ на нѣкоторое время. Желалъ бы я, чтобы его прочелъ кто-нибудь изъ моихъ земляковъ, способный судить, до какой степени малорусскій языкъ, испробованный мною на Библіи, Шекспирѣ, Байронѣ, Гёте, Шиллерѣ, Гейне, способенъ вести прю съ римскими клерикалами.

„Библія была переведена мною на нашъ старорусскій языкъ вся, *но книги Ветхаго Завѣта у меня сгорѣли.* Новый Завѣтъ пріобрѣтенъ британскимъ библейскимъ обществомъ и *поддерживаетъ русскій элементъ въ австрійской Малороссіи, на зло польско-іезуитскимъ политикамъ.* Я впрочемъ не сожалѣю объ утратѣ моего перевода ветхозавѣтной Библіи, благодаря великодушному труду оксфордскихъ оріенталистовъ, изъ которыхъ многіе отъ преутомленія пожертвовали жизнію. Если бы кто-нибудь изъ русскихъ обоюдонаціональныхъ патріотовъ (отъ нихъ же первый есмь азъ) sine ira et studio, устроилъ компромиссъ между мною и британскимъ библейскимъ обществомъ,—я бы отложилъ въ сторону мое хуторское изученіе Ренановъ да Тэновъ для того, чтобы давать ежедневно по нѣскольку листковъ душеспасительнаго и языковоспитательнаго чтенія моимъ землякамъ, которые, въ лицѣ своихъ книжниковъ, фарисеевъ и саддукеевъ, фабрикуютъ козако-гайдамацкую литературу, подъ деви-

зомъ „Недоросля“: *мнѣ, батюшка, повѣрь, все то вздоръ, чего не знаетъ Митрофанушка.*

„По пріобрѣтеніи библейскимъ обществомъ Новаго Завѣта, велъ я переговоры съ резидирующимъ въ Вѣнѣ министромъ Миллярдомъ, но этотъ господинъ, по моему мнѣнію, не вполнѣ соотвѣтствуетъ своей профессіи. Если бы глубокоуважаемое мною общество благоволило адресоваться ко мнѣ изъ Лондона,—я настолько знаю англійскій языкъ, чтобы вести съ нимъ переписку непосредственно.

„Вотъ въ какой дикій лѣсъ завелъ я васъ! Изображеніемъ такой дичи въ Англіи среднихъ вѣковъ очаровалъ и ободрилъ меня Тэнъ, въ своей Histoire de la Litterature Anglaise.

„Изъ учтивости къ вашему любезному освѣдомленію о моей повѣсти, посылаю вамъ „Михайла Чарнышенка“. Я сократилъ его по желанію харьковскаго переводчика на малороссійскій языкъ. Этому переводчику обязанъ онъ и своимъ неуклюжимъ переплетомъ. Пускай не брезгаютъ книгой-провинціалкой столичные жильцы вашихъ книжныхъ шкаповъ, и сохранятъ ее въ своей изящной средѣ до чаемаго нами малороссами воскресенія мертвыхъ и несомнѣнной жизни будущаго вѣка. Аминь!“.

Какъ извѣстно, повѣсть „*Михайло Чарнышенко*“ начинается восторженнымъ описаніемъ стариннаго быта Малороссіи, полнымъ горячаго сочувствія къ славнымъ витязямъ Украины, къ ея „поэмѣ-исторіи“ и ко всѣмъ особенностямъ ея своеобразной минувшей жизни. Теперь, въ зависимости отъ рѣзко измѣнившихся историческихъ воззрѣній автора, этотъ хвалебный гимнъ Малороссіи въ ея прошломъ не долженъ былъ уже появляться въ новыхъ изданіяхъ повѣсти—ни въ предполагавшемся Вольфовскомъ, ни въ харьковскомъ переводѣ. Зачеркнувъ въ посланномъ князю Шаховскому экземплярѣ „*Мих. Чарнышенка*“ начальныя страницы повѣсти, П. А. Кулишъ написалъ на ихъ поляхъ слѣдующія слова:

„При свѣтѣ объективнаго изученія родной старины параллельно съ чужою стариною все это сдѣлалось *миражемъ*,—хотя въ малорусской читающей публикѣ большинство предпочитаетъ „прежняго“ Кулиша нынѣшнему. Но премудрость оправдается

отъ чадъ своихъ". А въ письмѣ онъ прибавилъ къ этому: „Дорожу всего больше словомъ правды о нашей польско-русской старинѣ, передѣланной шиворотъ на выворотъ съ легкой руки геніальныхъ неучей Гоголя и Шевченка".

На просьбу кн. Шаховского разъяснить, что разумѣлъ Кулишъ подъ словами въ предыдущемъ письмѣ: „задача международнаго равновѣсія", онъ отвѣтилъ письмомъ отъ 21 августа 1893 года:

„Задача международнаго равновѣсія, писалъ онъ—у меня значитъ возвращеніе къ праву жизненнаго равенства, нарушенному между старою и новою Русью, то-есть между Малою и Великою Россіей, вслѣдствіе татарскаго погрома и возвышенія Литвы да Польши на степень культурныхъ народовъ, по милости нашихъ старорусскихъ предковъ, именно тѣхъ изъ нихъ, которыхъ обѣ сосѣднія національности ассимилировали съ собою. Литва, собственно говоря, была та же Рус., въ минимальной численности, родная той Руси, которую монголы частью прогнали на Клязьму, частью прижали къ Угорскимъ горамъ. Что касается Польши, искусно, по-римски присоединившейся къ литвороссамъ, то она втянула въ свою народность все талантливое, знатное и богатое въ нашей старорусской предковщинѣ. Когда бъ послѣ ея захвата просѣять неравныя по крупности и достоинству зерна польской пшеницы сквозь политическое рѣшето, то въ немъ осталась бы только русская часть представителей польскаго ума, польской знатности, польскаго богатства. Но политическое рѣшето, равнозначащее съ международною динамикой, изобрѣтено такъ поздно, что остающіяся въ немъ крупныя, благородныя и дорогія зерна, будучи разсѣяны самою доброжелательною рукой по варягорусскимъ займищамъ, производили бы уже не русское, а польское племя. Такъ оно было и было такъ въ самый разгаръ борьбы съ латино-польскимъ элементомъ за „древне-русское благочестіе", когда князь Константинъ-Василій Острожскій, отправляя своего первенца въ чужіе края, напутствовалъ его словами: „помни, мой сынъ, что ты полякъ".

„Нося въ умѣ подобныя воспоминанія, заговорщикъ и *гетманъ* 1847 года очутился у кормила верховной власти въ Варшавѣ, вмѣстѣ съ потомкомъ знаменитыхъ князей Черкасскихъ, и служба была для него дѣломъ второстепеннымъ, хотя, по множеству его работъ (между прочимъ болѣе 70 томовъ редактированнаго имъ русскаго перевода „Административныхъ Постановленій Царства Польскаго") князю Черкасскому и казалось, что онъ „абсорбированъ" (всеподданнѣйшій докладъ о назначеніи *ex-гетману* жалованья ad personam). Свидѣтельствомъ идеи, дѣйствительно абсорбировавшей его, была (и безъ сомнѣнія сохранилась въ государственномъ архивѣ) рукопись его подъ заглавіемъ „Русь и Польша", которую докладывалъ Милютинъ Императору Александру II [1]) и сообщилъ оффиціально въ Варшаву о благосклонномъ отзывѣ Его Величества, и импровизированный имъ потомъ „*Холмскій календарь*", съ его статьей *о Польшѣ и Россіи* [2]), и наконецъ „Исторія Возсоединенія Руси", которой начало подъ заглавіемъ „Колонизація Русскихъ пустынь", напечатана въ *Вѣстникѣ Европы*. Зловреднаго заговорщика 1847 года абсорбировала исторія, какъ основаніе русской политики относительно Польши и той Россіи, которая по своему разрушительному вліянію на судьбы Польши и созидательному на судьбы великаго Русскаго міра, не совсѣмъ вѣрно называется Малою.

„Старанія наши объ уравновѣшеніи польскаго элемента съ русскимъ (согласно динамикѣ народностей) на древне-русской этнографической почвѣ, которая въ до-владимірскую старину простиралась за Краковъ, были остановлены внезапною смертью Милютина и торжествомъ сторонниковъ графа Берга надъ сторонниками князя Черкасскаго.

„Теперь, кажется, я облегчилъ вамъ то, что вы столь для меня лестно называете изученіемъ меня, чтобъ вполнѣ освоиться

---

[1]) Это было сдѣлано безъ всякаго намека со стороны автора. (Прим. Кулиша).

[2]) Я не былъ еще тогда директоромъ духовныхъ дѣлъ, и князь Черкасскій былъ пораженъ этой книгой, а о моей статьѣ думалъ, что ее написалъ Костомаровъ (печальное доказательство того, какъ иногда популярность, отравляя умъ писателя, дѣйствуетъ и на умы неотравленные). (Его же примѣч.).

съ моими взглядами. Но прежде чѣмъ приняться за чтеніе моей напечатанной въ 1874 и 1877 годахъ книги („Исторія Возсоединенія Руси"), благоволите прочитать прилагаемое при семъ предисловіе [1]), чтобы не читать, а развѣ перелистывать „Исторію Возсоединенія Руси", такъ какъ въ ней, рядомъ съ мыслями вѣрными, печаталось и такое, чего теперь я уже не напечаталъ бы. По пословицѣ est modus in rebus, которою незабвенный князь Черкасскій ободрялъ меня въ служебныхъ бременахъ, не всегда удобоносимыхъ (онъ прочилъ меня на свое мѣсто,—heu! nos homunculi...), я сдѣлалъ значительные успѣхи не только въ его служебномъ дѣлѣ, но и въ моемъ собственномъ. Такъ по крайней мѣрѣ хочется думать во исполненіе заповѣди апостольской: „духа не угашайте, Богу (исторической правды) служите прилежно".

„Что касается вашего благосклоннаго мнѣнія о моей первой повѣсти, то оно даетъ мнѣ смѣлость обнаруживать передъ вами родительскую слабость къ одному изъ моихъ дѣтищъ. Въ собраніи позднѣйшихъ моихъ повѣстей (четыре томика) прочитайте когда нибудь „Ѳеклушу". Я потому глажу ее въ настоящемъ случаѣ по головкѣ, что она обратила на себя вниманіе двухъ почтенныхъ представителей соперничающихъ народностей,—любез-

---

[1]) Предисловіе къ такъ называемому „второму исправленному и дополненному изданію Исторіи Возсоединенія Руси":

Три тома „Исторіи Возсоединенія Руси", вышедшіе до сихъ поръ въ свѣтъ, были написаны при самыхъ неблагопріятныхъ для автора обстоятельствахъ. Видоизмѣнившись вмѣстѣ съ теченіемъ жизни, эти обстоятельства не позволяли, однакожъ, ему продолжать его работу даже и въ видѣ такого „наброска", какимъ назвалъ онъ ее въ „Предупрежденіи" къ 1-му тому. Но, не желая разстаться съ дорогою для него идеей русскаго возсоединенія, онъ, вдали отъ библіотекъ и людей ученыхъ развилъ ее, насколько могъ, въ книгѣ, на которую смотрѣлъ, какъ на программу будущей своей работы и которая напечатана въ „Чтеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ", подъ заглавіемъ „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши" (три тома). Получивъ наконецъ возможность пользоваться историческимъ источниками, ученими пособіями и бесѣдой съ компетентными людьми, авторъ принялся за свою прерванную работу съизнова и продолжаетъ ее, подъ названіемъ второго исправленнаго и дополненнаго изданія такъ, какъ будто всѣ семь томовъ (въ числѣ ихъ и 1-й томъ „Матеріаловъ для Исторіи Возсоединенія Руси") не бывали еще въ типографіи.

наго моему сердцу цензора моего,—Лажечникова, и лучшаго изъ друзей козацкаго потомка, Грабовскаго, польскаго критика и беллетриста.

„При мысли, что вы будете читать „Записки о Южной Руси", а въ нихъ и мою дружелюбную прю съ Грабовскимъ, прю козака съ паномъ и русича съ ляхомъ, я обращаю къ вамъ слова царя и пророка: „Грѣхъ юности моея и невѣдѣнія моего не помяни, по милости твоей помяни мя". Мы ошибались оба; но таковъ былъ тогда періодъ польской и польско-русской археографіи. Мы спорили о документѣ, поддѣланномъ во времена Мазепы, будучи не въ состояніи видѣть поддѣлку. А впрочемъ я доволенъ „Записками о Южной Руси", которыя оцѣнилъ по достоинству и всячески содѣйствовалъ ихъ пропуску въ свѣтъ С. Т. Аксаковъ. Доволенъ и вмѣстѣ горюю невыразимо, что, когда были собраны мною матеріалы для I тома (предметъ восхищенія Грабовскаго, какъ потомъ и Аксакова), господа профессоры кіевскаго университета, Максимовичъ и Домбровскій, отнеслись къ нимъ крайне тупо, чѣмъ и затормозили *мой* способъ народоизученія. Это тѣмъ болѣе для меня горестно, что *моихъ* пріемовъ не унаслѣдовалъ никто, а самъ я, даже и при умственномъ свѣтѣ Грабовскаго, не въ такой степени цѣнилъ сокровища моихъ бесѣдъ съ простолюдинами, чтобы, ради новыхъ поисковъ, жертвовать всѣми прочими интересами жизни, подобно евангельскому покупщику поля съ безцѣннымъ кладомъ. Но исторія нашихъ словесныхъ кладовъ—длинная исторія...

„Въ то время я познакомился съ Грабовскимъ и долго гостилъ въ его прекрасномъ сельскомъ домѣ; мы сразу сдѣлались друзьями до конца жизни. Для васъ не безъинтересно будетъ знать, что Грабовскій за нѣсколько лѣтъ до моей службы подъ начальствомъ князя Черкасскаго, будучи правою рукой маркиза Вьелепольскаго, звалъ меня въ Варшаву и предлагалъ мнѣ поселиться у него во дворцѣ, какъ прежде я живалъ у него въ Чигиринѣ по нѣскольку мѣсяцевъ,—съ тѣмъ, что мнѣ будетъ предоставлено такое мѣсто по службѣ, какого я самъ пожелаю. Внезапная смерть Грабовскаго, какъ и Милютина, остановила меня. Но и Милютинъ съ своей стороны убѣждалъ меня ѣхать

въ Варшаву словами: „вамъ надобно только поставить ногу въ стремя etc“... Ни тотъ ни другой не знали, что въ варшавскихъ рукописяхъ я вычитаю исторію русскаго возсоединенія, о которой, я увѣренъ, оба вели бъ со мною дружескую прю; но меня въ Варшаву влекла всего больше извѣстная мнѣ еще въ Кіевщинѣ библіотека, завѣщанная графамъ Красинскимъ псевдографомъ Свидзлискимъ, съ которымъ я былъ близко знакомъ при посредствѣ Михаила Грабовскаго. Кстати характеризовать вамъ этого поляка и католика. Онъ былъ графъ по наслѣдству, а не потому, чтобы его титуловали въ разговорѣ, но отказался отъ своего титула, предоставивъ пользоваться имъ другой линіи Грабовскихъ.

„Я злоупотребляю вашимъ вниманіемъ въ моихъ припискахъ. Но онѣ проясняютъ въ моемъ умѣ драгоцѣнную память объ одномъ глубоко начитанномъ въ богословіи старикѣ, который любилъ меня за любопытство, съ которымъ я слушалъ его широковѣщанія, и прозвалъ меня „юноша съ сѣдиной“. Этотъ почтенный человѣкъ бывало извиняется, что, дряхлѣя, не можетъ уже писать ко мнѣ длинныхъ писемъ, и тутъ же наполняетъ свои листки столькими приписками, что по малорусской пословицѣ „курицѣ негдѣ клюнуть“.

Послѣдніе годы жизни Кулиша, какъ извѣстно, были посвящены переводу на малорусскій языкъ книгъ Ветхаго Завѣта. Этотъ трудъ, среди деревенскаго одиночества, наполнялъ душу старца покоемъ и тишиной.

„Моя и моей Сестры Милосердія (такъ наз. онъ жену свою) жизнь—писалъ онъ намъ,—представляетъ реакцію дисгармоническому обществу и дисгармонической массѣ. Живопись, музыка, наука, поэзія и религія—вотъ органы примиренія нашего съ общественною и антиобщественною жизнью. Въ настоящее время въ нашей душѣ водворяетъ гармонію Библія, которую перевожу на оригинальнѣйшій изъ всѣхъ славянскихъ языковъ. Пять книгъ Моисеевыхъ и Іисуса Навина книгу прикрѣпилъ уже я къ бумагѣ самымъ пріятнымъ для меня способомъ. Такіе французы, какъ

Верне и такіе нѣмцы, какъ Рейсъ и Каутчъ, услаждали мой отдыхъ своими комментаріями, а работа надъ словомъ доставляетъ мнѣ столько гармоническаго удовольствія, что ни задушевная мысль о возрожденіи Руси, ни переписка съ друзьями (ихъ у меня всего два—три человѣка), ничто не превышаетъ этого самоудовлетворенія. Пока не кончу предпринятый переводъ, чувствую себя неспособнымъ къ другимъ занятіямъ и удовольствіямъ".

„Передъ мною—пишетъ Кулишъ въ другомъ письмѣ,—знаменитые библисты Каутчъ, Рейсъ, Верне, а передъ глазами души моей такой переводъ Библіи, какого не удостоена ни одна гонимая народность... Развѣ это недостаточно извиняетъ меня за то, что наши вредные въ прошломъ пріятели и безвредные въ настоящемъ враги поляки называютъ ruhaszność? Можетъ быть, и слѣдовало насъ притѣснить за Шевченка, Костомарова и такихъ байструковъ ихъ, какъ Мордовцевъ, но преслѣдовать меня за мою любовь (NB и знаніе) малорусскаго элемента было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно. Но эта грусть положила сегодня перо уже на 15 стихъ (главы Ш-й) четвертой книги Моисея. Съ точностью машины, сработанной въ Лондонѣ, она, эта горькая, но почему то и сладостная, грусть отчеканиваетъ ежедневно minimum по шести столбцовъ достопочтеннаго Оксфордскаго изданія Библіи, и переводъ мой, съ помощью Божіей, появится заграницею ливрезонами въ 500 экземпляровъ, имѣющими цѣлью вызвать замѣчаніе земляковъ, а пожалуй и филологовъ".

„Можетъ быть, вы получили мой стихотворный переводъ „Книги Товитовыхъ словесъ". Книги Іова и „Псалтырь" давно уже мною переведены въ стихахъ и, будучи отвергаемы нашими книжниками и фарисеями, поучаютъ самарянъ".

Желая дать русскому обществу вѣрное понятіе о положеніи русиновъ въ Галичинѣ и полагая, что литературная форма повѣсти представитъ наилучшій путь къ тому, чтобы заинтересовать русскихъ читателей и привлечь ихъ вниманіе къ зарубежной Украинѣ, П. А. Кулишъ задумалъ написать повѣсть, пра-

вильнѣе—переработать прежде написанный имъ очеркъ, называвшійся въ первой редакціи „Искра любви", въ большую повѣсть, главное дѣйствіе которой происходитъ въ Галиціи, почему и повѣсть названа имъ „*Владимірія*". Но съ этимъ трудомъ Кулиша приключился особый случай, о которомъ онъ подробно передаетъ въ письмѣ къ кн. Шаховскому слѣдующее:

„Присоединенная къ древнѣйшимъ русскимъ Займищамъ Червонная прикарпатская Русь, именуемая часто Подгорьемъ, и нѣкоторыми писателями называемая Владиміріею (Ладомирія), продолжаетъ представлять, въ своемъ двоякомъ славянскомъ населеніи печальное зрѣлище борьбы, которая завершилась у насъ возсоединеніемъ такъ называемой (не совсѣмъ конкретно) Малороссіи съ Великою Россіей. *Принимая въ этой исконной борьбѣ дѣятельное участіе по предмету освобожденія малорусскаго языка отъ польщизны, русскаго сознанія—отъ внушаемой русинамъ поляками отчужденности, а древняго русскаго „благочестія"—отъ римскаго „нечестія"* (какъ мы бывало называемъ латинство да уніатство), написалъ я нѣчто въ родѣ повѣсти подъ видомъ „посмертныхъ записокъ моего пріятеля", озаглавивъ ихъ „Владимірія", и послалъ мою рукопись (въ трехъ тетрадяхъ, заключающихъ въ себѣ болѣе 200 листковъ) бывшему издателю *Гражданина* въ полное распоряженіе. Но, какъ это съ русскими людьми бываетъ часто, своя своихъ не познаша. Въ теченіе цѣлаго года я не получилъ никакого отвѣта. Не отвѣтилъ князь Мещерскій и потомъ на два письма Вл. Ив. Шенрока. Когда, наконецъ, изданіе газеты перешло къ Филиппеусу, тотъ моему петербургскому уполномоченному говоритъ, что князь не передалъ ему рукописи „Владиміріи".

Оказалось по справкѣ, что кн. Мещерскій какъ-то затерялъ эту рукопись. Поскорбѣвъ объ утратѣ, Кулишъ предпринялъ въ 1894 году тяжелый для своего преклоннаго возраста трудъ возстановленія повѣсти по оставшимся черновымъ наброскамъ. Работѣ помогла инфлуэнца, уложившая старца въ постель и оторвавшая его на время отъ перевода Библіи. „1-е мая—писалъ онъ намъ—праздновалъ я въ одиночкѣ съ моимъ alter ego по

случаю совершеннаго окончанія и переписки на-бѣло 20 главъ „Владиміріи". „Се зачатъ и болѣ, и роди беззаконіе"... Симъ прекраснымъ стихомъ принужденъ я характеризовать мою беззаконную работу,—беззаконную въ томъ смыслѣ, что „праведнику законъ не лежитъ", а „дураку законъ не писанъ". У меня и праведникъ, и дуракъ сошлись лицомъ къ лицу, какъ это увидите окончательно изъ XX главы (содержащей въ себѣ 40 листковъ). И вотъ, совлекшись (буквально такъ) съ одра болѣзни, кой-какъ сидя и полулежа, принялся я возстановлять мою „Искру любви" по черновой рукописи, которая, кромѣ нѣсколькихъ листковъ, какъ-то сохранилась у меня. Что это была за работа, вы увидите по моему сувениру, по черновой рукописи, которую вамъ посылаю, какъ любителю напряженнаго труда.

„Мѣсяцы были зимніе, работалъ я и при дневномъ пасмурномъ свѣтѣ, и при свѣчахъ и лампѣ, зачеркивая то, что далось прочитать, дабы возможно было прочитать этимъ способомъ непрочитанное. Живу же я на свѣтѣ 75-й годъ, и потому страшно притупилъ остатокъ зрѣнія, которое одно только, яко близорукое, не дозволило мнѣ поступить въ Академію художествъ, рисовальщику съ дѣтства такому, что когда я поступилъ въ гимназію, гдѣ учителемъ рисованія былъ академистъ,—онъ не повѣрилъ первому представленному ему мною рисунку карандашемъ и заставилъ меня повторить рисунокъ въ своемъ присутствіи.

„Вчитываясь въ хаотически писанную рукопись, я мысленно твердилъ: „сохрани, яко зеницу ока" и продолжалъ однако мою работу до конца. Многое писанное при перепискѣ прямо набѣло я перезабылъ, и такъ мнѣ было трудно высказать забытое, что вмѣсто 240 листковъ я написалъ 278 и всетаки не могъ повторить утраченныхъ листковъ черной рукописи и того, что было въ ней писано неясно, часто карандашемъ полуистершимся, а часто такими намеками, по которымъ я могъ писать только на свѣжую память. Вы увидите, что нѣкоторые листки переписаны мною дважды, трижды и четырежды. Все это потому, что я въ потемкахъ памяти искалъ потерянпаго".

Независимо отъ повѣсти „Владимірія“, П. А. Кулишъ замыслилъ въ 1894 г. историческій романъ изъ недавняго прошлаго; выдержки изъ первой главы этого романа, присланныя кн. Шаховскому для прочтенія, помѣщены имъ въ концѣ статьи, посвященной памяти Кулиша.

Въ заключеніе приводимъ любопытные документы, извлеченные княземъ Шаховскимъ изъ Архива Министерства Народнаго Просвѣщенія и относящіеся къ литературной дѣятельности П. А. Кулиша 1856—1858 годовъ.

Какъ извѣстно, по приговору особаго суда надъ участниками Кирилло-Меѳодіевскаго Общества“, въ 1847 году Кулишу было вовсе воспрещено писать и издавать свои сочиненія, а въ слѣдующемъ году хотя и послѣдовало разрѣшеніе продолжать ему литературныя занятія, но не иначе, какъ съ тѣмъ, чтобы онъ представлялъ свои сочиненія на предварительное разсмотрѣніе въ III отдѣленіе Собств. Е. И. В. Канцеляріи. Въ началѣ 1856 г. Кулишъ обратился къ управляющему этимъ отдѣленіемъ канцеляріи генералъ-адъютанту Дуббельту съ просьбой объ исходатайствованіи для него права общей цензуры, съ освобожденіемъ отъ обязанности представлять свои сочиненія въ III отдѣленіе, такъ какъ это затрудняло его литературныя занятія при составленіи статей для періодическихъ изданій. Генералъ Дуббельтъ, отношеніемъ отъ 4 апр. 1856 года, извѣстилъ министра Нар. Просвѣщенія, что, по всеподданнѣйшему его докладу, Государь разрѣшилъ печатаніе сочиненій Кулиша по разсмотрѣніи оныхъ въ обыкновенной цензурѣ, „съ тѣмъ только, чтобы цензоръ обращалъ на сочиненіе его строжайшее вниманіе“.

Вскорѣ послѣ этого освобожденія отъ спеціальной цензуры, Кулишъ представилъ въ общую цензуру статью свою „О причинахъ взаимнаго ожесточенія Поляковъ и Малороссіянъ въ XVII вѣкѣ. На этотъ разъ цензоромъ ея оказался самъ товарищъ министра Нар. Просвѣщенія князь П. А. Волконскій, потребовавшій въ статьѣ нѣкоторыхъ измѣненій. Представляя

статью въ исправленномъ, согласно указаніямъ кн. Вяземскаго, видѣ, Кулишъ писалъ ему отъ 16 декабря 1856 года:

„Я исправилъ, по указаніямъ вашего сіятельства, мою рукопись, смягчилъ нѣкоторыя выраженія (для большей видимости красными чернилами) и прибавилъ на стр. 246 нѣсколько предварительныхъ словъ, въ которыхъ приписываю намъ, Русскимъ, готовность выслушивать терпѣливо и внимательно мнѣнія иноплеменныхъ и иновѣрныхъ писателей для полнаго уразумѣнія истины. Такое великодушіе со стороны людей право правящихъ необходимо для того, чтобы исторія и критика получили у насъ все свое достоинство, и я думаю, что, кто бы ни былъ моимъ читателемъ, всякому будетъ пріятно сознавать себя нелицепріятнымъ судьей, который готовъ выслушать все изъ любви къ истинѣ. Облекши такимъ образомъ судей своихъ во все величіе безстрастнаго ума, я слѣпо напечаталъ бы все безъ исключеній, что сказано Грабовскимъ. Дѣло въ побужденіяхъ писателя; а побужденія Грабовскаго относительно Россіи такъ чисты, что у поляковъ—фанатиковъ онъ считается *измѣнникомъ*. Имя его не ново въ нашей литературѣ. Въ 1845 году П. А. Плетневъ помѣстилъ въ *Современникѣ* два прекрасныя письма его о Гоголѣ и Пушкинѣ. Писатель съ такимъ глубокимъ сочувствіемъ ко всему достойному въ Россіи и съ самостоятельнымъ взглядомъ на исторію и поэзію заслуживаетъ уваженія нашей цензуры, и его голосъ, свободный, не стѣсняемый установившимися у насъ мнѣніями, будетъ способствовать къ оживленію дѣятельности умовъ Русскихъ.

„Вчера при свиданіи съ вашимъ сіятельствомъ я осмѣлился войти къ вамъ съ просьбой ускорить возвращеніе моей рукописи въ Московскій Цензурный Комитетъ. Благосклонное вниманіе вашего сіятельства ободряетъ меня повторить ее письменно, такъ какъ эта статья должна закончить 2-й томъ *Записокъ о Южной Руси*, которыхъ выходъ только отъ нея зависитъ“.

Рукой кн. Вяземскаго написано на этомъ письмѣ: „По моимъ замѣчаніямъ авторъ сдѣлалъ измѣненія въ своей рукописи и въ настоящемъ видѣ она можетъ быть напечатана“.

Успѣхъ *Записокъ о Южной Руси* одушевилъ „горячаго Кулиша“ на предпріятіе болѣе широкое—онъ вознамѣрился издавать журналъ, посвященный „южно-русской“ жизни. Въ 1858 г., 25 окт. вошелъ онъ о семъ съ прошеніемъ къ министру Народнаго Просвѣщенія Ковалевскому.

„Въ 1856 году, писалъ онъ,—предпринялъ я изданіе *Записокъ о Южной Руси*. Я объяснилъ цѣль этого изданія въ предисловіи къ первому тому слѣдующими словами:

Съ нѣкотораго времени въ образованномъ классѣ сѣверорусскаго населенія пробудилось особенное желаніе узнать поближе Малороссію или Южную Русь, эту богатую дарами природы и историческими воспоминаніями страну, о которой такъ много говорятъ и пишутъ. Съ другой стороны, уроженцы Малороссіи начали чувствовать живѣе прежняго жажду самопознанія, которая выражается множествомъ книгъ по предмету мѣстной исторіи и этнографіи, изданныхъ въ послѣднее время въ Кіевѣ, Одессѣ, Харьковѣ и другихъ южно-русскихъ городахъ. Удовлетворяя этому двойному требованію, я предпринялъ издать въ неопредѣленномъ количествѣ томовъ *Записки о Южной Руси*, въ которыхъ бы каждый просвѣщенный русскій человѣкъ имѣлъ энциклопедію разнообразныхъ свѣдѣній о народѣ, говорящемъ языкомъ южно-русскимъ.

„Въ *Русской Бесѣдѣ* 1857 года (кн. III) я опредѣлилъ полнѣе взаимныя нужды и сочувствія обитателей сѣвернаго и южнаго краевъ Россіи. Тамъ, между прочимъ, сказано у меня о Гоголѣ (стр. 239): „Назначеніе Гоголя было внести начало глубокаго и всеобщаго сочувствія между двухъ русскихъ племенъ, сѣвернаго и южнаго. Русская литература со времени Гоголя сдѣлалась родственнѣе прежняго для малороссіянъ: они въ ней увидѣли себя въ настоящемъ и прошедшемъ. Съ другой стороны великороссіяне, посредствомъ сочиненій Гоголя, какъ бы вновь узнали, полюбили и пріобрѣли душой Малороссію“.

„Побуждаемый выраженнымъ въ этихъ строкахъ сочувствіемъ къ тѣсному нравственному соединенію обоихъ русскихъ племенъ, я напечаталъ два тома *Записокъ о Южной Руси* и, къ

удивленію своему, получилъ отъ разныхъ лицъ такое множество матеріаловъ для слѣдующихъ томовъ, что изданіе ихъ, безъ содѣйствія подписчиковъ оказалось для меня невозможнымъ въ денежномъ отношеніи. Поэтому я имѣю честь обратиться къ вашему высокопревосходительству съ покорнѣйшею просьбой—разрѣшить мнѣ изданіе журнала въ томъ же духѣ, что и *Записки о Южной Руси*, но въ болѣе разнообразномъ составѣ. Потребности современнаго общества указываютъ мнѣ на необходимость помѣщать въ предполагаемомъ журналѣ повѣсти и романы изъ южно-русской жизни, статьи о сельскомъ хозяйствѣ, торговлѣ и промыслахъ въ Южной Россіи, а также статьи критическія о произведеніяхъ русской и иностранной словесности и разныя замѣчанія о вопросахъ, интересующихъ современное общество. Журналъ мой будетъ *чуждъ политики*, и такъ какъ его цѣль не столько спеціальная, сколько общежитейская и всего болѣе хозяйственная, то прошу дозволенія дать ему слѣдующее наименованіе: *Хата*, южно-русскій журналъ *словесности, исторіи, этнографіи и сельскаго хозяйства*".

Министръ Народнаго Просвѣщенія снесся по вопросу о разрѣшеніи Кулишу издавать журналъ *Хату* съ главнымъ начальникомъ III отдѣленія и отъ послѣдняго (князя Долгорукова) получилъ слѣдующій „отзывъ" (отъ 8-го декабря 1856, № 2.505):

„Имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, что, принимая въ соображеніе свѣдѣнія о губернскомъ секретарѣ Кулишѣ, изложенныя въ отношеніи предмѣстника моего отъ 30 мая 1847 года, № 897, къ бывшему тогда министру Народнаго Просвѣщенія, графу Уварову, и имѣя также въ виду приведенныя въ отношеніи моемъ къ вашему превосходительству отъ 4 іюня сего года, за № 1210, статьи, напечатанной здѣсь въ прошедшемъ году, въ типографіи *Кулиша*, книги „Грамматка", которыя, если книга эта имъ самимъ издана, ясно доказываютъ, что онъ въ литературной своей дѣятельности слѣдуетъ прежнему направленію, бывшему причиной особыхъ мѣръ, принятыхъ противъ него правительствомъ, я полагалъ бы разрѣшеніе губернскому секретарю *Кулишу* изданія журнала отклонить".

На основаніи этого отзыва Кулишу было отказано въ его ходатайствѣ. Но онъ былъ не изъ числа тѣхъ, у которыхъ отъ неуспѣха опускаются руки. Напротивъ, онъ неослабно продолжалъ собирать матеріалы для исторіи Малороссіи и представлялъ въ цензуру новыя монографіи. Объ одной изъ нихъ „Хмельничинѣ“ въ 1860 г. было разсужденіе въ Главномъ Управленіи Цензуры, гдѣ цензоромъ Никитенкой было высказано слѣдующее мнѣніе:

„По поводу внесенія въ Главное Управленіе Цензуры рукописи, подъ заглавіемъ: „Хмельничина“, изъ исторіи Малороссіи г. Кулиша, возникаютъ два вопроса: во-первыхъ, какъ смотрѣть съ цензурной точки зрѣнія на историческія сочиненія отдѣльныхъ частей Имперіи, бывшихъ нѣкогда въ извѣстной степени автономными, и во-вторыхъ, можетъ ли быть пропущенъ рядъ статей о Малороссіи, подобныхъ представленнымъ г. Кулишемъ.

„По первому пункту—цензура не можетъ и не должна препятствовать обнародованію спеціальныхъ сочиненій, касающихся разныхъ областей Имперіи, бывшихъ нѣкогда отдѣльными и нынѣ составляющихъ съ нею одно цѣлое, *если написаны чисто съ ученою и литературною цѣлію безъ всякой мысли о возможности ихъ самостоятельнаго существованія, безъ всякихъ сепаратическихъ ученій и намѣреній*. Въ литературѣ нашей много существуетъ монографій такого рода. Въ отношеніи собственно къ Малороссіи мы имѣемъ два большія историческія сочиненія: Бантышъ-Каменскаго и Маркевича, не говоря уже о недавно вышедшемъ въ свѣтъ трудѣ Костомарова *Богданъ Хмельницкій*. Исторія отечества нашего принимаетъ, какъ ручьи въ свой общій истокъ, всѣ частныя историческія изложенія и пріобрѣтаетъ отъ нихъ полноту и ясность.

„Этимъ общимъ воззрѣніемъ долженъ быть разрѣшенъ и частный случай относительно историческихъ монографій, или всей будущей исторіи Малороссіи Кулиша. Доставленный имъ отрывокъ не даетъ еще возможности судить о значеніи его труда въ цѣломъ. Само собою разумѣется, что цензура, допуская ихъ къ печати, на основаніи вышеприведеннаго правила,

должна не только не допускать въ этомъ направленіи ничего сепаратическаго, но обязана исключать и такія мѣста, какія замѣчены цензоромъ Бекетовымъ о *Хмельничинѣ*, и какія обозначены въ ней карандашемъ—мѣста, бросающія тѣнь на отношенія Малороссіи къ Россіи въ прошедшемъ. Цензоры тѣмъ осмотрительнѣе должны быть въ настоящемъ случаѣ, такъ какъ Кулишъ пишетъ свои статьи съ цѣлью сдѣлать ихъ доступными массѣ народной".

Документы, извѣстія и замѣтки.

Два поддѣльныхъ историческихъ документа. Поддѣлка историческихъ документовъ существуетъ издавна и продолжается донынѣ. Причины, вызывающія поддѣлки, различны; главною изъ нихъ конечно бываетъ *корысть*, но встрѣчается и другая,—такъ сказать, *патріотическая* любовь къ исторіи. По крайней мѣрѣ, эту послѣднюю причину встрѣчаемъ мы въ поддѣлкахъ малорусскихъ историческихъ документовъ. Старѣйшимъ изъ извѣстныхъ намъ этого рода поддѣльныхъ документовъ является извѣстный универсалъ «Стефана Криштофа зъ Острога и Остра Остранина», оказавшійся въ обоихъ извѣстныхъ спискахъ лѣтописи Величка и, кромѣ того, найденный въ одномъ изъ сборниковъ конца XVIII в. [1]). Впервые обнародованъ этотъ универсалъ Кулишомъ въ 1857 г., во 2-мъ томѣ Запис. о Южной Руси, и сопровождался обширными комментаріями издателя и польскаго ученаго Мих. Грабовскаго, считавшагося знатокомъ исторіи днѣпровскаго козачества. Указывая на историческое значеніе этого документа, оба комментатора нисколько не сомнѣвались въ его дѣйствительности. Напротивъ, Грабовскій даже подчеркиваетъ, что «невозможно подозрѣвать здѣсь какой-нибудь позднѣйшей поддѣлки», потому что—какъ «языкъ де, такъ и подробности тиранства претерпѣннаго отцомъ и братомъ гетмана Остряницы, все въ нихъ показываетъ, что лица и происшествія списаны съ натуры»... Интересенъ и отзывъ Костомарова. «Универсалъ гетмана Остряница—это большая драгоцѣнность: и какъ историческій матеріалъ, и какъ письменный памятникъ XVII вѣка. Складъ его плавенъ, тонъ благороденъ, рѣчь жива и одушевлена» [2])... Мы не видѣли подлинника Величковой лѣ-

[1]) См. предисловіе къ т. IV-му Лѣтоп. Величка, стр. VII.

[2]) Отеч. Зап. 1857 г., № 9, отд. 2-е, стр. 6.

тописи и ничего не можемъ сказать о внѣшнемъ видѣ этого «универсала», но одно надписаніе послѣдняго (двухъименность и указаніе на Острогъ и Остеръ) могло возбудить у названныхъ трехъ историковъ, если не сомнѣніе, то большое недоразумѣніе... Правда, языкъ въ «универсалѣ» *очень искусенъ*... Кулишъ, признавшій поддѣльность «универсала» чрезъ шесть лѣтъ послѣ его напечатанія, справедливо говоритъ, что языкъ этого документа совершено сходенъ съ языкомъ лѣтописи Величка [1])... Очень возможно, что «универсалъ» и сочиненъ этимъ первымъ «украинофиломъ» изъ *патріотическаго* желанія—рельефно изобразить тѣ насилія поляковъ, которыя вызывали козацкія возстанія до пол. XVII в., но о сущности которыхъ у «истиннаго сына Малыя Россіи» не доставало свѣдѣній «небытности дѣля козацкихъ лѣтописцовъ»... Предположеніе это является тѣмъ вѣроятнѣе, что если поддѣлка универсала относится къ нач. XVIII в., то поводомъ къ ней могло быть Мазепино дѣло, будившее старую, уже улег-

---

[1]) Библіот. для Чтен., 1863 г., октябрь (?), стр. 25—27. Указавъ свои соображенія относительно поддѣльности, К—шъ въ заключеніе говоритъ: „Читатель вправѣ теперь спросить меня: почему же не пришли мнѣ въ голову всѣ эти соображенія, когда я печаталъ универсалъ Остряницы въ *Зап. о Южн. Руси?* На это я отвѣчу: потому, почему не пришли они въ голову ни польскому писателю Мих. Грабовскому, который сообщалъ мнѣ для помѣщенія тамъ же замѣчанія свои на этотъ универсалъ, ни автору *Богд. Хмельницкаго,* который подробно разобралъ оба тома моего сборника въ *Отеч. Запискахъ*". Отвѣтъ уклончивый... Прямой отвѣтъ заключался бы въ признаніи недостатка, въ 1857 г., у К—ша той *начитанности* въ историческихъ актахъ, которою онъ обладалъ шесть лѣтъ спустя... Таже причина ввела въ заблужденіе и Костомарова... Грабовскій былъ вообще малосвѣдущъ въ мѣстной исторіи.—Костомаровъ, въ своей исторіи Остряницы (Богд. Хмельн., изд. 1884 г., I, 178) вовсе не упоминаетъ о его „универсалѣ", а разсказавъ о бѣгствѣ его въ Чугуевъ, задается вопросомъ—тотъ ли это Остряница, который сражался съ поляками, такъ какъ послѣдній въ малорусскихъ лѣтописяхъ именуется де Стефаномъ, а бѣжавшій въ Чугуевъ зовется Яковомъ. Но дѣло въ томъ, что ни Самовидецъ, ни Грабянка Остряницу по имени вовсе не называютъ. „Межигорская лѣтопись (Сборн. лѣтоп., изд. Ком. для разб. др. акт.), изданная послѣ смерти Костомарова, Остряницу называетъ *Яцкомъ*. (стр. 96) А „Стефаномъ"—Остряница называется лишь въ *Исторіи Русовъ*, авторъ которой нарисовалъ такую страшную картину его казни (стр. 56), передъ которой описанныя въ „универсалѣ" истязанія отца и брата Остряницы—совсѣмъ блѣднѣютъ... Но быть можетъ авторъ *Исторіи Русовъ* лишь продолжилъ фантазію сочинителя универсала и нашелъ нужнымъ разсказать то, чего Остряница самъ не могъ разсказывать... Если *Исторія Русовъ* написана Гр. А. Полетикою, то послѣднему „универсалъ Остранина" долженъ былъ быть извѣстенъ, такъ какъ онъ имѣется и въ спискѣ лѣтописи Величка, принадлежавшемъ Полетикѣ, причемъ въ этомъ только спискѣ и сохранилось начало универсала.

ницуся было народную непріязнь къ полякамъ [1])... Непріязнь Величка къ личности Мазепы очевидна изъ его лѣтописи, хотя тутъ главную роль играютъ личныя отношенія лѣтописца къ своему патрону Кочубею.

Какъ бы то ни было, но мотивъ поддѣлки «универсала» Остряницы несомнѣнно *патріотическій*, при чемъ составителемъ его былъ человѣкъ близко знакомый съ разными хрониками, лѣтописями и универсалами.

Съ тѣмъ же мотивомъ поддѣлки мы знаемъ еще два документа, которые хотя и напечатаны, но въ такихъ изданіяхъ, что документы эти остаются, можно сказать, вполнѣ неизвѣстными.

Первый документъ представляетъ собою духовное завѣщаніе Басанскаго сотника Клима Шаповаленка, которое и приводимъ здѣсь [2]).

«1748 року, мая 17 дня. Нераздѣльней Тройцѣ во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Рабъ божій Климъ Григоровичъ Шаповаленко, Переяславскаго полку сотникъ Басанскій, всему війску и Запорижью, всій старшинѣ и казатству и всій черне, мешкуючей и жувучей коло Басани и въ Басани, о Бози радоватися желае.

Я, щирый слуга ея пресвѣтлому царскому величеству, а ясновельможнихъ панивъ гетьманивъ нелукавый рабъ, и всему війску и козатству—кривный товаришъ, промѣшкавши многіе лѣта и дожившіи до ста четвертаго року, не чаю вже живота: жизнь моя гасне и може завтра рано, але и ближе, могила—дружина, а живтый песокъ—родина моя! Близкіе и далекіе пріятели и други скоро стекутся ко мнѣ, но не привитатися, а на викъ прощатися. Прощайте други, родичи и пріятели, близкіе и далекіе, прощайте и вы, которые близко мене сидѣли та лукавымъ окомъ на мене глядѣли. Прощайте и тіи, що мени магайбу давали та зло замышляли! Се отхожу на онь свитъ! Всимъ вамъ миръ, любовь и благодать отъ Вседержителя Бога Отца оставляю. Но понеже я маю багацько добра и оставляю по соби, якъ то: паханину въ поляхъ, лѣсахъ, грунтахъ и сѣножатяхъ, наданныхъ по универсаламъ отъ ясневельможнихъ панивъ гетманивъ, за щирую мою и панотця моего Григорія, сотника Басанскаго, и дѣда, ихъ пресвѣтлымъ царскимъ величествамъ, то все сіе, вси

---

[1]) Очень можетъ быть, что та же патріотическая тенденція создала въ лѣтописи Величка и другіе сомнительные ея акты, хотя послѣдніе требуютъ еще тщательнаго пересмотра. Си. предисл. Костомарова къ его монографіи о Мазепѣ, стр. V.

[2]) Напечатано въ Черниг. Губ. Вѣд. 1850 г., № 19.

пожитки, маетности и всяку рухлядь, скотъ, волы, кони и вывци, вѣтряныя и гребельныя мельницы и всю, яка по мнѣ есть одежа, заповѣдаю сыну моему единородному, превелебному отцу Григорію Климовичу Шаповаленку, по матери Степановскому, ничеговскому [1]), панотцю, кой тамъ отъ мене поселенъ на дидовскимъ грунти и живе, зъ тымъ, жебы онъ вично за многогрѣшную мою душу молитвовався. А якіе въ-мали остались отъ поморщинъ (?) подданные, наданные по грамотамъ и универсаламъ, то маютъ быть вси на воли, а якіе перебигли за Кубань, та зновъ вернутся, то вси сіи остаются на вичные часы реченному сыну Григорію въ его послушенстви. Тилько, якъ вернется Бильченко и Науменко зъ Овдіемъ, то отшмаровать ихъ барбарами и отдать ихъ вично на пекарню брату жены моей, кіевскому полковому судьи пану Степановскому [2]). Адомашковскіе жъ и парчевые кунтуши—матери его Степаниды и реброны, а также золотъ-атласъ, каптаны, жалованные мнѣ и панотцю моему отъ ясневельможныхъ панивъ гетманивъ, отдать на ризы по церквамъ; а саетовые бекеши, славянки, киреи и черкески, персидскіе и мостровые (люстровые?) поясы продать на алтыны, або сестрицянъ отдаты, або де хоче диты реченный сынъ Григорій, соби на поживанье. Сребло же, якъ то: чарки, мисы, кухлики, кубки, корци и михалки, змордованные разными походами дидомъ моимъ, отцемъ и мною, на сичахъ у клятыхъ шведивъ, ляхивъ и татаръ, для помноженья хвалы Божой и молитствія за многогрѣшную мою душу, и ихъ, по обѣщанію умершаго панотця моего, отдать маетъ сынъ Григорій въ Выдубицкій монастырь. По смерти же моей по росписи, гдѣ въ пролозѣ начертанной, разобрать и роздать все реченное въ оной. А змійку-татарку положить зо мною въ могилу; тамъ вона за мене скаже и на лизи (на зализи?) своемъ правду и кривду покаже: якъ за виру и отчизну стояла и бусурмарскою кривью упивалась, а якъ вона мини попалась, про те шведъ и клятый Мазепа знае. Суди Боже его и мене на тымъ свити! Якіе жъ отъ пожежъ остались у мене депеши (?), исхованы въ церквахъ Яриловской [3]) и Басанской, то сынъ мой Григорій по смерти моей взявши, у себе заховуе. Равно и сю, другу вже

---

[1]) Село Ничеговка Козелецк. уѣзда.

[2]) Иванъ Стопановскій былъ дѣйствительно кіевскимъ полков. судьею въ пол. XVIII в.

[3]) Сочинитель, вѣроятно, написалъ Ярославской (с. Ярославка около м. Басани), а переписчикъ ошибся.

духовныцю намисто сгорившей, получить долженъ, а копировку съ нея послать въ Выдубицкій монастырь. А якъ може найдется перша духовныця, то по ней чинить все; а якъ не найдется, то по сей другой. А буди по указанному мною сынъ Григорій не учинитъ, а коли на лихву (?) не такъ зробить, то да караетъ его Господь Богъ и да падетъ на него вичное мое неблагословеніе. Аминь. (На подлинномъ тако:) Сію духовную въ тяжкой недузи, рукою своею, крестами утвердивъ, самъ панъ сотникъ Климъ Григорьевичъ Шаповаленко; и сію духовную писавъ и рукоприложеніе зробивъ родычъ его полковой асаулъ Астафій Мироненко. Свиткомъ бувъ и рукоприкладство зробывъ войсковый товаришъ Ананій Рубецъ».

Свиткою бувъ хорунжій Сава Почека».

Приведенный документъ напечатанъ въ губернской газетѣ, безъ всякаго объясненія—кѣмъ и откуда онъ доставленъ, причемъ редакція газеты, видимо, не сомнѣвалась въ подлинности документа и, вѣроятно, видѣла въ послѣднемъ «интересный» памятникъ по находящимся въ немъ подробностямъ. Не смотря на все стараніе поддѣлывателя, работа вышла грубая. У этого *автора*, какъ видно, *начитанность* въ старыхъ «шпаргалахъ» была весьма незначительная... Такія слова, какъ: *мешкуючій*, *желае*, *кривный товарищъ*, *магайба*, *паханина*, *вребельная мельница*, *кухлики*—указываютъ на полное невѣжество автора въ актовомъ языкѣ пол. XVIII в.—Трудно сказать—какой патріотическій мотивъ руководилъ сочинителемъ этого завѣщанія. Вѣроятнѣе всего, что ему пожелалось воспроизвести на бумагѣ тотъ козацкій духъ, которымъ полны были, въ началѣ этого столѣтія, уста *дѣтей о своихъ отцахъ*. Мы не сомнѣваемся, что завѣщаніе сочинено въ началѣ настоящаго столѣтія по упоминанію въ немъ *славянокъ*, въ которыхъ именно въ это время стали щеголять «судовые панычи» [1]). Указаннаго въ документѣ «завѣщателя» Клима Григорьевича Шаповаленка въ актахъ мы не встрѣчали, а былъ, при гетманѣ Апостолѣ, басанскимъ сотникомъ *Семенъ Климовичъ* (1728—734). Были затѣмъ въ Ст. Басани и маленькіе «панки» Климовичи [2]), конечно потомки сотниковъ. Очень можетъ быть, что кто нибудь изъ этихъ панковъ, любившій чтеніе

---

[1]) См. книжку „*Pro Domo sua*“, стр. 74. „Судовыми панычами“ назывались въ Малороссіи, въ прежнее время, канцеляристы разныхъ тогдашнихъ „судовъ“.

[2]) По вѣдомости 1861 г., въ числѣ старобасанскихъ дворянъ, владѣвшихъ крѣпостными крестьянами, значится одинъ: А. Климовичъ, а у него—одинъ крестьянинъ...

старыхъ «шпаргаловъ», желая воскресить память своего предка, живое преданіе о которомъ еще не умирало, и написалъ это завѣщаніе... Во всякомъ случаѣ, корыстнаго мотива въ сочиненіи этого документа быть не могло, такъ какъ тутъ на первомъ планѣ желалось указать на пролитіе бусурманской крови въ сраженіяхъ со «шведомъ и клятымъ Мазепою»...

Засимъ, приводимъ еще одинъ поддѣльный документъ, который напечатанъ въ 1872 г., въ Полтавск. епарх. вѣд., (№ 19), священникомъ с. Богушковой Слободы, о. Васпліемъ Знайковымъ, съ примѣчаніемъ, что документъ найденъ будто-бы «въ коллекціи разныхъ документовъ одного изъ прихожанъ».

«Тысяча триста сорокъ первого (1341) года, мая 13 дня. Мы нижеподписавшіеся, старіе и младіе, вси вздоймомъ, жители Богушковой Слободки, вѣдаючи въ томъ вишезначащомся году, за нашого тогдашного житія и знанія, бившую руину отъ нахожденія татарской орди, немалого числа войска, при которомъ и самъ султанъ предводителемъ находился, въ якомъ нахожденіи повелѣніемъ султанскимъ наименовано было, по тогдашнимъ обычаямъ татарскимъ, всѣхъ жителей Богушковой Слободки, зъ женами и дѣтьми, въ неволю забрать и въ свои мѣста гнать. Но въ то время состоящій находящійся отецъ нашъ духовный, презвитеръ церкви Богушковой Слободки, честный отецъ Іоаннъ, прозиваемий Мошко, по прошенію нашему всѣхъ общему, принявъ дерзость, оказалъ благодѣяніе и явилъ надъ всѣмъ Богушковой Слободки народомъ милосердіе, умоливши султана и все его воинство, далъ въ презентъ своихъ собственнихъ, золотою монетою самихъ червонныхъ, большое блюдо до пятнадцати тысячъ денегъ, и тими деньгами всѣхъ жителей Богушковой Слободки своею властною суммою отъ неволѣ татарской свободилъ. Которой суммы не взыскуя на насъ, намъ оную подарилъ; что отци наши и мы вси вѣдаючи таковое его отца Іоанна Мошки благодѣяніе и показанное милосердіе о скупленіи насъ всѣхъ, зъ женами и дѣтьми, отъ татарского нападенія, впредь даемо мощъ, владность и силу, чтобъ такъ, якъ онъ, отецъ Іоаннъ, владѣетъ порохіею, такъ бы по немъ, за таковое его благодѣяніе, все потомство его отъ рода въ родъ въ Богушковой Слободки, зъ усмотренія рукоположеніемъ архипастырскимъ, владность имѣли, а больше никто бъ зъ стороны не его рода, никакимъ образомъ, въ ту Богушковой Слободки парохію утрачаться не могъ и препони не чинилъ. О томъ варуемъ и симъ нашимъ собственнимъ писмомъ впредь, хто бъ того хотѣлъ знать и вѣдать, ут-

верждаемъ и нашимъ потомкамъ всѣмъ по насъ укрѣпляемъ и сіе народѣ нашей сельской Слободки Богушковой, яко ми вси суще есми той церкви парохіане, фундатори и ктитори, сіе письмо ему, честному отцу Іоанну Мошки, даемо и во увѣреніе именами своими подписуемся, року и дня вышеписанныхъ. Къ сему писменному утвержденію мы вси ниже по именамъ и прозваніямъ значащіеся, жители Богушковой Слободки, яко не умѣетніи (не умѣющіе) божественнаго писанія, святыми крестами подписуемся.

Фесько (Ѳеодосій) Илляшенко, атаманъ Богушковой Слободки † Овдій Красіонъ † Савва Романенко † Степанъ Чумаченко † Фесько Яковенко † Іванъ Ярмошенко † Федоръ Чорній † Гаврило Гнѣдій † Варенікъ † Максимъ Приступа †.

Какой мотивъ руководилъ сочинителя этого документа—угадать затруднительно... Могло случиться, что наслѣдники священника Мошки (если таковой дѣйствительно существовалъ и конечно не въ XIV, а, напр., въ XVIII вѣкѣ), думали съ помощью этого документа закрѣпить за собою «приходъ». Но такъ какъ священникъ о. Знайковъ ничего не говоритъ о существованіи этого своего предшественника, то вѣроятнѣе предположить, что и документъ о великодушіи Богушковскаго священника въ XIV в.—сочиненъ какимъ нибудь любителемъ мѣстной старины и сочиненъ по тому самому мотиву, по которому недавно сочинено на Волыни нѣсколько историческихъ документовъ[1])... Поддѣлокъ историческихъ документовъ ради корысти—въ Малороссіи было *множество*. Сочинялись они главнымъ образомъ въ к. XVIII в. для доказательства дворянства. Поддѣлки этого рода были до того грубы, что уже въ тридцатыхъ годахъ историкъ малорусскаго дворянства выразился объ этихъ документахъ, что «строгая историческая критика не можетъ признать ихъ основательными»...

А. Л.

Благодарственное письмо кн. А. Меншикова кіевскому дворянству 6 ноября 1709 г. за поздравленіе съ полтавской побѣдой[2]).

Отвѣтъ сіятельнаго князя его милости Меншикова на

---

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1896 г., октябрь—„Новыя открытія въ области древлеволынскаго бытописанія".

[2]) Подлинникъ, на польскомъ языкѣ, находится въ собраніи К. В. Болсуновскаго въ Кіевѣ. Подпись Меншикова сдѣлана по-русски. У подписи сургучная печать князя.

инструкцію ихъ милостей господъ пословъ воеводства кіевскаго: вельможнаго его милости пана на Стечанѣ Стецкаго, подчашаго, подстаросты гродскаго житомирскаго, и вельможнаго его милости пана Яна изъ Рыбна Рыбенкаго, мечника житомирскаго. Данъ въ Варшавѣ 6 дня мѣсяца ноября 1709 года.

«За поздравленіе съ счастливо одержанными тріумфами надъ общимъ врагомъ найсвѣтлѣйшаго царя и рѣчи посполитой князь его милость благодаритъ не только господъ пословъ, но въ частности и все воеводство; благодаритъ онъ и за особливое почтеніе, которое свидѣтельствуетъ почтенное воеводство кіевское князю его милости публичнымъ посольствомъ, и за признаніе тяжкихъ его трудовъ (facig), которые in aemolumentum Patriae, подобно Сцеволѣ съ рукою въ огнѣ, и на будущее время никогда не перестанетъ нести, и какъ всѣмъ вообще, такъ въ частности каждому изъ вельможныхъ ихъ милостей обывателей воеводства кіевскаго свидѣтельствуетъ (князь) свою готовность ко всякимъ услугамъ и свою благожелательность (powolność). Что касается выраженнаго ихъ милостями господами послами ходатайства относительно безопаснаго пребыванія (mieszkania) въ своихъ границахъ, то (князь) не только путемъ дѣятельнаго и надлежащаго представленія наисвѣтлѣйшему царю его милости, но и посредствомъ распоряженій силою принадлежащей ему военной власти приметъ соотвѣтствующія мѣры къ тому, чтобы отъ войскъ царя его милости не происходило ни малѣйшаго безпокойства (turbulencij); въ частности же относительно притѣсненій, которыя причиняются полкомъ его милости господина Палѣя, князь прикажетъ произвести разслѣдованіе ad satisfaktionem обиженныхъ и для предупрежденія какихъ либо другихъ злоупотребленій (exorbitancij), которыя могли бы seqvi; точно такъ же князь его милость пишетъ и относительно достопочтеннаго о. Жораковскаго его милости князю Голицыну о разслѣдованіи причиненныхъ обидъ въ Толокнѣ и Козяровскомъ ключѣ [1]), обѣщая полное удовлетвореніе, если только злоупотребленія въ чемъ-либо подтвердятся; обѣщаетъ также устранить притѣсненія и въ томъ, чтобы отъ отрядовъ на постоѣ и переходящихъ войскъ, насколько позволятъ обстоятельства, не происходило никакого отягощенія, особенно въ незаконномъ отбираніи лошадей, воловъ и провіанта, и если въ этомъ отношеніи будутъ дознаны какія бы то ни было злоупотребленія со стороны какихъ либо своевольныхъ отрядовъ, то всеконечно не минутъ наказанія. Что

[1]) Толокунь и Козаровичи—дер. и село кіев. уѣзда.

все князь его милость iterato обѣщая, объявляетъ этимъ отвѣтомъ выданнымъ изъ его канцеляріи, который, для бо̀льшаго значенія собственноручно подписавъ и утвердивъ своею печатью, вручаетъ вельможнымъ ихъ милостямъ панамъ посламъ. Datum ut supra». А. Меншиковъ.

Сообщ. Н. М.

Продажа кіевскою дворянкою своей дочери въ крѣпостное состояніе. Въ 1806 г. жена кіевскаго повѣтоваго штабъ-лекаря Ксенія Розлачева продала родную дочь свою Марію подъ видомъ крѣпостной дѣвки донскому козаку Фершалову за 90 рублей по формальному акту, съ перемѣною отчества. По доносу тит. сов. Ессенкова возникло судебное дѣло. Кіевскій повѣтовый судъ оправдалъ Розлачеву, ссылаясь на установленную законами неограниченную власть родителей надъ дѣтьми. I департаментъ кіевскаго главнаго суда утвердилъ этотъ приговоръ, съ тѣмъ однако измѣненіемъ, чтобы сдѣлать Розлачевой выговоръ съ отобраніемъ подписки, дабы впредь на то не отваживалась, а въ исправленіи дочери поступала-бы по 391 ст. губерн. учрежденія. Мнѣніе главнаго суда утверждено было кіев. гражд. губернаторомъ Панкратьевымъ, но затѣмъ по Высочайшему повелѣнію кіевскій вице-губернаторъ Четвериковъ произвелъ новое разысканіе, и дѣло получило новый оборотъ. Оказалось, что Ксенія Розлачева, возненавидѣвъ свою дочь Марью за то, что она «открыла предъ отцомъ неприличное ея, Ксеніи, обращеніе съ однимъ мущиною въ нарушеніи супружеской обязанности» и желая удалить дочь изъ своего дома, пользуясь слабостью и легкомысліемъ мужа, отсылала Марью два раза въ самомъ нищенскомъ одѣяніи въ Козелецкій дѣвичій монастырь для всевозможнаго тамъ изнуренія, неоднократно отдавала въ мѣщанскіе дома вмѣсто работницы, а въ августѣ 1806 г. безъ вѣдома мужа продала Фершалову съ правомъ перепродать ее желающимъ за туже цѣну и просить о совершеніи на нее покупщику на законномъ основаніи у крѣпостныхъ дѣлъ крѣпости. Послѣ доноса Ессенкова, Розлачева—мать взяла дочь обратно, но въ 1808 году отдала ее одной изъ пріѣзжавшихъ въ Кіевъ донской жительницѣ. Розлачева оправдывалась тѣмъ, что продажа Фершалову была фиктивная, исключительно для вразумленія безпутной дочери, но оправданія эти не подтвердились. Сенатъ призналъ фактъ продажи доказаннымъ и оправданія лживыми. Розлачева «вручила дочь свою дѣвицу яко бы

для устрашенія неизвѣстному мущинѣ, у коего и была она два дни, чего благонамѣренная мать не сдѣлаетъ, да и не натурально, чтобы такими предосудительными средствами исправлять дѣтей отъ распутства». Поэтому Сенатъ полагалъ: «за таковые лживые поступки, яко разрушающіе дворянское достоинство, на основаніи указа 1775 г. апрѣля 28 дня и по силѣ воинскаго 201 артикула и Высочайше жалованной дворянству грамоты 6 статьи, лишивъ ее, Ксенію, дворянства и носимаго по мужѣ званія, сослать въ Сибирь на поселеніе»; за несообразное съ существомъ дѣла и законами сужденіе присутствующихъ и секретарей, подписавшихъ рѣшенія по этому дѣлу, оштрафовать въ пользу государственныхъ доходовъ: повѣтоваго суда—100, а главнаго суда 1 департамента—500 рублями и подтвердить тѣмъ судамъ, дабы впредь въ положеніи по дѣламъ рѣшеній, согласнымъ съ обстоятельствами и силою законовъ, прилагали большое вниманіе, въ противномъ случаѣ присутствующіе сихъ мѣстъ будутъ отрѣшены отъ должностей и преданы суду по законамъ: рѣшеніе кіевскаго главнаго суда публиковать повсемѣстно указами. «Пропустившему на таковое неправильное рѣшеніе безъ вниманія бывшему кіев. гражд. губернатору Панкратьеву хоть бы и слѣдовало за то учинить замѣчаніе, но какъ онъ умре, то сіе и оставить». Дочь Розлачеву возвратить изъ Донской области къ отцу, если пожелаетъ и окажется въ бѣдномъ состояніи. «Касательно описанныхъ вицегубернаторомъ Четвериковымъ слабости и легкомысленности мужа подсудимой, кол. ас. Семена Розлачева, по причинѣ коихъ жена его производила въ дѣйство свои намѣренія на угнетеніе дочери, какъ онъ, Розлачевъ, служитъ штабъ-лекаремъ кіевскаго повѣта, предоставить разсмотрѣнію министра полиціи, способенъ ли онъ, Розлачевъ, за таковымъ увѣреніемъ о слабости его, къ отправленію настоящей должности». Такъ какъ продажа Маріи Розлачевой происходила въ Кіевѣ въ домѣ купеческой жены Гудимовой, при ней, Гудимовой, при понадьѣ Зѣнковой, вдовѣ Немѣровской, сержанской женѣ Антоновой и кол. рег. Голубовскомъ, изъ коихъ Гудимова принимала деньги отъ Фершалова для отдачи Розлачевой и дочь ея, отпуская къ Фершалову, одѣвала въ свое платье, Немѣровская по порученію отъ Розлачевой возила дочь ея въ Козелецкій монастырь, а послѣ изъ дому Розлачевой доставляла въ домъ Гудимовой для продажи Фершалову, Антонова была торговкою со стороны Фершалова, Зѣненкова по обнаруженіи уже фальшивой продажи ѣздила къ Фершалову и взяла отъ него дочь Розлачеву, Голубовскій же, зять Гудимовой, писалъ и

представилъ къ засвидѣтельствованію въ повѣтовый судъ вѣрющее письмо отъ Розлачевой къ Фершалову, слѣдовательно знали о продажѣ матерью дочери въ видѣ дворовой дѣвки, но о семъ правительству не объявили,—то за таковое соучаствованіе съ Розлачевой предать всѣхъ ихъ сужденію надлежащаго присутственнаго мѣста по законамъ.

Докладъ сената утвержденъ импер. Александромъ I 22 августа 1810 года.

(Указъ прав. сената 19 окт. 1811 г. № 2215 малорос. полтав. губ. правленію)

Сообщ. Н. М.

Къ повѣрьямъ относительно пчелъ. Сельскіе пчеляки очень неохотно сообщаютъ свѣдѣнія о повѣрьяхъ и обрядахъ, касающихся пчелъ, сохраняя ихъ въ большомъ секретѣ, и въ этомъ—главная причина скудости такихъ свѣдѣній въ литературѣ. Предлагаемые матеріалы собраны въ м. Глодоссы елисаветград. у. тамошними парубками Х. І. Самойлинкомъ и К. Д. Морозомъ; оба они—сами пчеляки отчасти и потому ближе стоятъ и къ пчелякамъ изъ стариковъ, отъ которыхъ и получены сообщаемыя ниже свѣдѣнія. Послѣднія имѣютъ характеръ особаго календаря годового ухода за пчелами. Въ сборникахъ Чубинскаго и Драгоманова мы не нашли близкихъ варіантовъ имъ.

Въ праздникъ зачатія Анны (9 декабря) покупаютъ рыбу, вынимаютъ печенку, отрѣзываютъ голову и варятъ въ водѣ; отваромъ кропятъ въ пасѣкѣ, приговаривая: «шобъ у моій пасици рои зачиналысь и бжолы, якъ рыба, розмножалысь».

На водосвятіе (5 января) берутъ полное ведро воды и никому не даютъ ни капли изъ этого ведра; это—для того, чтобы полная пасѣка была меда и чтобы чужая пчела не имѣла силы взять этотъ медъ. Этой водой кропятъ мѣсто, гдѣ думаютъ ставить пасѣку.

Когда начинаются весеннія работы, пчелякъ, выѣзжая въ поле, беретъ съ собою мѣшокъ, въ который забираетъ первый, попавшійся ему, муравейникъ и дома варитъ его въ меду, которымъ кормитъ пчелъ; это дѣлается для того, чтобы пчелы были многочисленны и трудолюбивы, какъ муравьи. Нѣкоторые кладутъ еще въ медъ крестообразную косточку изъ щучьей головы и щучьи зубы,—чтобы

пчелы хорошо откусывались при нападеніи чужихъ роевъ,—толченый перецъ—чтобы крѣпче были, горицвитъ—чтобъ были въ цвѣтущемъ состояніи. Медъ этотъ разводятъ крещенской водою, или росою, собранною на Георгія, рано утромъ.

Примѣта: если на Явдоху (1 марта) солнечно и дуетъ южный вѣтеръ,—хорошо на пчелы.

Пчелъ нельзя вынимать изъ погреба въ день, когда празднуется память святого мученика а то будутъ умирать и будешь съ ними мучиться; нужно вынимать, когда церковь поминаетъ преподобнаго и на полнолуніе, чтобъ были полные ульи сотовъ и меда. Чаще вынимаютъ пчелъ на теплаго Олекса (17 марта).

Мертвыхъ пчелъ, сметенныхъ весною, закапываютъ въ землю или высыпаютъ въ закрытое мѣсто, куда никто не ходитъ; оставлять наружи мертвыхъ пчелъ грѣшно: пчела чистое животное, плодъ ея труда—воскъ—служитъ жертвою Богу.

Въ праздникъ Благовѣщенія (25 марта) пасѣчникъ до восхода солнца раздѣвается до-нага и три раза обѣгаетъ свою пасѣку, послѣ чего вколачиваетъ въ землю осиновый колышекъ: это для того, чтобы рои не уходили.

Въ степь вывозить стараются *на похвалу* (въ понедѣльникъ страстной недѣли), чтобы пчелы *хвалились* медомъ. Вывезя въ степь, стараются запрятать ульи получше въ бурьянъ или балку, чтобъ поменьше попадались на глаза, а то «спристритять», а еще и для того, чтобы весенній вѣтеръ не холодилъ ульевъ; лѣтомъ выставляютъ ульи на болѣе открытое мѣсто.

Во время роенія пчелъ, ульи смазываютъ посерединѣ матошникомъ, запахъ котораго походитъ на запахъ пчелиной матки и потому привлекаетъ рой.

Сообщ. **В. Ястребовъ.**

О стельной коровѣ. (Со словъ знахарки). Якъ первитка [1]) отелыться, то нужно взять яйце куряче, выпустыть изъ его жовтокъ и билокъ, а потимъ въ шкаралупу надоить молозыва, а тоди взять та й закопать въ глухимъ кинци коло воритъ, або коло хвиртки. Тоди

[1]) Съ первымъ теленкомъ. К. Д. Морозъ.

беруть макъ и силь свячену [1]) и обсыпають корову и ту мисцыну, де закопане молозыво въ яйци, и прымовляють три раза: «хто цю силь позбыра, той у моеи коровы корысть одбере, хто цей макъ переличыть, той мою корову обызвычыть». Тоди бере видра и иде по воду до крыныци и молыться Оче нашу надъ крыныцею; якъ кончыть молытву, то каже: «добрый вечиръ тоби, крыныце (и вразуразъ каже: добрый *вечиръ*, хоть бы и рано прыйшла). Олыныце, и ты, земля Тытіяно, и вода Оліяно, обмываишь ты лугы, берегы, обмый мою Хаву отъ лыхои твари! Якъ у крыныци вода прыбува, такъ у моеи Хавы дійво прыбува. Я до тебе не прыйшла воды брать, я до тебе прыйшла мылосты прохать, велыкого здою, товстого збору [2]), жовтого масла». Тоди бере воду и иде до дому, ни до кого не здоровкается и не обзывается, и кого зострине, то то й видьма. Якъ прынесе воду до дому, то одно видро ставыть пидъ корову и трошкы подоить туды, такы все бере цыцькы навхрыстъ; тоди дае корови выпыть, а якъ не выпье, то помишае зъ кормомъ, шобъ иззила; а друге видро ставыть на зори [3]) на цилу ничъ и де-небудь такъ, шобъ собака не могла напыться, и прыказуе: «вы, зори-зоряныци, васъ на неби тры сестрыци, одна вычирня, друга полуношна, а третя свитова, дайте мени гоману [4]) на мое густе молоко, на билый сыръ, на жовте масло». Рано корова выпыва видро. Счыстокъ бере (знахарка) въ зубы и обходыть тры разы корову и по-пидъ нею тры разы пролазыть въ одній сорочци, безъ очыпка и роспатлана, тоди счыстокъ оддается собаци, щобъ винъ иззивъ и изъ собакы видьма не возме вже корысти, особенно изъ пса. Тоди вертять дирочку въ рози и туда кладуть ладанъ и свячены макъ и забывають осыковымъ колочкомъ, зробленнымъ изъ той гылькы, котора стояла на покути на св. недилю (на Троицу). Тоди доять молозыва, змишують его зъ сажою и цидять крызь осыкову дудочку, зроблену изъ осыкы и оддають корови. Така корова уже заправлена, у неи нихто не одбере корысти (молока) и нихто не наврочыть.

Записалъ К. Д. Морозъ въ м. Глодоссы елисав. у.

Сообщ. В. Ястребовъ.

---

[1]) Освященную вмѣстѣ съ пасхою.

[2]) Чтобы былъ толстый слой сливокъ. К. М.

[3]) Подъ открытымъ небомъ. К. М.

[4]) Я думаю, что—посудина. К. М.

Сборъ съ православныхъ помѣщиковъ на постройку Кіевскаго костела. Существующій въ Кіевѣ католическій костелъ св. Александра заложенъ въ 1817 году, но за недостаткомъ средствъ постройка его продолжалась очень долго, и хотя зданіе окончено было въ 1838 году, тѣмъ не менѣе еще въ теченіе четырехъ лѣтъ онъ не могъ быть освященъ. Это непонятное равнодушіе къ своей единственной Кіевской святыни со стороны тогдашняго католическаго населенія, среди котораго въ тѣ времена числилось столько богатыхъ и вліятельныхъ людей, принудило наконецъ предводителей дворянства кіевской губерніи прибѣгнуть къ такой экстраординарной мѣрѣ, какъ раскладка потребной на окончаніе костела суммы между всѣми помѣщиками губерніи, безотносительно къ ихъ вѣроисповѣданію. Въ архивѣ извѣстной основательницы кіевскаго Сулиминскаго дома для бѣдныхъ, Ульяны Степановны Ловцовой, по первому браку Сулиминой, владѣвшей м. Мотыжиномъ и другими деревнями въ кіевскомъ уѣздѣ, мы нашли слѣдующее оффиціальное (на бланкѣ и за номеромъ) предложеніе отъ уѣзднаго предводителя дворянства, помѣченное 16 апрѣля 1842 года:

«Милостивая Государыня Ульяна Степановна!

Г. кіевскій губернскій предводитель дворянства увѣдомилъ меня, что во время минувшихъ выборовъ гг. уѣздные предводители постановили: предложить гг. помѣщикамъ взнести изъ каждаго уѣзда по 1200 р. ассигн. на пополненіе недостающей суммы къ совершенному окончанію уже выстроенной въ г. Кіевѣ католической церкви; а послѣ того, извѣщая меня, что уже многіе уѣзды взнесли предположенныя деньги, и если прочіе уѣзды сіе исполнятъ, то богослуженіе въ той церкви начнетъ совершаться въ нынѣшнемъ году непремѣнно, проситъ моего ходатайства объ ускореніи взноса помянутыхъ 1200 рублей ассигн. денегъ. Сообщая объ этомъ Вашему высокородію, я не нахожу нужнымъ принимать особеннаго по сему предмету ходатайства, ибо остаюсь въ полной увѣренности, что вы, милостивая государыня, по искреннему расположенію къ богоугоднымъ дѣламъ, охотно пріймете участіе въ пожертвованіи на изъясненную надобность и деньги не оставите прислать ко мнѣ въ возможной скорости. Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть вашего высокородія покорнѣйшимъ слугою *В. Бутовичъ*».

Чтобы оцѣнить всю необычайность этого обращенія, надобно знать, что и кіевскій уѣздный предводитель дворянства В. Бутовичъ

былъ человѣкъ православный, и У. С. Сулимина (въ то время вдова послѣ перваго брака), урожд. Вишневская, не только изъ дѣда и прадѣда была кровной малороссіянкой, но сверхъ того такъ мало была расположена ко всему польскому и католическому, что, сдѣлавшись (путемъ покупки имѣній въ кіевскомъ уѣздѣ) помѣщицей югозападнаго края и присмотрѣвшись къ жалкому, униженному положенію православныхъ крестьянъ подъ властью польскихъ помѣщиковъ, представила въ 1853 г. на Высочайшее имя особую записку, въ которой доказывала крайнюю необходимость изданія спеціальнаго закона, чтобы помѣщики-католики были обязаны или принимать исповѣданіе, общее съ вѣрой ихъ крестьянъ, или продавать свои имѣнія въ казну, или же, въ крайнемъ случаѣ, владѣть населенными имѣніями не иначе какъ по особому, правительствомъ установленному, положенію, которое совершенно исключало бы всякую возможность насилій и угнетенія со стороны иновѣрныхъ владѣльцевъ по отношенію къ православному населенію края.

Сообщ. О. Л.

„Письмо изъ Житомира“. Въ 7 часовъ вечера въ помѣщеніи мужской гимназіи состоялось первое собраніе членовъ-учредителей возникающаго въ г. Житомирѣ «Общества изслѣдователей Волыни». Въ засѣданіе прибыло 13 человѣкъ, выразившихъ сочувствіе задачамъ организуемаго общества. Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ директора мужской гимназіи П. А. Сидорова. Заслушанъ былъ проектъ устава общества и тѣ указанія на проектъ, которыя были сдѣланы присутствующими членами общества, и прочитаны замѣчанія на проектъ нѣкоторыхъ изъ отсутствующихъ членовъ, прислашихъ свои замѣчанія (професс. Антоновича, Готфрида Оссовскаго и др.). Измѣненія, которыя предположено сдѣлать въ уставѣ общества, напеч. въ октябрѣ прошлаго 1896 года, касаются многихъ параграфовъ проекта устава, но въ особенности они касаются § 5. По существу предметовъ, входящихъ въ кругъ занятій общества, оно по прежнему проекту раздѣлялось на слѣдующія четыре секціи: естественныхъ наукъ, антропологическая, экономическая и историческая; по новой же редакціи: секція естественныхъ наукъ, къ которой отнесена и антропологическая, а затѣмъ—этнографическая, экономи-

ческая и историческая. Существенныя указанія измѣненій въ прежнемъ проектѣ сдѣланы въ засѣданіи г. О. И. Фотинскимъ и г. Григоріемъ Мачтетомъ.

Отъ души желаемъ процвѣтанія и успѣха возникающему обществу.

Отзывъ гр. А. К. Толстого о малорусской народной музыкѣ.

Въ одномъ изъ писемъ графа А. К. Толстого, напечатанныхъ въ апрѣльск. кн. Вѣстн. Евр. с. г., читаемъ: «мой двоюродный братъ [1]) пріѣхалъ изъ Малороссіи и привезъ съ собою такіе великолѣпные національные мотивы! Они мнѣ перевернули сердце.... Никакая національная музыка не выразила свою народность съ такимъ величіемъ и силой, какъ малороссійская музыка, даже лучше великороссійской, которая такъ выразительна.

Слушая ее, ты бы постепенно видѣла открывающуюся передъ тобою всю исторію Малороссіи, ты бы лучше поняла характеръ народностей, чѣмъ читая Гоголя или Конисскаго»...

Поправка.

Въ № 3 «Кіев. Стар.» за 1897 г. въ замѣткѣ «*Измѣненія текста «Энеиды» И. П. Котляревскаго*» вкралась при печатаніи ошибка. На страницѣ 74 въ примѣчаніи приводится точное заглавіе перваго изданія «Енеиды», при чемъ напечатано такъ: «*Малорусская* Енеида», «Енеида на *малорусскій* языкъ перелиціованная». Это ошибка: въ книгѣ напечатано: «*Малороссійская* Енеида», «на *малороссійскій* языкъ». Хотя ошибка и небольшая, но все же считаемъ нужнымъ ее исправить, такъ какъ она относится къ книгѣ, имѣющей для насъ особое значеніе.

Б. Гринченко.

---

[1]) Левъ Михайловичъ Жемчужниковъ?

Библіографія.

Звуковыя и формальныя особенности народныхъ говоровъ Холмской Руси. Обзоръ, съ приложеніемъ образцовъ народныхъ говоровъ. В. Шимановскаго. *Варшава. 1897. Стр. II+106+XXXII.*

Авторъ названной книги говоритъ въ своемъ предисловіи къ ней, что «многія причины даютъ право Холмскимъ говорамъ на особенное вниманіе къ нимъ со стороны языковѣдовъ», съ чѣмъ, конечно, нельзя не согласиться, хотя авторъ и не даетъ спеціальнаго поясненія этихъ причинъ.

Изложенію особенностей «холмскихъ» говоровъ предпосланъ краткій перечень источниковъ, коими пользовался авторъ при составленіи своего труда. Они состояли главнымъ образомъ изъ свѣдѣній о мѣстныхъ говорахъ, доставленныхъ автору въ видѣ отвѣтовъ на разосланную имъ программу, а также изъ нѣкоторыхъ печатныхъ источниковъ. Свѣдѣнія перваго рода добыты авторомъ изъ указанныхъ имъ въ книжкѣ мѣстностей красноставскаго, бѣлгорайскаго, холмскаго и грубешовскаго уу. люблинской губ., радынскаго, бѣльскаго и влодавскаго уу. сѣдлецкой губ.

Обзоръ діалектическихъ особенностей языка этихъ мѣстностей, а равно и другихъ, населенныхъ южноруссами въ предѣлахъ люблинской и сѣдлецкой губ., состоитъ изъ двухъ главныхъ отдѣловъ: фонетическаго (гласные зв. 11—47 стр., согласныя 47—74 стр.) и морфологическаго (74—102 стр.) и заключается «общими выводами» автора (103—106 стр.).

Не входя въ разсмотрѣніе изслѣдованій автора о языкѣ названныхъ мѣстностей, мы отмѣтимъ только сдѣланные имъ изъ нихъ об-

щіе выводы. Послѣдніе сводятся у автора къ 4 главнымъ положеніямъ: *Во 1-хъ*, что общія черты разсматриваемыхъ говоровъ развились самостоятельно, а не подъ вліяніемъ сосѣдней польской рѣчи. Воздѣйствію послѣдней авторъ приписываетъ лишь употребленіе въ этихъ говорахъ «сложной формы прошедшаго времени» (напр. ходывэмъ= галицкому ходывъ—емъ и т. п.) [1]) и отвердѣніе *р*. Такое мнѣніе объ этихъ явленіяхъ не ново, но нельзя сказать, чтобы оно отличалось критической доказательностію и обоснованностію. Дѣйствительное же вліяніе польской рѣчи сказалось, повидимому, главнымъ образомъ въ замѣченныхъ авторомъ нѣкоторыхъ лексикальныхъ заимствованіяхъ изъ послѣдней. *Во 2-хъ*, что въ такъ называемой авторомъ «Холмской Руси» существуетъ собственно два говора (точнѣе бы сказать—двѣ группы говоровъ): собственно—холмскій и подлясскій; при чемъ существенное отличіе послѣдняго отъ перваго составляютъ, по мнѣнію автора, *дифтонги* (*іа*, *іе*, *уо* и т. п.). *Въ 3-хъ*, что наиболѣе характерными особенностями этихъ говоровъ являются слѣдующія: а) такъ называемое авторомъ «пониженіе вокализма», выразившееся въ явленіяхъ перехода «широкихъ открытыхъ гласныхъ въ узкіе»: *я* (*а*) въ *е*, *о* въ *у* (взів вм. взяв, кузак вм. козак); хотя, какъ показываютъ данныя этихъ говоровъ, тотъ и другой переходъ представляютъ существенныя разницы въ количественномъ и качественномъ отношеніяхъ и не связаны другъ съ другомъ какимъ либо единствомъ общихъ фонетическихъ условій и факторовъ. (Есть вообще млр. говоры, сильно развившіе одинъ изъ этихъ переходовъ и крайне ограничивающіе у себя другой); б и в) «отвердѣніе» въ большинствѣ говоровъ гласныхъ *е* и *и*, а также—вообще—гласныхъ, явившихся на смѣну «основныхъ закрытыхъ *о*, *е* и *ъ*»; хотя тутъ же говорится у автора, что гласные *е* и *и*, явившіеся не только на мѣстѣ *я* (*а*), но и на мѣстѣ основныхъ закрытыхъ *о* и *е*, звучатъ мягко; а звуки, замѣняющіе гласный *ъ*, какъ видно изъ данныхъ языка, во многихъ разсматриваемыхъ говорахъ представляютъ только рѣдкое спорадическое отвердѣніе, и г) какъ на выдающіяся черты консонантизма, указано на «неустойчивость закона уподобляемости согласныхъ» (рідкий, а не рітkий, при лісти вм. лізти и т. п.?), твердость *р* и «ерацію» губныхъ передъ мягкими гласными «въ тѣхъ случаяхъ, когда въ в.-рус. это сочетаніе производится при посредствѣ *ь*» (*пью*, а не *пью* и т. п.?), хотя означенныя черты, какъ извѣстно, не чужды также и другимъ млр.

[1]) Эти и всѣ дальнѣйшія поясненія въ скобкахъ принадлежатъ намъ.

говорамъ. Авторъ говоритъ, что нѣкоторыя звуковыя особенности, роднящія разсматриваемые имъ говоры съ бѣлорусскими, заставляютъ считать ихъ *переходными* отъ послѣднихъ къ малорусскимъ. Но если подобный характеръ можно приписывать, пожалуй, отчасти нѣкоторымъ подлясскимъ говорамъ (и то какъ переходнымъ отъ малорусскихъ къ б. русскимъ, а не наоборотъ), то холмскіе говоры не даютъ для этого никакихъ основаній. *Въ 4-хъ*, наконецъ, что нѣкоторыя звуковыя и формальныя особенности всѣхъ этихъ говоровъ представляютъ болѣе или менѣе значительную давность. Къ таковымъ особенностямъ, восходящимъ, по утвержденію автора, своимъ началомъ къ XII—XIII вв., относятся случаи: постановки *е* вм. *я*; замѣны *и* чрезъ *ы* и, наоборотъ, *ы* вм. *и*—послѣ гортанныхъ; «перегласованія закрытыхъ *о* и *е*»; появленія *у* вм. *о*; твердости *р*; написаній *еща*, *вовьця*, *багать*; а равно постановки неорганическаго *ъ* въ 1 и 2 лл. мн. ч. повел. накл. и вліянія формъ мягкаго склоненія прилагательныхъ на формы твердаго, которому авторъ приписываетъ (см. стр. 89) образованіе такихъ фф., какъ *білэе*, *білэ* вм. *білое*, а также *русэі* вм. *русої*, *червонэю* вм. *червоною* и т. п. (по предполагаемой, должно быть, аналогіи съ такими фф., какъ *синее*; *синеі—ею* или *чужее*; *чужеі—ею*), тогда какъ, наоборотъ, въ этихъ говорахъ (см. стр. 90) *е* въ мягкомъ склоненіи само переходитъ въ *о* (*ё*): *синёе*, *синёї* и т. п.

Такъ какъ всѣ почти отмѣченныя здѣсь черты, съ одной стороны, въ той или иной степени, присущи также и разнымъ другимъ малорусскимъ говорамъ, а съ другой—не составляютъ въ одинаковой мѣрѣ общаго и наиболѣе характернаго достоянія всѣхъ разсматриваемыхъ авторомъ холмскихъ и подлясскихъ говоровъ, то онѣ, очевидно, недостаточны для индивидуальной характеристики послѣднихъ (составлявшей однако, повидимому, спеціальную задачу автора) и по нимъ нельзя составить себѣ опредѣленнаго представленія о томъ, по скольку эти говоры выдѣляются въ какую либо особую группу, составляющую ли органическую часть малорусскаго діалекта, или являющуюся переходнымъ звеномъ отъ него къ бѣлорусскому діалекту, какъ это полагаетъ авторъ, но съ чѣмъ, какъ сказано выше, не возможно согласиться.

Приложенные къ труду автора образцы говоровъ представляютъ значительный интересъ. Всѣ они записаны въ люблинской губ. (въ 6 мѣстахъ холмскаго у., 4-хъ грубешовскаго, 2-хъ бѣлгорайскаго и 4-хъ томашовскаго) и передаютъ живую рѣчь, повидимому, довольно

точно, хотя принятая для нихъ транскрипція не всегда выдержана съ надлежащею послѣдовательностію.

Во всякомъ случаѣ трудъ автора заслуживаетъ вниманія, и слѣдуетъ быть признательными ему за ознакомленіе публики съ мало изслѣдованными еще говорами этого окраиннаго уголка Южной Руси.

К. М.

Записки наукового товариства імени Шевченка. *Виходять у Львові під редакциею Михайла Грушевського. Том XIV (1897, кн. VI) стр. 200.—Том XV (1897, кн. I). Стр. 190* [1]*).*

Какъ видно изъ напечатанныхъ въ XIV и XV т. т. «Записокъ» протоколовъ общихъ собраній членовъ «Общества имени Шевченка» 20 декабря 1896 г. и 2 февраля 1897 г., это симпатичное и въ высшей степени полезное научное учрежденіе переживало въ сказанный промежутокъ времени критическіе моменты, что обусловливалось особенностями галицкихъ отношеній. Судя по протоколамъ, въ средѣ членовъ общества рѣзко обнаружились два противоположныя теченія, и спокойной научной работѣ на полѣ родной литературы грозилъ неожиданный перерывъ. Какъ извѣстно, въ типографіи общества печатались до настоящаго года, между прочимъ, двѣ политическія газеты: «Діло» и «Батьківщина». Значительная задолженность редакціи «Діла» обществу по типографіи не разъ служила предметомъ обсужденія, но послѣ того, какъ въ газетѣ «Буковина» появились инсинуаціи по поводу отношеній «Общества» къ «Ділу», вице-президентъ галицкаго школьнаго совѣта заявилъ, что «Обществу» слѣдовало-бы отказаться отъ печатанія въ своей типографіи политическихъ газетъ, въ противномъ случаѣ правительство откажетъ Обществу въ субсидіи и въ печатаніи учебниковъ. Комитетъ общества послѣдовалъ этому приглашенію, но 15 членовъ заявили протестъ, и вопросъ былъ внесенъ въ чрезвычайное общее собраніе $^{8}/_{20}$ декабря 1896 г. Во время дебатовъ указывалось на то, что «Общество» вначалѣ основано было для содѣйствія малорусскимъ галицкимъ изданіямъ и что не слѣдуетъ допускать посторонняго вмѣшательства въ дѣла учрежденія; на это возражали, что сила солому ломитъ и что обществу трудно суще-

[1]) Отчетъ о прежнихъ 13 т. „Записокъ“ въ „Кіев. Стар.“ 1895 г. №№ 11 и 12, 1896 г. №№ 2, 5 и 10 и 1897 г. № 1.

ствовать безъ поддержки правительства при настоящемъ политическомъ положеніи галицко-русскаго народа, что отказъ въ печатаніи газетъ не равносиленъ нарушенію научной независимости «Общества» и т. д. На голосованіе поставлены были три резолюціи: перейти къ очередному порядку (40 голосовъ противъ 41); выразить порицаніе комитету за отказъ печатать «Діло» вслѣдствіе посторонняго давленія (13 противъ 63); поручить комитету продолжать печаніе «Діла и «Батьківщини» при условіи правильной уплаты (44 противъ 35). Послѣ такого результата голосованія комитетъ заявилъ, что не можетъ выполнить этого порученія, и сложилъ полномочія. Предсѣдатели секцій общества проф. Верхратскій, Грушевскій и д—ръ Франко также отказались отъ своихъ званій, признавая поведеніе комитета правильнымъ. Собраніе разошлось ничего не рѣшивши, а комитетъ оставленъ былъ временно до новаго собранія, которое состоялось 2 февраля 1897 года. Изъ представленнаго отчета за 1896 г., между прочимъ, видно, что общество получило субсидіи отъ министерства просвѣщенія 2000 гульд. и отъ школьнаго галицкаго совѣта 2500 гульд. Голова «Общества» г. Ал. Барвинскій возбудилъ предъ правительствомъ и рейхсратомъ ходатайство объ увеличеніи субсидіи до 5000 гульд., но въ бюджетъ 1897 г. субсидія вовсе не включена. Средства общества употреблены главнымъ образомъ на научныя изданія и литературную газету «Зорю», на изданія малорусской «Системы австрійскаго гражд. права» въ переводѣ покойнаго Алекс. Огоновскаго, на преміи за лучшія работы для «Зорі» и т. п. Обществу порученъ министерствомъ переводъ на малорусскій языкъ новаго устава австр. гражд. судопроизводства. Членовъ числилось 283. Бюджетъ за 1896 годъ составлялъ свыше $63^1/_2$ тыс. гульденовъ.—На собраніе 2 февраля явилось болѣе 90 членовъ. Вмѣсто отказавшагося Ал. Барвинскаго головою общества избранъ проф. М. Грушевскій, который высказалъ, что всѣ свои силы положитъ на дальнѣйшее развитіе научной дѣятельности «Общества» въ виду громаднаго культурно-общественнаго значенія науки вообще и въ особенности для развитія галицко-русскаго народа. Декабрьское голосованіе показало, что такое направленіе не нашло должной оцѣнки въ большинствѣ собравшихся членовъ и что многіе готовы пожертвовать научнымъ значеніемъ «Общества» ради политической манифестаціи. Между тѣмъ, научное общество не можетъ служить ареною для политики, какими-бы похвальными чувствами послѣдняя ни руководствовалась. Если собраніе будетъ настаивать на декабрьскомъ рѣшеніи, то г. Грушевскій отказывается отъ участія въ Обществѣ,

не смотря на оказанную ему высокую честь. Онъ стоялъ и стоитъ на одномъ: научное общество для науки, исключительно. Деп. Романчукъ и д-ръ Лагодинскій заявили, что, подавъ голоса за г. Грушевскаго, человѣка далекаго отъ политики и отдавшагося исключительно наукѣ, они желали поставить общество на чисто научную почву и устранить всякія политическія подозрѣнія.—Такимъ образомъ инцидентъ былъ исчерпанъ, и продолженіе научной дѣятельности «Общества» на текущій годъ обезпечено привлеченіемъ прежнихъ работниковъ на этомъ усыпанномъ терніями полѣ.

Въ настоящихъ двухъ томахъ «Записокъ» находимъ продолженіе монографіи г. Конискаго по жизнеописанію Т. Г. Шевченка: «Тарасъ Шевченко во время пребыванія въ Петербургѣ» (1858 и 1859 г.г) (XIV, 1—42) и «Послѣдняя поѣздка Т. Шевченка на Украйну» (1859 г.) (XV, 1—35). Независимо отъ литературныхъ достоинствъ этихъ очерковъ, заслуга автора заключается въ тщательномъ подборѣ появившихся извѣстій о жизни поэта въ этотъ періодъ, извѣстій нерѣдко трудно доступныхъ, позабытыхъ, и въ умѣніи сгруппировать ихъ въ цѣльную картину. Безъ сомнѣнія, всѣ очерки г. Конискаго выйдутъ отдѣльной книгой, и тогда надѣемся дать о нихъ подробный отчетъ, дополнивъ нѣкоторыми новыми данными, которыми біографъ не могъ располагать по независящимъ отъ него причинамъ.

Изъ прочихъ статей «Записокъ» слѣдуетъ отмѣтить очеркъ г. Ом. Терлецкаго: «Козаки въ Бѣлоруссіи въ 1654—1656 г.г.» Авторъ съ большимъ вниманіемъ собралъ всѣ доступныя для него данныя для характеристики козацкаго и московскаго урядовъ въ занятой Бѣлоруссіи и Литвѣ и отмѣтилъ взаимно недружелюбное отношеніе ихъ какъ въ военной, такъ и въ мирной политикѣ, постоянную коллизію, которая готова была разразиться вслѣдствіе различія интересовъ и навыковъ той и другой стороны въ эту тяжелую пору нашей исторіи. Хотя статья г. Терлецкаго требовала-бы нѣкоторыхъ дополненій для большей наглядности поставленныхъ тезисовъ, но для этого необходимы архивныя изслѣдованія. Тѣмъ не менѣе, поставленный авторомъ для обработки мало выясненный въ наукѣ вопросъ иллюстрированъ весьма добросовѣстно и статья читается съ живѣйшимъ интересомъ.

Г. С. Томашевскій, въ статьѣ: «Самуилъ Казиміръ Кушевичъ, райца львовскій, и его записная книжка» даетъ (XV, 1—24) не лишенныя интереса выдержки изъ неизданной книги Кушевича для характеристики быта и исторіи г. Львова въ эпоху Хмельницкаго. Книжка хранится въ библіотекѣ института Оссолинскихъ. Судя по приведен-

нымъ выдержкамъ, которыя служатъ основой статьи г. Т., желательно было-бы полное изданіе этого любопытнаго памятника. Томуже г. Т—му принадлежатъ «Матеріалы для исторіи Хмельниччины» въ XIV т. «Записокъ», именно универсалы кн. Іер. Вишневецкаго, кн. Владислава Острожскаго и Заславскаго, Ст. Лянцкоронскаго, кор. Яна Казимира и М. Потоцкаго 1648—1650 г.г. къ шляхтѣ русскаго воеводства по поводу военныхъ сборовъ противъ Хмельницкаго. Матеріалы эти извлечены изъ львовскаго бернардинскаго архива и снабжены пояснительнымъ введеніемъ издателя.

Г. Грушевскій издалъ галицкій пѣсенникъ начала XVIII в. (XV, 1—48) и нѣсколько галицкихъ же духовныхъ виршъ, записанныхъ въ Яворовѣ въ 70-хъ годахъ (XIV, 1—16).

Въ отдѣлѣ библіографіи находимъ обзоръ содержанія болѣе 40 журналовъ и рецензіи на 53 книги, брошюры и статьи по исторіи и литературѣ южнорусскаго народа.

Н. М.

Русскія древности въ памятникахъ искусства, издаваемыя гр. К. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Выпускъ пятый. Курганы, древности и клады домонгольскаго періода. *Спб. 1897.*

Извѣстное изданіе гр. Толстого и пр. Кондакова, начатое еще въ 1889 г., все больше и больше приближается къ осуществленію основной задачи—«представить историческое образованіе и развитіе *древне-русскаго* искусства». За первыми тремя выпусками, посвященными классическимъ древностямъ южной Россіи, древностямъ скиѳо-сарматскимъ и древностямъ временъ переселенія народовъ, послѣдовалъ четвертый, посвященный христіанскимъ древностямъ Крыма, Кавказа и Кіева; теперь, послѣ довольно продолжительнаго перерыва, вышелъ выпускъ пятый, заглавіе котораго приведено выше. Настоящій выпускъ, предметомъ котораго служитъ изображеніе «жизни и быта древней Руси въ эпоху до нашествія монголовъ», представляетъ особенный интересъ не только для исторіи русскаго искусства, но и для русской исторіи вообще; онъ заключаетъ обзоръ всѣхъ археологическихъ находокъ домонгольскаго періода и попытку ихъ систематическаго объясненія.

Все сочиненіе можетъ быть раздѣлено на четыре части. Въ первой (стр. 1—48) заключается изложеніе общихъ соображеній ав-

тора о древне-Русскомъ искусствѣ и отразившейся въ немъ культурѣ древняго періода; вторая (49—94) посвящена описанію замѣчательнѣйшихъ курганныхъ находокъ; третья (95—124)—описанію важнѣйшихъ кладовъ; наконецъ, четвертая (125—163) представляетъ попытку обобщенія и систематизаціи описанныхъ выше археологическихъ предметовъ. Такъ какъ основныя положенія автора изложены преимущественно въ первой и, отчасти, въ четвертой части, то, для ознакомленія съ содержаніемъ книги, мы остановимся исключительно на этихъ статьяхъ.

Высказавъ свое мнѣніе объ отсутствіи въ современной наукѣ ясныхъ представленій о бытѣ и культурномъ состояніи древней Руси, пр. Кондаковъ указываетъ на многочисленныя археологическія находки послѣднихъ десятилѣтій, какъ на драгоцѣнный матеріалъ для пополненія указаннаго пробѣла. «Вся масса древностей, говоритъ онъ, открытыхъ и открываемыхъ вновь, уже теперь, при множествѣ всякаго рода пробѣловъ, если и не укладывается въ связную систему, о чемъ пока невозможно и помышлять, то все же поражаетъ наблюдателя своею видимою цѣльностью, своимъ ощутимымъ единствомъ» (стр. 4). «Но наблюдаемое нами единство русскихъ древностей, продолжаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, не составляетъ однообразія, и потому слѣдуетъ считать, что разныя формы, вообще различныя культуры существовали одновременно, какъ существуютъ онѣ и теперь, но только взаимно соприкасаясь одна съ другою или обмѣниваясь взаимно предметами быта и искусства» (8—9). Изученіе всѣхъ этихъ формъ, едва только начатое, должно повести къ очень важнымъ выводамъ. «Изслѣдованіе о вещественныхъ древностяхъ слѣдуетъ поставить на почву анализа художественныхъ формъ въ ихъ историческомъ развитіи, выставить вопросъ о стилѣ предметовъ, ихъ группировкѣ съ этой стороны, о типахъ и ихъ происхожденіи, достигая общаго обозрѣнія предметовъ съ точки зрѣнія бытовой, торговой, сословно-гражданской, религіозной, а также художественной, вводя предметы русской древности въ общую науку исторіи искусства» (10). Возможный при настоящемъ состояніи русской археологіи отвѣтъ на поставленные вопросы и составляетъ задачу настоящаго труда.

Основное положеніе изслѣдованія состоитъ въ признаніи довольно высокаго уровня культурнаго развитія русскаго народа въ домонгольскій періодъ. «Въ собственно-русскихъ древностяхъ, по словамъ пр. К., нѣтъ вещей такъ называемаго примитивнаго характера» (10); напротивъ того, между ними встрѣчаются предметы, свидѣтель-

ствующіе о высокой степени культуры; при томъ многіе изъ этихъ предметовъ—мѣстнаго производства; «самыя утонченныя художественныя производства существовали въ Кіевѣ, ими занимались русскіе мастера, и при томъ въ широкихъ размѣрахъ, и распространяли свое производство въ Рязань, Суздаль» (10). Стиль художественныхъ и бытовыхъ предметовъ вырабатывался подъ вліяніемъ различныхъ народностей, съ которыми славяне послѣдовательно приходили въ соприкосновеніе. Поэтому развитіе древне-русскаго искусства представляетъ смѣну трехъ типовъ—восточнаго, занесеннаго въ эпоху переселенія народовъ и затѣмъ поддерживаемаго торговыми сношеніями съ Среднею Азіею, Кавказомъ, Персіею, Малою Азіею; типъ этотъ характеризуется развитіемъ т. наз. «звѣринаго орнамента». Арабское вліяніе приноситъ съ собою орнаментъ геометрическій и растительный (арабескъ). Впослѣдствіи преобладающимъ является византійское вліяніе, проникавшее сначала изъ Корсуня, а впослѣдствіи—непосредственно изъ Византіи. «Подъ именемъ «корсунскаго» въ древней Руси разумѣли все рѣдкое, изящное, но и чудное, старинное, и, въ отличіе отъ «цареградскаго», которое было символомъ утонченнаго, высокаго въ техническомъ отношеніи, «корсунское» было почти равнозначущимъ съ «архаическимъ» (26). Описавъ затѣмъ нѣкоторыя характерныя произведенія корсунскаго стиля, авторъ переходитъ къ искусству византійскому и съ особенною подробностью останавливается на двухъ наиболѣе характерныхъ для этого искусства производствахъ—перегородчатыхъ эмалей и скани. Характеристика главныхъ типовъ русскихъ древностей сопровождается описаніемъ нѣкоторыхъ наиболѣе выдающихся произведеній древняго искусства. Особенно подробно описаны два турьихъ рога въ серебряной оправѣ, найденные въ Черниговѣ, которые пр. К. считаетъ произведеніемъ кіевскихъ мастеровъ IX вѣка, представляющимъ подражаніе восточному звѣриному стилю (14)—и Шапка Мономаха, которую онъ признаетъ образцовымъ произведеніемъ византійскаго сканнаго дѣла XII ст., выполненнымъ не въ Константинополѣ, а «или въ Малой Азіи, или на Кавказѣ, или въ Херсонесѣ,—словомъ въ мѣстности, гдѣ византійское искусство XI—XII в. соприкасалось съ развитымъ арабскимъ орнаментомъ (48).

Вторая и третья части сочиненія, какъ замѣчено выше, представляютъ описаніе различныхъ курганныхъ находокъ и кладовъ. Четвертая—даетъ подробное описаніе и анализъ различныхъ художественныхъ формъ, встрѣчающихся среди курганныхъ находокъ и кладовъ; каковы—діадемы, гривны, бармы, цѣпи, серьги, перстни,

вѣнцы, фибулы, ожерелья, подвѣски, браслеты, пояса, кантарги (коробочки), змѣевики.

Таково содержаніе книги. Обиліе изслѣдованнаго матеріала, множество цѣнныхъ замѣчаній объ отдѣльныхъ находкахъ, ихъ распредѣленіи по территоріи, сравнительное изученіе ихъ, дающее возможность объяснить ихъ происхожденіе, изслѣдованіе главныхъ художественныхъ формъ и стилей, наконецъ, попытка обобщить собранный матеріалъ въ одну по возможности цѣльную картину—все это придаетъ большой интересъ разсматриваемой книгѣ. Имя пр. Кондакова, давно уже пріобрѣвшаго извѣстность спеціальными изслѣдованіями по исторіи искусства, преимущественно византійскаго и русско-византійскаго, придаетъ книгѣ еще большее значеніе.

Но, на ряду со всѣми указанными достоинствами, не можемъ не указать и нѣкоторыхъ серьезныхъ недостатковъ. Всякому спеціалисту свойственно увлекаться своею спеціальностію и преувеличивать ея значеніе. Не свободенъ отъ подобнаго увлеченія и пр. Кондаковъ. Онъ придаетъ археологіи какое-то исключительное значеніе и съ одной стороны игнорируетъ труды изслѣдователей русской старины, не пользовавшихся данными археологіи, съ другой—на основаніи археологическихъ изслѣдованій приходитъ иногда къ положеніямъ, противорѣчащимъ выводамъ другихъ ученыхъ о жизни русскаго народа въ древнія времена. Подтвердимъ сказанное фактами. Уже на первой страницѣ мы встрѣчаемъ полное игнорированіе трудовъ русскихъ историковъ. «Жизнь и бытъ древней Руси въ эпоху до нашествія монголовъ, говоритъ пр. К., представляютъ картину наиболѣе темную для историка, рисующаго доселѣ внутреннее состояніе русскаго общества въ это время сырыми, безжизненными тонами общихъ мѣстъ на темномъ фонѣ примитивнаго варварства. Какое-то безмолвное согласіе, установившееся издавна, и общій отказъ отъ надежды найти въ этой жизни какіе-либо важные интересы примиряютъ, въ данномъ случаѣ, между собою всѣхъ теоретиковъ» (1). Такое смутное представленіе о внутренней жизни народа авторъ объясняетъ тѣмъ, что «еще такъ недавно мы совершенно не знали русскихъ курганныхъ древностей». Мы рѣшительно затрудняемся понять приведенное разсужденіе. Если-бы рѣчь шла только о *доисторическомъ* бытѣ славянъ, то и въ такомъ случаѣ отзывъ пр. К. нельзя не признать преувеличеннымъ; но сказать, что жизнь и бытъ *удѣльно-вѣчеваго періода* «рисуются до сихъ поръ сѣрыми безжизненными тонами общихъ мѣстъ»—значитъ совершенно игнорировать труды историковъ,

этнографовъ, юристовъ, историковъ литературы, относящіеся къ разсматриваемому періоду. Односторонность приведеннаго мнѣнія тѣмъ очевиднѣе, что самъ пр. К. «смотритъ на археологію русскихъ древностей, какъ на такого рода научную область, гдѣ все представляется въ крайней неполнотѣ, скорѣе даже отрывочности, а многое должно оставаться проблематичнымъ или и вовсе неизвѣстнымъ, и гдѣ поэтому не можетъ быть пока точныхъ опредѣленій времени и мѣста происхожденія предметовъ и формъ» (9).

Тѣмъ не менѣе пр. К., какъ мы видѣли уже изъ изложенія первой части его труда, находитъ возможнымъ теперь же сдѣлать нѣкоторые общіе выводы изъ разсмотрѣнныхъ имъ данныхъ русской археологіи. Выводы эти отличаются большою односторонностью и часто находятся въ противорѣчіи съ выводами другихъ изслѣдователей русской старины. Мы не будемъ останавливаться на «археологическомъ славянофильствѣ», которымъ проникнуты многія разсужденія пр. К.; эта черта прекрасно охарактеризована въ рецензіи пр. Анучина [1]). Но не можемъ не сказать, что большая часть положеній пр. К. представляется намъ или неясно формулированными, или недоказанными. Главнымъ недостаткомъ сочиненія представляется намъ отсутствіе ясныхъ хронологическихъ указаній, приводящее иногда къ большимъ недоразумѣніямъ. Такъ напр., возставая противъ общепринятаго будто бы мнѣнія о примитивномъ бытѣ русскихъ славянъ въ эпоху образованія государства, пр. К. опровергаетъ это мнѣніе богатствомъ археологическихъ находокъ въ Россіи и существованіемъ въ Кіевѣ «самыхъ утонченныхъ художественныхъ производствъ» (10). Здѣсь, очевидно, имѣются въ виду перегородчатыя эмали византійскаго типа; но изъ дальнѣйшаго изложенія мы видимъ, что пр. К. относитъ вліяніе византійскаго искусства къ XI и XII ст. (33), а не ко времени образованія государства. Правда, мы встрѣчаемъ у г. К. и попытку установить извѣстные періоды въ исторіи древне-русскаго искусства; но попытка эта сдѣлана въ очень неясной формѣ и не проведена черезъ все сочиненіе. «Для русской древности VIII—IX, X—XI, XI—XII ст.—говоритъ пр. К.—мы можемъ различить три особые типа, которые, господствуя въ данное время въ опредѣленномъ районѣ, распространяются затѣмъ шире, сливаются съ позднѣйшими или составляютъ

[1]) Русскія Вѣдомости 1897 г. № 105: „Крупный новый трудъ по исторіи русскаго искусства". Въ этой статьѣ, написанной вообще въ сочувственномъ тонѣ, указаны и другіе недостатки сочиненія—преувеличеніе значенія археологіи, преждевременность нѣкоторыхъ выводовъ, крайне смѣлыя сближенія.

характерную примѣсь въ чуждой имъ мѣстности» (11). Но мысль эта не проведена въ послѣдующемъ изложеніи: такъ, на стр. 14 мы уже встрѣчаемъ отзывъ о русскихъ древностяхъ VIII—X ст., на стр. 33—XI—XII ст.; самое дѣленіе на три періода какъ-то стушевывается и сводится, повидимому, къ двумъ — восточному и византійскому. Не давая точныхъ хронологическихъ опредѣленій русскихъ древностей, пр. К. не даетъ, и даже не пытается дать, опредѣленій этнографическихъ. Въ древній періодъ онъ находитъ невозможнымъ различать племенныя особенности въ различныхъ могильникахъ (12), хотя другіе археологи, какъ извѣстно, довольно ясно установили типы погребенія и характеръ могильныхъ находокъ нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ, при чемъ нѣкоторыя археологическія находки опровергаютъ огульное заключеніе пр. К. объ отсутствіи въ русскихъ древностяхъ вещей примитивнаго характера (напр., упоминаемыя и пр. К. на стр. 69 глиняные горшки, сдѣланные *безъ гончарнаго круга*). Впрочемъ, самъ пр. К. замѣчаетъ «въ извѣстныхъ мѣстностяхъ у Сѣверянъ и Древлянъ [1]) особое характерное *оскудѣніе*, словно потокъ вещей откуда-то прежде шедшихъ (?) сталъ мелѣть» (12). Точно также не опредѣляются этнографически и даже не всегда группируются по мѣстностямъ находки болѣе поздняго времени (клады).

Большею опредѣленностью, какъ и слѣдовало ожидать, отличаются отзывы о произведеніяхъ русско-византійскаго искусства. Но и здѣсь не обходится безъ неясности и противорѣчій. Такъ, на стр. 33 читаемъ: «Въ средѣ монументальнаго искусства оказывается наиболѣе труднымъ отличить византійскій типъ отъ его русскаго варіанта, и *пока* приходится принимать, согласно со скудными и темными свидѣтельствами лѣтописей, что всѣ произведенія монументальнаго искусства выполнялись у насъ греками, выписными или наѣзжими мастерами и артелями или подрядчиками изъ Византіи, при чемъ мраморы привозились изъ проконесскихъ ломокъ уже вполнѣ отдѣланными, а мусія покупалась пудами въ Константинополѣ, о чемъ есть прямыя свидѣтельства, и исполнялась на мѣстѣ мозаичистами изъ Перы». Между тѣмъ относительно мелкихъ предметовъ искусства признается ихъ русское происхожденіе—главнымъ образомъ на основаніи характерной описки въ надписи кіевской діадемы: О АГІО ПАВЬЛЪ. «Эта ошибка ясно выдаетъ работу русскаго мастера и въ этомъ отношеніи является по истинѣ драгоцѣннымъ свидѣтельствомъ того, что въ Кіевѣ русскіе мастера X и XI в. производили эмаль». (125). Но почему въ такомъ случаѣ не допустить *теперь же*, что русскіе мастера строили храмы и производили мозаичныя работы,

[1]) Въ другомъ мѣстѣ (стр. 68—69), описывая могильники Древлянъ, Радимичей, пр. К. ставитъ при именахъ этихъ племенъ вопросительные знаки.

что подтверждается характеромъ мозаикъ Зл.-Михайловскаго монастыря и ихъ славянскими надписями?

Не можемъ не указать и на внѣшніе недостатки изложенія, отчасти общіе съ прежними выпусками—отсутствіе оглавленія и раздѣленія на главы, неполное соотвѣтствіе между текстомъ и рисунками (не всѣ рисунки объяснены въ текстѣ), отчасти новые—отсутствіе какихъ бы то ни было указаній на литературу предмета.

Не смотря на всѣ указанные недостатки, новое изданіе гр. Толстого и пр. Кондакова представляетъ цѣнный вкладъ въ русскую историческую литературу и заслуживаетъ самаго широкаго распространенія, какъ единственное сочиненіе, излагающее въ связной формѣ результаты множества археологическихъ изслѣдованій и представляющее первую попытку болѣе широкаго ихъ объясненія. Роскошная внѣшность изданія, множество (225) прекрасно выполненныхъ рисунковъ, поразительно дешевая цѣна (1 р.) еще болѣе обезпечиваетъ успѣхъ книги, первые выпуски которой давно уже составляютъ библіографическую рѣдкость.

В. Щербина.

Старина и Новизна. *Кн. I. Спб. 1897 г.*

Недавно возникшее общество ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III предприняло изданіе собственнаго органа, подъ названіемъ «Старина и Новизна», для періодическаго обнародованія собираемыхъ имъ историческихъ матеріаловъ, какъ для изученія недавняго прошлаго—жизни и царствованія императора Александра III, такъ и болѣе далекой отечественной старины. Предполагается помѣщать какъ обработанныя статьи, такъ и документы, снабженные необходимыми поясненіями. «Стар. и Нов.» будетъ выходить безсрочными выпусками по мѣрѣ накопленія матеріаловъ».

Судя по началу, изданіе это будетъ представлять значительный обще-историческій интересъ.

Въ настоящей первой книжкѣ его есть нѣкоторыя частности, имѣющія ближайшее отношеніе къ программѣ нашего журнала.

Въ одномъ изъ помѣщенныхъ въ сборникѣ писемъ Н. М. Карамзина къ князю П. А. Вяземскому, помѣченномъ 25 февраля 1820 года, исторіографъ отмѣчаетъ объемъ своихъ знаній по исторіи евреевъ въ Россіи. «Въ изданной мною исторіи—говоритъ Н. М. Карамзинъ—помѣщено все *извѣстное мнѣ* (курсивъ подлинника) о жидахъ въ древней Россіи; что съ X в. видимъ ихъ въ Тавридѣ, на Кавказѣ, въ Кіевѣ, а съ XIII в. и въ сѣверной Россіи откупщиками нашей монгольской дани» и т. д.

Въ одномъ изъ писемъ князя П. А. Вяземскаго къ П. Я. Чаадаеву помѣщенъ восторженный отзывъ о Гоголѣ, съ предположеніемъ дать о немъ болѣе обстоятельный печатный отзывъ, что и было исполнено помѣщеніемъ статьи «Языковъ и Гоголь» — въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1874 г. (П. собр. сочин. кн. П. А. Вяземскаго, т. II, стр. 304—334).

Въ сборникѣ помѣщены также въ высшей степени интересныя письма братьевъ Орловыхъ къ гр. П. А Румянцову.

По мнѣнію автора предисловія къ письмамъ, г. Барсукова, Румянцову тѣмъ полезнѣе было дружить съ Орловыми, которыхъ высоко цѣнила императрица Екатерина, что онъ самъ никогда не пользовался большимъ расположеніемъ и довѣріемъ Екатерины, которая такъ о немъ отзывалась: «онъ имѣетъ высокія достоинства, но двоякъ, и храбръ умомъ, а не сердцемъ», (Дневн. Храповицкаго, изд. Н. Барсукова, стр. 73).

Въ письмѣ, помѣченномъ іюнемъ 1769 г., графъ Григорій Орловъ поручаетъ вниманію Румянцова своего «генеральсъ-адъютанта премiеръ-маіорскаго чина» Николая Шарыгина, желавшаго попасть въ число членовъ малороссійской коллегіи.

Въ письмѣ отъ 11 марта 1770 г. графъ Иванъ Орловъ пишетъ между прочимъ: «первое (письмо), отъ 10 января, съ господиномъ асесоромъ Селецкимъ марта 8 получилъ, а второе, отъ 25 февраля, вчера. По первому я стараться буду, чтобы дѣти г. Селецкаго приняты были, сыновья въ кадетскій корпусъ, а дочь его въ Новодѣвичій монастырь (теперь Смольный институтъ), гдѣ, уповаю, и успѣю, по желанію вашему».

Иванъ Яковлевичъ Селецкій управлялъ однимъ изъ имѣній графа Румянцова, а братъ его, Лаврентій Яковлевичъ, въ 1786 году былъ малороссійскимъ почтъ-директоромъ.

Фактъ ходатайства Румянцова о дѣтяхъ Селецкаго важенъ въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ заботливъ былъ онъ о близкихъ и нужныхъ ему людяхъ, что не забывалъ о нихъ, несмотря на заботы государственной важности.

Въ заключеніе отмѣтимъ, что и нашъ журналъ сослужилъ маленькую услугу при составленіи первой книги «Старины и Новизны».

Въ прим. 116 къ письмамъ братьевъ Орловыхъ сообщаются краткія біографическія свѣдѣнія о князѣ Платонѣ Степановичѣ Мещерскомъ, который былъ при Румянцовѣ членомъ малороссійской коллегіи и «усерднѣйшимъ помощникомъ Румянцова въ его хозяйствѣ» по малороссійскимъ имѣніямъ, со ссылкой по этому поводу на статью А. М. Лазаревскаго о Румянцовѣ въ «Кіев. Стар.» 1896 г., декабрь, стр. 382.

Н. С.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

На дняхъ вышла въ свѣтъ книга:

ДРАМЫ И КОМЕДІИ И. ТОБИЛЕВИЧА

(Карпенка-Карого). Т. 1-й.

(Бурлака.—Бондаривна.—Розумный и дурень.—Наймычка.—Мартынъ Боруля). Ц. 1 р. 50 к.

Печатается и въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ 2-й томъ.

(Безталанна.—Сто тысячъ.—Грихъ и покаяння.—Палывода XVIII столиття) Ц. 1 р. 50 к.

Складъ изданія: Одесса, Пушкинская № 20.—Книжный магазинъ Южно-русскаго общества Печатнаго дѣла Книгопродавцамъ обычная уступка.

1835. — ОТКРЫТА ПОДПИСКА — 1897.

Большой семейный иллюстрированный и литературный журналъ

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ШЕСТЬДЕСЯТЪ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Возрастающая съ каждымъ годомъ распространенность журнала «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ», даетъ возможность, въ 1897 году, сдѣлать

важныя и существенныя улучшенія въ изданіи, не бывалыя до сихъ поръ ни въ одномъ журналѣ, заключающіяся въ увеличеніи литературнаго матеріала для чтенія въ четыре раза болѣе противъ прежнихъ лѣтъ и въ усовершенствованіи внѣшняго вида до изящества дорогихъ заграничныхъ изданій, не возвышая прежней скромной подписной платы, что, въ общемъ, дастъ гг. подписчикамъ—

— ДВА САМОСТОЯТЕЛЬНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ИЗДАНІЯ —

1) еженедѣльный, семейный художественно-литературный журналъ

52 иллюстрированныхъ нумера изящной литературы исключительно извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей. Каждый нумеръ состоитъ, въ общемъ, изъ $2^1/_2$—3-хъ листовъ большого формата, отпечатанныхъ на роскошной бѣлой бумагѣ съ 7—10 рисунками. 52

При нумерахъ журнала, между прочимъ, въ теченіе года выдается:

1. 52 нумера—«Хроника событій за недѣлю».—II. 12 нумеровъ «Парижскихъ новѣйшихъ модъ» съ рисунками.—III. 12 раскрашенныхъ картинъ (модные дамскіе костюмы и рукодѣлія).—IV. Рисунки для вышивки бѣлья, платьевъ, костюмовъ, шерстью, снурками, шелкомъ, золотомъ и проч.—V. 12 выкроекъ въ натуральную величину.—VI. Рисунки для выпиливанія (оригинальные) разныхъ изящныхъ предметовъ, полезныхъ въ хозяйствѣ.—VII. 12 новѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ (романсы, танцы и проч.)—VIII. Стѣнной календарь, отпечатанный цвѣтными красками и золотомъ.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ НОВОСТЬ ПРИ ЖУРНАЛѢ

ЕЖЕМѢСЯЧНО БУДЕТЪ ВЫДАНЪ ОДИНЪ НУМЕРЪ ЖУРНАЛА

съ картинами извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ,

отпечатанныхъ въ нѣсколько тоновъ цвѣтными красками

(ПО ОБРАЗЦУ ДОРОГИХЪ ЗАГРАНИЧНЫХЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ ИЗДАНІЙ).

2) ежемѣсячное литературное приложеніе

ДВѢНАДЦАТЬ БОЛЬШИХЪ ТОМОВЪ

Въ составъ которыхъ входятъ: новые историческіе, этнографическіе и современные романы, повѣсти, разсказы русскихъ и иностранныхъ писателей, а также стихотворенія научныя, сельско-хозяйственныя статьи, смѣсь и проч.

Ежемѣсячно выходитъ одинъ томъ (между 1 и 10 числами) изящно отпечатанный, въ форматѣ книгъ «Вѣстника Европы» и другихъ большихъ

дорогихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, въ размѣрѣ отъ 20 до 25 листовъ. Въ каждомъ томѣ помѣщаются только новыя литературныя произведенія, а не перепечатка старыхъ сочиненій. Въ каждомъ томѣ помѣщается обязательно одинъ или два законченныхъ романа, изъ коихъ нѣкоторые будутъ съ иллюстраціями и портретами.

Для 52 нумеровъ «Живописное Обозрѣніе» и книгъ, пріобрѣтены слѣдующія новыя оригинальныя произведенія извѣстныхъ и любимыхъ публикою русскихъ писателей.

Михайловъ, А. (А. К. Шеллеръ). «Лѣсъ дремучій», большой романъ.—Соловьевъ, Всев. Серг. (авторъ романовъ «Сергѣй Горбатовъ» и др.). «Угасшая звѣзда», романъ.—Полевой, П. Н. «Странный анекдотъ», большая повѣсть.—Ясинскій, І. І. («Максимъ Бѣлинскій») «Ясное утро». Большой романъ—Случевскій, К. К. «Мой дядя». Разсказъ.—Чеховъ, А. П. «Контрабандисты», больш. ром.—Голицынъ, Д. П. князь «Муравлинъ») «Рѣзаниновы». Ром. изъ больш. свѣта.—Гнѣдичъ, П. П. «Чужое». повѣсть.—Волконскій, М. Н. князь (бывшій редакторъ «Нивы»). «Дуэль», повѣсть.—Станюковичъ, К. М. Разсказъ.—Баранцевичъ, К. С. Большой разсказъ.—Тихановъ. В. А. (бывшій редакторъ «Сѣвера») «Нехорошее дѣло», романъ.—Щегловъ-Леонтьевъ. И. Л. «Неудача», повѣсть.—Станицкій (А. Е. Головачева) «Любимица», повѣсть.—Величко, В. Л. «Принципы», разсказъ.—Бажинъ, Н. Ѳ. «Часъ», повѣсть.—Мережковскій, Д. С. «Святой городъ», повѣсть.—Назарьева, К. В. «Болотные огоньки», большой романъ.—Рышковъ, В. А. «Старыя дѣвы», повѣсть.—Тангіева Е. А., княгиня. «Чужая тайна», большой романъ.—Лебедевъ, В. П. «Стрѣлецъ царя Алексѣя Михайловича», историческая повѣсть.—Леманъ, А. И. «Подвигъ», бол. ром.—Ѳедоровъ, А. М. «Въ степи», бол. ром.—Яковлева, З. Ю. «Кто виноватъ?», ром. Чюмина, О. Н. «Злыя чары», пов.—Красновъ, П. Н. «Между двухъ огней», романъ.—Максимовъ, А. К. «Такъ суждено», большой ром.—Свѣтловъ, В. А. «Черный призракъ», повѣсть.—Заринъ, А. Е. «Призваніе», больш. романъ.—Будищевъ, А. Н. «Рѣка Калхаисъ», повѣсть.—Ежовъ, М. Н. «Случайные гости» повѣсть.—Меньшиковъ Н.—«Игра судьбы», романъ. Н. «Игра судьбы» ром.—Уманецъ, Е. О. »За что?», повѣсть. Гербановскій, Т. М. «Солнышко пригрѣло» разсказъ.—Якунинъ-Захарьинъ, И. Н. «Сноха» разсказъ.—Леонтьевъ, Н. В. «Бродяжка», разсказъ.—Гиппіусъ, З. Н. «Неуловимая» разсказъ—Майковъ, М. «Друзья-соперники», разсказъ.—Измайловъ («Смоленскій»), А. А. «На зарѣ жизни».—Иловайскій, П. І. «Дочь ростовщика», романъ.—Сѣверцовъ, Г. Т. «Нравственныя калѣки», повѣсть.—

Казибекъ, Юрій. Разсказы изъ жизни черкесовъ до ихъ покоренія.—Аѳанасьевъ, И. И. «Позорное наслѣдство», романъ и проч.

ПОДПИСНАЯ ГОДОВАЯ ЦѢНА ПРЕЖНЯЯ.

На годъ съ доставкой и по Имперіи: **8** р.—Безъ доставки въ Спб. **7** р.—въ Москвѣ **7** р. **75** к.

На полгода (съ доставкою по Имперіи) **4** р.—На три мѣсяца **2** р.—За границу: на годъ—**16** р. Разсрочка взносовъ на другіе сроки допускается, но по соглашенію съ Главною Конторою.

Годовые подписчики журнала «Живописное Обозрѣніе», желающіе пріобрѣсти новое художественное изданіе—библія въ картинахъ знаменитаго художника Г. Дорэ» (200 картинъ съ текстомъ и въ оберткѣ), уплачиваютъ 1 р. 50 к. за экземпляръ съ доставкою, а за прежнія изданія: портреты Ихъ Величествъ, «Бурлаки на Волгѣ», «Аѳонъ» и проч., уплачиваютъ за каждый экземпляръ картины (съ доставкою)—одинъ рубль. Безъ доставки въ Спб.—75 коп.

Главная контора журнала: Спб. невскій просп., д. № 68—40.

Иллюстрированное объявленіе и списокъ изданій высылается безплатно.

3—3

ГОДЪ ИЗДАНІЯ 85-Й. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** ГОДЪ ИЗДАНІЯ 85-Й.

1812. Большая ежедневная политическая и литературная газета (БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ) **1897.**

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

Печатается ежедневно въ двухъ изданіяхъ.

Первое изданіе выходитъ ежедневно листами большого формата

СЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ

Въ ежедневныхъ нумерахъ газеты сообщается о всѣхъ выдающихся событіяхъ въ придворной, духовной и военной сферахъ, а также всѣ важныя новости для столичной, внутренней и иностранной жизни, по свѣдѣніямъ спеціальныхъ корреспондентовъ газеты и телеграммъ, одновременно съ другими дорогими изданіями, а потому газета «Сынъ Отечества» въ первомъ (большомъ) изданіи

◆ ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЕТЪ ДОРОГОЕ И ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ. ◆

Кромѣ ежедневныхъ нумеровъ газеты, годовые подписчики получатъ:

1) **52** нумера воскресныхъ приложеній, печатаемыхъ на зеленевой глазированной бумагѣ, въ видѣ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала,

гдѣ помѣщаются романы повѣсти, разсказы, стихотворенія и болѣе 300 художественныхъ рисунковъ.

2) Двѣнадцать нумеровъ «Моды и рукодѣлія», замѣняющіе «модный журналъ».

3) Стѣнной календарь разсылается, какъ прибавленіе, при первомъ нумерѣ газеты.

НОВОЕ БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ.

Въ числѣ 52-хъ безплатныхъ приложеній всѣ годовые подписчики газеты «Сынъ Отечества» (первое изданіе), въ 1897 г., получатъ:

Третій томъ избранныхъ литературныхъ произведеній извѣстнаго писателя

А. МИХАЙЛОВА—„ГРѢХИ ПРОШЛАГО“.

Большой романъ, не вошедшій въ «Полное собраніе сочиненій».

Подписная цѣна на первое изданіе (съ доставкою):

На годъ 8 р.—На полгода 4 р.—На три мѣс. 2 р.—На одинъ мѣс. 1 р.

Разсрочка взносовъ допускается, но по соглашенію съ Главною Конторою.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ ГАЗЕТЫ „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“

Второе изданіе газеты «Сынъ Отечества» выходитъ ежедневно. Въ нумерахъ газеты помѣщаются всѣ выдающіяся новости, а также придворныя, административныя, военныя и научныя извѣстія и телеграммы—

ОДНОВРЕМЕННО СО ВСѢМИ ДРУГИМИ ДОРОГИМИ ИЗДАНІЯМИ.

4 Каждый воскресный нумеръ въ 1897 году будетъ выходить въ размѣрѣ отъ 12 до 16 страницъ, отпечатанныхъ на глазированной бумагѣ, съ художественно выполненными портретами Высочайшихъ особъ, современныхъ (русскихъ и иностранныхъ) государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, а также иллюстраціями торжествъ и событій, сосредоточивающихъ на себѣ, въ извѣстный моментъ, особое вниманіе русскаго общества. **2**

Подписная цѣна на второе изданіе (съ доставкою и пересылкою по Россіи): На годъ 4 рубля. На полгода 2 рубля. На три мѣсяца 1 рубль.

Годовые подписчики газеты „Сынъ Отечества“, въ 1897 году, могутъ получить новое роскошное изданіе, необходимое для каждой семьи, а именно:

Новый большой художественный альбомъ—

„Библія въ картинахъ знаменитаго художника Г. Дорэ“

(200 картинъ съ пояснительнымъ текстомъ и въ изящной оберткѣ).

Цѣна альбома для подписчиковъ (съ доставкою) 1 руб. 50 коп. Желающіе пріобрѣсти, вмѣсто премій, художественныя изданія (портреты

Ихъ Императорскихъ Величествъ, «Аѳонъ», «Бурлаки на Волгѣ», «Жертва Волги» и другіе за прежніе года), уплачиваютъ за каждый экземпляръ съ доставкою—одинъ рубль. Безъ доставки—75 коп.

Главная контора: Спб. Кіевскій пр., У аничкина моста д. № 68—40.

Иллюстрированное объявленіе и списокъ художественныхъ изданій высылаются безплатно.

3—3

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
Казанскаго Университета
на **1897** годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи: отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченіе изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды посторонннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студенческія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и заграницей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *Ѳ. Мищенко.*

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„С.-Петербурскія Вѣдомости“

въ 1897 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ казенныхъ прибавленій. на годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.	Съ казенными приб. на годъ.	6 мѣс.
Съ доставкой по гор. почтѣ.	16 р.—к.	9 р.—к.	4 р. 50 к.	1 р. 80 к.	18 р.—к.	10 р.—к.
Съ пересылкою иногородн.	17 р.—„	10 „—„	5 „ 50 к.	2 „ — „	19 „ —„	11 „ — „
За границу	26 „ —„	14 „—„	8 „ — „	3 „ — „	28 „ —„	16 „ — „

Подписка на газету съ казенными прибавленіями принимается только на годовой и полугодовой срокъ. Въ розничную продажу казенныя прибавленія не поступаютъ.

Подписка принимается: въ Петербургѣ, въ главной конторѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», Шпалерная, 26, и въ книжномъ магазинѣ Мелье (Невскій пр., № 20); въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, № 61.

Иногородные адресуютъ: С.-Петербургъ, Шпалерная, 26.

Редакторъ-издатель князь *Э. Э. Ухтомскій.*

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

„ЖУРНАЛЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА“

въ 1897 году.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ іюля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, о ъ 15 до 20 листовъ, подъ редакціей проф. В. Н. Латкина

Отдѣлы журнала: 1) оригинальныя статьи, 2) хроника—законодательства, гражданскаго, и уголовнаго суда, экономическое и земское обозрѣнія, 3) критика и библіографія, 4) замѣтки и извѣстія, 5) приложенія.

Въ теченіе 1896 года въ журналѣ были помѣщены слѣдующія статьи и замѣтки: Д. Дриля—Цѣлесообразна-ли современная ссылка въ качествѣ карательной мѣры; проф. В. Ивановскаго—Общія начала въ

устройствѣ губернскихъ властей; В. Каткова—Чекъ; М. Левитскаго—Къ вопросу о законахъ объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства: проф. А. Александренка—Тайный надзоръ за дипломатами въ XVIII в.; И. Кашкарова—Къ вопросу объ улучшеніи служебнаго быта кандидатовъ на судебныя должности; П. Коробки—Замѣтки мироваго судьи; проф. А. Гольмстена—Три вопроса изъ литовскаго гражданскаго права; А. Левенстима—Докторъ Гроссъ и его проектъ улучшенія слѣдственной части; О. Пергаментъ—Новые австрійскіе проекты гражданскихъ процессуальныхъ законовъ; Н. Водовозова—Католическая школа въ политической экономіи; И. Баралевскаго—О судопроизводствѣ въ Пріамурскомъ краѣ; Я. Городыскаго—Практика судебно-административныхъ учрежденій; Е. Васьковскаго—Недостатки устава гражданскаго судопроизводства; проф. В. Даневскаго—О необходимости преподаванія судебной медицины юристамъ; проф. В. Лебедева—Національзація земли и поземельная реформа; А. Тимофеева—Условное освобожденіе; Н. Максимова—О реформѣ судебныхъ учрежденій въ степныхъ областяхъ; А. Лонгинова—Слабыя стороны проекта уголовнаго уложенія; А. Башмакова—Право представленія и поколѣнное преемство; И. Озерова—Сравнительная преступность половъ; А. Дукмасова—О надзорѣ за привлеченіемъ къ отвѣтственности; Г. Вольтке—Объ указной долѣ овдовѣвшаго супруга; К. Дворжицкаго—Бродяги и законъ; В. Волжина—Процессуальный порядокъ уменьшенія наказаній по степенямъ; Н. Дружинина—Крестьяне и общее гражданское право; проф. Загоровскаго—Къ вопросу о пересмотрѣ нашего судебнаго права; Н. Полетаева—Граница уголовной отвѣтственности душевнобольныхъ Ф. Клинберга—къ вопросу о преобразованіи предварительнаго слѣдствія; В. Волжина—Законы, карающіе нарушенія постановленій о лѣсахъ; М. Левитскаго—По поводу 6-ой статьи устава о цензурѣ; проф. П. Суворова—Монастыри и церкви, какъ юридическія лица; А. Лонгинова—Недостатки законоположеній о надзорѣ за судебными установленіями; М. Левитскаго—О судебной карьерѣ; Б. Боуффала—О пропинаціонномъ правѣ; М. Мыша—О личномъ цензѣ для участія въ городскихъ выборахъ; С. Саблера—Къ ученію о суверенитетѣ въ государствѣ; В. Ефимова—О послѣднемъ проектѣ межеваго устава; К. Чихачева—Объ юридической силѣ кассаціонныхъ рѣшеній; А. Леонтьева—Юридическое положеніе мѣщанъ въ отношеніи къ домамъ въ городахъ; В. Каткова—Заключеніе договоровъ при посредствѣ электричества; В. Гессена—О прекращеніи подданства; Н. Полетаева—Душевная болѣзнь, какъ поводъ къ расторженію брака; Л. Бѣлецкаго—Замѣчанія на проектъ уголовнаго уложенія; М. Ретвиха—По поводу статей 173—175 мироваго устава; З. Корсака—Новыя работы по вопросу о первичной поземельной собственности: В. Волжина—Розыскъ обвиняемыхъ чрезъ публикаціи; В. Кобцева—къ вопросу о слабой уголовной репрессіи суда присяжныхъ; В.

Акимова—Патронатъ; Д. Никольскаго—XVI-ая сессія института международнаго права и мн. др.

Цѣна за годовое изданіе:

Въ СПБ. безъ доставки . . . . . 8 р.
Съ доставкою . . . . . 8 р. 50 к.
Съ пересылкою въ другіе города . . 9 р.

Подписчики, желающіе получать сверхъ того рѣшенія кассаціонныхъ департаментовъ сената, платятъ за журналъ и за рѣшенія съ доставкой и пересылкой 13 р. Подписка на рѣшенія отдѣльно, безъ журнала, стоитъ 4 р. Допускается разсрочка подписной платы. Кандидаты на судебныя и военно-судебныя должности, равно и учащіеся пользуются правомъ подписки за половинную цѣну, т. е., 4 р. 50 к. за журналъ и 8 р. 50 к. за журналъ съ кассаціонными рѣшеніями.

Подписка принимается въ конторѣ журнала (СПБ. Новоисаакіевская улица, д. № 14, кв. 7) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ проф. *В. Н. Латкинъ.*

3—2

Годъ въ **1897** году третій

„ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ“

будетъ выходить ежемѣсячно, за исключеніемъ іюля и августа, книгами въ объемѣ около 20 листовъ. Подписной годъ начинается съ Января 1897 г.

I. Узаконенія и распоряженія правительства.
II. Приказы о движеніи по службѣ и наградахъ по вѣдомству Министерства Юстиціи.
III. Циркулярныя распоряженія Министерства Юстиціи.
IV. Свѣдѣнія о занятіяхъ Высочайше утвержденной Коммисіи по пересмотру законоположеній по судебной части.
V. Статьи по вопросамъ научной и практической юриспруденціи преимущественно въ области судоустройства, уголовнаго права и судопроизводства, гражданскаго права и судопроизводства, торговаго права и судопроизводства, а также по межевому дѣлу.
VI. Обзоръ выдающихся явленій изъ области судебной практики. Положенія, извлеченныя изъ рѣшеній Правительствующаго Сената.
VII. Литературное обозрѣніе: а) критическіе отзывы о новыхъ книгахъ и брошюрахъ, русскихъ и иностранныхъ; б) текущій библіографическій указатель юридической литературы русской и иностранной

VIII. Обзоръ иностраннаго законодательства: подробныя свѣдѣнія о важнѣйшихъ новыхъ законахъ, распоряженіяхъ законопроектахъ въ иностранныхъ государствахъ.

IX. Историческіе матеріалы; разныя извѣстія.

Въ «Журналѣ Министерства Юстиціи» 1894—1896 г.г. были напечатаны статьи и замѣтки слѣдующихъ авторовъ:—Н. И. Архангельскаго, Н. И. Барковскаго, А. П. Башилова, С. В. Безобразова, С. А. Бершадскаго, Д. Б. Бера, А. М. Бобрищева-Пушкина, Л. С. Бѣлецкаго, Е. В. Васьковскаго, Г. Л. Вербловскаго, К. В. Верховскаго, М. М. Винавера, Б. Ю. Витте, кн. В. А. Волконскаго, А. К. Вульферта, Н. Н. Галкина-Врскаго, А. Г. Гасмана, М. Е. Гегидзе, В. М. Гессена, С. К. Гогеля, И. М. Гордона, Д. Д. Гримма, М. Ѳ. Громницкаго, А. Г. Гусакова, В. В. Давыдова, В. П. Даневскаго, В. Ѳ. Дейтриха, Н. А. Дингельштедта, бар. Р. А. Дистерло, М. А. Дьяконова, Я. К. Есиповича, В. Р. Завадскаго, С. В. Завадскаго, А. И. Загоровскаго, И. П. Закревскаго, К. П. Змирлова, Н. И. Ивановскаго, Д. Д. Иванова, П. А. Ифлянда, А. И. Каминки, Н. П. Карабчевскаго, А. Ѳ. Кони, Н. М. Коркунова, П. П. Короновскаго, В. И. Курдиновскаго, А. А. Левенстима, А. О. Липскаго, А. В. Лихачева, В. И Лихачева, П. А. Логанова, М. А. Лозина Лозинскаго, А. И. Лыкошина, П. Н. Миклашевскаго, Р. Р. Минцлова, М. И. Мыша, А. Н. Нейперта, В. М. Нечаева, С. П. Никонова, Э. Э. Пирвица, А. Ф. Поворинскаго, К. З. Постовскаго, Н. Г. Принтца, Е. А. Пушкина, Н. М. Рейнке, А. К. Фонъ-Резона, Н. Ф. Селиванова, В. И. Сергѣевича, Н. Д Сергѣевскаго, В. К. Случевскаго, И. И. Соллертинскаго, В. Д. Спасовича, М. С. Студентскаго, А. Т. Тимановскаго, А. Г. Тимофѣева, С. Н. Трегубова, Н. А. Тува, Д. В. Тутковича, И. М. Тютрюмова, кн. Н. П. Ухтомскаго, И. Я. Фойницкаго, А. Г. Чайковскаго, Г. Ф. Шершеневича и др.

Подписная плата 8 рублей въ годъ съ доставкою и пересылкою. Отдѣльныя книги продаются: безъ приложеній по 1 рублю, съ приложеніями—по 2 рубля.

Должностныя лица при подпискѣ черезъ казначеевъ пользуются разсрочкою до 1 рубля въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, при подпискѣ исключительно въ Главной Конторѣ, пользуются разсрочкою до 2 рублей въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, а также студенты Императорскихъ Университетовъ и Демидовскаго Юридическаго Лицея, Воспитанники Императорскихъ: Училища Правовѣдѣнія и Александровскаго Лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платятъ по 5 рублей въ годъ.

Книжные магазины пользуются за пріемъ подписки уступкою 10%.

Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, СПБургъ, Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28.

Объявленія для напечатанія въ «Журналѣ» принимаются въ Главной Конторѣ съ платою по разсчету 30 копѣекъ за строчку и 8 рублей за страницу.

Редакція Журнала Министерства Юстиціи находится въ С.-Петербургѣ, по Екатерининской улицѣ, въ зданіи Министерства Юстиціи.

Редакторъ *В. Ф. Дерюжинскій.*

3—2

ОБЪ ИЗДАНІИ

УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1897 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.

2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.

3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.

4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.

5. Программы, конспекты, библіографическіе указатели для учащихся.

6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.

7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.

8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.

9. Годичные отчеты по Университету.

10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.

11. Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.

12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14. Учебные труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части—1)—оффиціальную и протоколы, отчеты и т. п. 2) неоффиціальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами—критико-библіографическимъ, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій учен й литературы (русской и иностранной), и научной хроники, заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ прибавленіяхъ печатаются матеріалы, указатели библіотеки, списки таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1897 году будутъ выходить въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ Извѣстій безъ пересылки шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ, а съ пересылкою семь рублей. Въ случаѣе выхода приложеній (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики Извѣстій, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе Университетскихъ Извѣстій 3 руб., сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургѣ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, въ книжный магазинъ его же, или посредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Редакторъ *В. Иконниковъ.*

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ XII).

Въ 1896 г. въ «Сѣв. Вѣстн.» было, между, проч., напечатано: «Карьера Струкова» Пов. Эртеля. «О Развитіи Русскаго Народнаго Хо-

зяйства» Проф. К. Исаева. «Трильби». Ром. Ж.-дю-Морье. «Изъ писемъ Т. Н. Грановскаго». «Любовь и ревность у дѣтей» Д-ра В. Якубовича, «Въ дудкѣ» Пов. Вас. Немировича-Данченко. «О направленіяхъ современной Эстетики» Э. Радлова. «Quo Vadis» Ром. Ген. Сенкевича. «Воспоминанія о А. И. Герценѣ» Н. Тучковой-Огаревой. «Любовь» ром. О. Шапиръ. «Наслѣдственность пола» Е. Чижова. «Въ канканѣ» Пов. П. Боборыкина. «Дѣтство и отрочество П. И. Чайковскаго» М. Чайковскаго. «Двѣ новеллы: a) «Наука любви и b) Любовь сильнѣе смерти» Д. Мережковскаго. «Новѣйшая испанская литература» Проф. А. Шепелевича. «Зеркала» Пов. З. Гиппіусъ. «Сѣверный полюсъ и путешествіе Нансена» М. Венюкова. «Фридрихъ Ницше» Оч. Л. А. Саломэ «Жилищная нужда рабочихъ классовъ» Д. Герценштейна. «Гоголь и А. О Смирнова въ 1842—44 г.г.» В. Шенрока. «Новая французская школа въ музыкѣ» и «Ново-Германская музыка» А. Коптяева. «Александръ Дюма» и «Новыя теченія во Французскомъ романѣ» З. Венгеровой. «Новая побѣда науки» А. Гершуна. «Богъ театра» Разск. Я. Крюковского. Идея Иліады» Н. Минскаго «Таможенное разоруженіе» В. Бирюковича. «Исторія одного идейнаго преступленія» Проф. И. Оршанскаго. «Письма къ M-me Віардо и Г. Флоберу И. С. Тургенева». Искусство и дѣйствительность» Изъ соч. Дж. Рескина. «Реорганизація С.-Петербургскаго и Московскаго комитетовъ грамотности» Н. Арефьева. «Къ звѣздамъ» Раз. Ѳ. Сологуба. «Москва и Римъ» Проф. А. Брикнера. «Польскій публицистъ-художникъ» К. Льдова. «Тургеневъ и Толстой» Проф. Д. Овсянико-Куликовскаго. «Новая женщина и разводъ» П. Тверского. «Женскіе типы въ трагедіяхъ Расина» Проф. Ѳ. Батюшкова. «Сельско-Хозяйственные отхожіе промыслы» В. Бирюковича. «Плоскогорье» Ром. Л. Гуревичъ. «Нѣмецкій студентъ конца вѣка» Проф. А. Трачевскаго. «Атомизмъ и энергетизмъ» Проф. А. Введенскаго. «На конкурсѣ». Раз. А. Стерна., и мн. друг. — Стихи: Н. Минскаго, Д. Мережковскаго, З. Гиппіусъ, К. Льдова, К, Фофанова, К. Бальмонта, Ѳ. Соллогуба, О. Чюминой и др.

Постоянные отдѣлы въ журналѣ:

I. «Вопросы самообразованія» (Статьи проф. Боргмана, проф. А. Козлова, проф. В. Шимкевича, проф. К. Поссе, проф. Л. Шепелевича, Н. Усова, проф. А. Брикнера и др. II. Областной отдѣлъ». III. Земскій отдѣлъ» (Статьи Земское и городское самоуправленіе» М. Стиваля, «Земскіе финансы» В. Бирюковича, «Взаимное земское страхованіе» П Ск—ского, «Земское и городское самоуправленіе» П. Кузнецова и др.). IV. «Провинціальная печать» Л. Горева. V. «Внутреннее обозрѣніе». VI. «За предѣлами европейской Россіи» (Статьи: «Въ Сибири», «Кому пр свѣщать Сибирь»? «Земство въ Сибири», «Ссылка въ отдаленныя мѣста Сибири», «Земская школа въ Сибири» и др. Н. Арефьева. «Кавказъ» М. П., «При-

балтійскій край» П. К. «Привислянскій край» М. П. «Финляндскія дѣла» П. Кузнецова). VII. Кореспонденціи изъ-заграницы». VIII. Изъ жизни и литературы». IX. «Критика» X. «Библіографія». XI. «Литературныя замѣтки» А. Волынскаго (Статьи: «Власть тьмы», «Современная русская беллетристика», «Философскія теченія въ русской поэзіи», «Книга Куно-Фишера о Шопенгауэрѣ», «Два послѣднихъ романа Золя», «Польскій романистъ Сенкевичъ» и др.).

Подписная цѣна на журналъ понижена (безъ измѣненія объема и состава книженъ). Разсрочка для иногородныхъ приспособлена къ удобствамъ почтовой пересылки денегъ:

Условія подписки:

	Годъ.	1/2 г.	1/4 г.	1 мѣс.
Для иногородныхъ . . .	12 р.	6 р.	3 р.	1 р.
» городскихъ (съ дост.)	11 »	5 » 50 к.	2 » 75 к.	90 к.
» заграничныхъ . . .	14 »	7 »	4	

Подписка принимается: въ Гл. Конторѣ, Спб., Троицкая, 9; въ Москвѣ, въ Отдѣл. Конт. книжн. магаз. К. Тихомирова, Кузнецкій мостъ; въ кн. маг. Карбасникова, «Новое Время», Печковской и др.

Редакторъ-Издательница *Л. Я. Гуревичъ.*

3—2

ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА

Екатеринославскія Губ. Вѣдомости.

«Екатеринославскія Губ. Вѣдомости» выходятъ ежедневно ,за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ, въ форматѣ большихъ провинціальныхъ газетъ.

Неоффиціальная часть «Екатеринославскихъ Губ. Вѣдомостей» имѣетъ программу частныхъ газетъ—въ ней помѣщаются: телеграммы Россійскаго телеграфнаго агентства и отъ собственныхъ корреспондентовъ; передовыя по вопросамъ общегосударственной и мѣстной губернской жизни; статьи, касающіяся различныхъ отраслей общественной дѣятельности, науки, искусства, сельскаго хозяйства, прикладныхъ знаній и пр.; театральныя рецензіи; корреспонденціи изъ Екатеринославской губерніи и другихъ мѣстъ; обозрѣніе печати; внутреннія и внѣшнія извѣстія; справочный отдѣлъ банковыя свѣдѣнія, вѣдомость о прибывающихъ грузахъ, списокъ назначенныхъ къ слушанію въ судѣ дѣлъ и проч.; въ фельетонномъ отдѣлѣ помѣщаются еженедѣльные обзоры мѣстной жизни и по Россіи, критическіе обзоры журналовъ, а также повѣсти и разсказы, переводные и ориги-

нальные. «Екатеринославскія Губ. Вѣдомости» имѣютъ цѣлью служить главнымъ образомъ, мѣстнымъ интересамъ и нуждамъ, причемъ даютъ читателямъ и всѣ выдающіяся свѣдѣнія изъ русской и иностранной жизни.,

Въ 1897 году въ «Екатеринославскихъ Губ. Вѣдомостяхъ еженедѣльно будетъ печататься, въ видѣ прибавленія, особый **«отдѣлъ екатеринославскаго уѣзднаго земства»** открываемый по ходатайству земскаго собранія, въ которомъ, помимо свѣдѣній о дѣятельности Екатеринославскаго уѣзднаго земства, будутъ помѣщаться свѣдѣнія, касающіяся вообще земскаго дѣла, народнаго образованія, медицины, а также по сельскому хозяйству, примѣнительно къ югу Россіи, по хлѣбной торговлѣ, найму рабочихъ и прочія полезныя для сельскаго населенія сообщенія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ И ДОСТАВКОЙ:

на годъ	8 р.	на три мѣсяца . . .	2 р. 60 к
на полгода	4 р. 40 к.	на одинъ мѣсяцъ . .	1 р.

Преподаватели учебныхъ заведеній платятъ 6 руб. въ годъ.

Подписка принимается: а) въ конторѣ редакціи при Губернской Типографіи (Проспектъ), б) въ Екатеринославскомъ городскомъ полицейскомъ управленіи и у Гг. частныхъ приставовъ г. Екатеринослава и г) у Гг. исправниковъ и становыхъ приставовъ Екатеринославской губерніи. Для служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ допускается разсрочка: уплата производится по 1 руб. ежемѣсячно, начинается съ января.

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХ. АКАДЕМІИ“

на 1897 годъ

(ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ).

Журналъ «Труды Кіевской дух. Академіи» выходитъ по прежде утвержденной программѣ—ежемѣсячно книгами отъ 10 до 12 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе 7 р., за границу—8 р. съ перес.

Въ журналѣ «Труды» помѣщаются статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной Академіи, по предметамъ общезанимательныя и по изложенію доступныя большинству читателей, а также пе-

реводы твореній блаж. Іеронима и блаж. Августина, которые, въ отдѣльныхъ оттискахъ, будутъ служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіемъ «Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ».

Указомъ св. Синода отъ $^{3}/_{29}$ февр. 1884 г., подписка какъ на Труды», такъ и на «Библіотеку твореній св. отцевъ и учителей ц. западныхъ», рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, каѳедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

Труды Академіи за прежніе годы продаются по уменьшеннымъ цѣнамъ, именно: за 1860—1878 по 5 р., за 1879—1883 г.г. по 6 р., за 1885—1895 г.г. по прежней цѣнѣ, т. е. по 7 р. съ перес. За 1884 г. всѣ экземпляры Трудовъ распроданы.

Въ Редакціи Трудовъ продаются еще слѣдующія изданія и книги.

„Воскресное Чтеніе за слѣдующіе годы существованія его при Академіи: за $18^{37}/_{38}$ г. (т. I), $18^{41}/_{42}$ (V), $18^{47}/_{48}$ (XI), $18^{48}/_{49}$ (XII), $18^{51}/_{52}$ (XV), $18^{53}/_{54}$ (XVII), $18^{54}/_{55}$ (XVIII), $18^{55}/_{56}$ (XIX), $18^{56}/_{57}$ (XX), $18^{57}/_{58}$ (XXI), $18^{60}/_{61}$ (XXIV), $18^{61}/_{62}$, (XXV), $^{62}/_{64}$ (XXVII), $18^{64}/_{65}$ (XXVIII) $18^{65}/_{66}$ (XXIX), $18^{66}/_{67}$ (XXX), $18^{67}/_{68}$ (XXXI), $18^{68}/_{69}$ (XXXII), $18^{69}/_{70}$ (XXXIII), $18^{70}/_{71}$ (XXXIV), за 1879, 1880, 1881 1882 и 1883 г.г. Цѣна за каждый годъ по 4 руб. съ перес.

«Владимірскій Сборникъ въ память девятисотлѣтія крещенія Россіи» (Сказанія о посѣщеніи Русской страны св. апостоломъ Андреемъ. Н. И. Малышевскаго. Владиміръ св., какъ политическій дѣятель. В. Е. Завитневича. Древнія изображенія св. Владиміра. Н. И. Петрова. Чествованіе памяти св. Владиміра на югѣ Россіи и въ частности въ Кіевѣ. Его же, Слово сказанное 10 іюля 1888 г. В. Ѳ. Пѣвницкаго). Ц. 2 р. съ перес.

Празднованіе 900-лѣтія крещенія русскаго народа въ Кіевѣ (съ рисунками, относящимися къ празднеству). Ц. 2 р. 50 к., на лучшей бумагѣ—3 р. 50 к. съ перес.

Изъясненіе божественной литургіи. Арсенія, м. кіев. (450 стр.). 2 р.

Толкованіе на первые 26 псалмовъ. Его же. (634, 8-о). 2 р.

Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ: а) св. Кипріана карѳагенскаго, ч. 1—2, б) бл. Іеронима стридонскаго, ч. 1—13 и в) бл. Августина иппонійскаго, ч. 1—8—Ц на каждой части 2 р. съ перес., кромѣ 9-й части твор. бл. Іеронима, которая стоитъ 1 р. 50 к. съ перес.

«Книга для назидательнаго чтенія» (Сборникъ статей изъ «Воскреснаго Чтенія» за 1837—1868 г.г.). Изд. 4-е. Книга эта одобрена Особ. Отд. Ученаго Комитета Минист. Нар. Просв. для ученическихъ народныхъ библіотекъ и Училищ. Совѣтомъ при Св. Синодѣ—къ употребленію въ ц.-приход. школахъ въ качествѣ книги для внѣкласснаго чтенія. Ц. 1 р. съ перес. При требованіи 100 и болѣе экз. допускается уступка для Епарх. училищ. Совѣтовъ 40%, а для книжныхъ магазиновъ—30%.

Опытъ православ. догматическаго богословія (съ историческимъ изложеніемъ догматовъ) Еп. Сильвестра. Т. 1-й, изд. 3-е, ц. 1 р. 70 к.;

т. 2-й, изд. 3-е, ц. 3 р. 30; т. 3-й изд. 2-е, ц. 3 р.; т. 4-й, ц. 3 р. и т. 5-й, ц. 3 р. съ перес.

Празднованіе воскреснаго дня (его исторія и назначеніе) Смирнова Д. 1893 г. Ц. 2 р съ перес.

Буддизмъ и христіанство. Сравненіе легендарной исторіи и ученія Будды съ евангельской исторіей и ученіемъ нашего Господа І. Христа С. Келлога. Переводъ съ англ. доцента Академіи Ѳ. С. Орнатскаго. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. 1894 т. Ц. 1 р. 75 к. съ перес.

Священникъ. Приготовленіе къ священству и жизнь священника. В Ѳ. Пѣвницкаго. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

Съ требованіями какъ относительно журнала «Труды», такъ и другихъ изданій и книгъ редакція проситъ обращаться непосредственно къ ней—въ Редакцію журнала «Труды Кіевской дух. Академіи», въ Кіевѣ.

Редакторъ проф. *В. Пѣвницкій*

3—2

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА въ 1897 году на Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Въ 1897 г. „Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ“ будутъ выходить шесть разъ въ годъ (1 выпускъ въ концѣ января, а слѣдующіе въ первыхъ числахъ марта, мая, іюля, сентября и ноября) книжками 7—8 листовъ in 8⁰.

Содержаніе книжекъ „Извѣстій“ составляетъ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи;

2) Спеціальныя изслѣдованія и статьи по археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья. Средней Азіи и Сибири):

3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодческихъ изданій Восточной Россіи;

4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;

5) Программы по спеціальнымъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи;

6) Библіографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ «Извѣстіяхъ» принимаютъ участіе: Н. Ѳ. Акаемовъ, проф. А. И. Александровъ, И. В. Аничковъ (Ауліэ-Ата), Г. Ахмаровъ. Ш. Г. И. Ахмеровъ, проф. В. А. Богородицкій, проф Е. Ѳ. Будде, К. В. Виклюндъ (Упсала), В. Н. Витевскій, Г. Вихманъ (Гельсингфорсъ), А. О. Гейкель (Гельсингфорсъ), М. Е. Евсевьевъ, И. А. Износковъ, Ѳ. И. Кардасевичъ (Будапешть) Г. Е. Катанаевъ (Омскъ), Н. Ѳ. Катановъ, С. И. Кедровъ (Саратовъ), А. К. Кулагинъ, акад. В В. Латышевъ, Н. М. Мартьяновъ, (Минусинскъ), В. А. Машковъ (Варшава) еписк. Никаноръ, П. М. Овчинниковъ (Иркутскъ), П. А. Пономаревъ, Г. Н. Потанинъ (С.-Петербургъ), проф. И. Н. Смирновъ, А. А. Спицынъ, Ѳ. А. Теплоуховъ (Пермь), В. М. Терехинъ (Пенза), П. В Траубенбергъ, проф. А. А. Штукенбергъ, пр.-доц. Н. Н. Ѳирсовъ и др.

Цѣна годовому изданію 5 руб. каждая книжка отдѣльно 1 руб. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 іюля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданіе безплатно.

Подписныя суммы адресуются; Казань, Университетъ, Секретарю Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

«Извѣстія» выходятъ подъ редакціей Секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

Выписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

Секретарь Общества *Н. Катановъ.*

2—2

О ПОДПИСКѢ НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

въ 1897 году.

Основанный въ 1870 году, ежемѣсячный историческій журналъ «Русская Старина», вступая въ 1897 году въ двадцать восьмой годъ своего существованія, остается и въ будущемъ вѣренъ своей первоначальной программѣ—разрабатывать русскіе историческіе матеріалы и знакомить чи-

тателей съ историческими дѣятелями Русской земли. Редакція не считаетъ нужнымъ перечислять статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ нашего изданія можно считать вполнѣ обезпеченнымъ. По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца. Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой. Подписка принимается въ Главной конторѣ журнала, въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, домъ № 145, кв. № 1.

Редакторъ *Н. Дубровинъ*.

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА ДУХОВНО-АКАДЕМИЧЕСКІЕ ЖУРНАЛЫ

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

и

„ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“,

1 «Церковный Вѣстникъ»—еженедѣльный журналъ, служащій органомъ богословской мысли и церковно-общественной жизни въ Россіи и за границей.

2) «Христіанское Чтеніе»—ежемѣсячный журналъ, органъ богословской и церковно-исторической науки въ общедоступномъ изложеніи.

Примѣч. Доселѣ «Христ. Чтеніе» издавалось по одной книжкѣ въ два мѣсяца. Съ будущаго 1897 года оно, въ удовлетвореніе желанія многихъ подписчиковъ, будетъ выходить ежемѣсячно, книжками отъ 10 до 12 печ. листовъ. Цѣна на него остается прежняя, т. е. 5 рублей на годъ, и только подписчики, получающіе его совмѣстно съ «Церковнымъ Вѣстникомъ» за два рубля, приплачиваютъ на почтовый расходъ за шесть дополнительныхъ книжекъ одинъ рубль.

Въ качествѣ приложенія къ журналамъ редакція издаетъ:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА

въ русскомъ переводѣ на весьма льготныхъ для своихъ подписчиковъ условіяхъ. Именно, подписчики на оба журнала получаютъ ежегодно большой томъ этихъ твореній въ двухъ книгахъ (около 1,000 страницъ убористаго, но четкаго шрифта) вмѣсто номинальной цѣны въ три рубля за одинъ рубль, и подписчики на одинъ изъ нихъ—за 1 р. 50 к., считая въ томъ и пересылку. При такихъ льготныхъ условіяхъ всѣ подписчики «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія» получаютъ возможность при самомъ незначительномъ ежегодномъ расходѣ пріобрѣсть полное,

собраніе твореній одного изъ величайшихъ отцевъ церкви,—собраніе, которое по богатству и разнообразію содержанія составляетъ цѣлую библіотеку богословской литературы ея золотого вѣка.

Въ 1897 г. будетъ изданъ третій томъ въ двухъ книгахъ, въ который войдутъ толкованія на разныя мѣста св. Писанія, бесѣды на разные случаи, а также письма къ діакониссѣ Олимпіадѣ и вся остальная переписка св. отца.

Новые подписчики, желающіе получить и первые два тома, благоволятъ прилагать къ подписной цѣнѣ по два рубля за томъ, въ изящномъ англійскомъ переплетѣ—по 2 р. 50 коп.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

а) Отдѣльно за «Церковный Вѣстникъ» 5 (пять) руб., съ приложеніемъ **Твореній Св. Іоанна Златоуста»—6 р. 50 к**; за «Христіанское Чтеніе» 5 (пять) руб., съ приложеніемъ **«Твореній Св. Іоанна Златоуста»—6 р. 50 к.**

б) За оба журнала 8 (восемь) руб. съ приложеніемъ **«Твореній Св. Іоанна Златоуста»—9** (девять) руб. съ пересылкой.

ЦѢНА ЗА ГРАНИЦЕЙ.

За оба журнала 10 (десять) руб.; съ приложеніемъ **«Твореній Св. Іоанна Златоуста»—11 р. 50 к.**; за каждые отдѣльно 7 (семь) руб.; съ приложеніемъ **«Твореній Св. Іоанна Златоуста» —9** рублей.

За изящный англійскій переплетъ прилагать 50 коп.

Иногородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: Въ Редакцію «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія» въ С.-Петербургѣ».

Подписывающіеся въ С.-Петербургѣ обращаются въ контору редакціи (Пески, уголъ 7-й улицы и Дегтярной д. № 26—30, кв. № 8), гдѣ можно получать также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія и разсылки при «Церковномъ Вѣстникѣ».

Редакторъ проф. *А. Лопухинъ.*

2—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ.

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Программа газеты: I. Дѣйствія правительства. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной

жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ «Южнаго края» и «Россійскаго Телеграфнаго Агентства» V. Послѣднія извѣстія (сообщеніе собственныхъ петербургскихъ корреспондентовъ и извѣстія другихъ газетъ) VI. Мѣстная хроника VII. Наука и искусство VIII. Театръ и музыка IX. Отголоски (маленькій фельетонъ) X. Вѣсти съ юга, корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ XII. Внѣшнія извѣстія, заграничная жизнь, послѣдняя почта XIII. Фельетонъ: научный, литературный, художественный и обществ иной жизни. Беллетристика. XIV. Судебная хроника XV. Критика и библіографія XVI. Смѣсь XVII. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ XVIII. Почтовый ящикъ XIX. Календарь XX. Справочныя свѣдѣнія: дѣла, назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и проч. Свѣдѣнія о прибывшихъ грузахъ на ст. Харьковъ и другія. XXI. Сторонніе сообщенія XXII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

Въ «Южномъ Краѣ» помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политипажи, имѣющіе отношенія къ текущимъ событіямъ.

Съ конца текущаго 1896 года «Южный Край» будетъ печататься новымъ болѣе убористымъ шрифтомъ, что дастъ возможность значительно увеличить объемъ содержанія газеты.

Подписная цѣна на 1897 годъ

Съ доставкою иногороднимъ:

На 12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.
11 —	10 50,	10 —	9 20,	8 50,	7 80,	7 —	6 —	5 —	4 —	3 —	1 50

Съ доставкою въ Харковѣ:

10 — 9 50, 9 — 8 35, 7 50, 6 75, 6 — 5 25, 4 50, 3 40, 2 40, 1 20

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ Харьковѣ—въ главной конторѣ газеты «Южный Край», на Николаевской площади въ Городскомъ домѣ.

Редакторъ-издатель *А. А. Іозефовичъ.*

3—3

Открыта подписка на 1897 годъ

НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ".

(Изданія годъ восьмой).

Выходитъ въ Москвѣ безъ предварительной цензуры, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками до 30 печатныхъ листовъ по той же программѣ и при участіи тѣхъ же ближайшихъ сотрудниковъ, что и въ прежніе годы.

Содержаніе журнала и въ 1897 году будетъ отличаться обычнымъ разнообразіемъ и полнотой. Кромѣ богатаго запаса беллетристическихъ произведеній (романовъ, повѣстей, разсказовъ, стихотвореніе и т. п.), пріобрѣтены, между прочимъ, неизданныя Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ, А. Н. Островскомъ (воспоминанія его секретаря), Воспоминанія покойнаго архіепископа Никанора, посмертныя статьи Ю. Н. Говорухи-Отрока (Ю. Николаева), письма М. Н. Каткова, П. М. Леонтьева, И. С. и К. С. Аксаковыхъ, И. С. Тургенева, К. Н. Леонтьева, Н. П. Гилярова-Платонова, Н. С. Кохановскій, А. И. Герцена, Н. П. Огарева и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ пересылкой и доставкой: на годъ—15 руб., на полгода 7 р. 50 к., на 3 мѣсяца—3 р. 75 к., на 1 мѣсяцъ 1 р. 25 к. За границу съ пересылкой 18 р.

Для лицъ духовнаго званія, для т.т. преподавателей высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, для лицъ военнаго сословія и для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ подписная цѣна: 1 годъ—12 руб., 6 мѣс.—6 руб., 3 мѣс.—3 р., 1 мѣс.—1 р. За границу 15 р. съ пересылкой.

Правительственныя и общественныя учрежденія всѣхъ вѣдомствъ, полковыя библіотеки, военныя собранія, а равно и лица, состоящія въ оныхъ на службѣ, могутъ получать журналъ въ кредитъ, заявивъ о семъ въ конторѣ журнала чрезъ свои канцеляріи.

NB. Годовые подписчики Русскаго Обозрѣнія, подписавшіеся одновременно и на газету Русское Слово (изданія годъ III), пользуются значительною уступкой, уплативъ за оба изданія (ежемѣсячный журналъ и ежедневную газету) всего только 16 руб. (вмѣсто 20) въ годъ

Въ такомъ случаѣ слѣдуетъ обращаться (лично или письменно) исключительно въ наши конторы:

1) Москва. Русское Обозрѣніе (уг. Тверской и М. Гнѣздиковскаго пер., д. Спиридонова).

2) Москва. Русское Слово (Страстной бульваръ, д. Перлова).

Подписка принимается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ, съ разсрочкой же платежа просятъ адресоваться исключительно въ контору журнала.

Книги журнала за всѣ 6 лѣтъ съ основанія (1890—1895 г.г.) продаются въ конторѣ редакціи по 5 р. за годъ. За пересылку доплачивается на мѣстѣ по разсчету. Выписывающимъ всѣ шесть лѣтъ—пересылка на счетъ редакціи.

Редакторъ-издатель *Анатолій Александровъ.*

3—1

Открыта подписка на 1897 г.

на издающіеся безъ предварительной цензуры

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ВОСХОДЪ“

и газету „Недѣльная Хроника Восхода“.

17-й годъ изданія,

Въ 1897 году журналъ „Восходъ“ и газета „Недѣльная Хроника Восхода“ будутъ издаваться по той же программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ и въ предыдущіе годы.

Редакція имѣетъ своихъ спеціальныхъ корреспондентовъ въ Палестинѣ, Аргентинѣ, Нью-іоркѣ, Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Римѣ и вообще во всѣхъ крупныхъ центрахъ Россіи и за границей.

Въ ближайшихъ книгахъ „Восхода“, между прочимъ, будетъ помѣщено:

Гоѳолія. Драма въ пяти дѣйствіяхъ Расина. Переводъ въ стихахъ О. Н. Чюминой. (Михайловой).—Къ исторіи еврейскихъ сектъ А. Я. Гаркави.—У марокканскихъ евреевъ. В. И. Немировича-Данченко —Письма о старомъ

и новомъ еврействѣ. С. М. Дубнова.—Бѣгство. Разсказъ. Бенъ-Ами.—Евреи въ Англіи въ послѣдніе три вѣка. М. И. Кулишера. Берлинскіе еврейскіе салоны. По вновь открытымъ рукописнымъ документамъ Проф. берлинскаго университета Людвига Гейгера.—(Переводъ съ рукописи).—Пятидесятилѣтніе ученo-литературной дѣятельности проф. Д. А. Хвольсона. Барона Д. Г. Гинцбурга.—Институтъ ритуальной чистоты у евреевъ. Д-ра Л. С. Каценельсона.—Роза Майгольдъ. Романъ. С. О Ярошевскаго.—Евреи въ лондонской національной галлереѣ. Рапопорта.—Профессоръ Гейнрихъ фонъ Трейчке и евреи. По поводу полнаго собранія соч. Трейчке. Проф. берлирскаго университета Л. Гейгера. (Переводъ съ рукописи).—Уріель Акоста. Историческая харнктеристика. И. Зангвилля.—Императрица Екатерина вторая и евреи. М. И. Кулишера.—Потомокъ крестоносцевъ. Очеркъ. Н. Пружанскаго.—Переписка объ упадкѣ Еврейства и способахъ его возрожденія. Макса Нордау. И. Зангвилля и др. и отвѣты С. Бернфельда и Р. И. Сементковскаго.—Изъ юношескихъ воспоминаній. Фрица Маутнера (автора романа „Новый Агасферъ“). Переводъ съ рукописи.—О нѣкоторыхъ нуждахъ еврейскаго населенія Россіи. Д-ра С. О. Грузенберга.—Объ этнографическихъ изслѣдованіяхъ въ чертѣ еврейской осѣдлости. Л. М. Брамсона.—Хадъ-Гадья. Психологическій этюдъ. И. Зангвилля.—Еврейки на берлинскомъ женскомъ конгрессѣ. Л. Винца.—Генеральша. Разсказъ доктора Н. Пружанскаго.—Хайбарскій ядъ. Изъ хроники VII-го вѣка. Поэма въ стихахъ. В. Лебедева.—Кромѣ того, въ распоряженіи редакціи имѣется еще много разныхъ беллетристическихъ произведеній: повѣсти, разсказы, очерки, а также стихотворенія С. Г. Фруга, К. М. Фофанова, Н. О Чуминой, К. Н. Льдова, В. Лебедева, Н. Григоровича, А. М. Федорова и др.

Цѣна за годъ журнала «*Восходъ*» и газеты «*Недѣльная Хроника Восхода*» 10 р., на полгода 6 р., ва 3 мѣсяца 3 р. За-границей на годъ 12 р., на полгода 7 р. Разсрочка подписной платы допускается только для лицъ, подписывающихся съ 1 января на годъ, на слѣдующихъ условіяхъ; при подпискѣ 4 р., къ 1 марта 3 р. и къ 1 іюля 3 р.

Подписка принимается: въ главной конторѣ редакціи, С.-Петербургъ, Театральная площадь, 2, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Новые подписчики, желающіе получить первые 15 листовъ «Іудейскихъ Древностей» І. Флавія, благоволятъ прислать еще 1 р.

Новые подписчики, если они этого пожелаютъ, могутъ получать безплатно газету «Недѣльную Хронику» въ 1896 г., со дня полученія ихъ подписки.

Редакторъ-издатель *А. Е Ландау.*

3—1

БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ

Подписная цѣна со всѣми приложеніями на годъ 4 руб.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

Подписная цѣна со всѣми приложеніями съ пересылкою на три мѣсяца . . 1 р.
главная контора СПБ., Невскій, 28.

БОЛЬШАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ БЕЗЦЕНЗУРНАЯ ГАЗЕТА

самостоятельный и безусловно независимый органъ печати, свободная отъ всякихъ мѣстныхъ вліяній, эта газета являетъ наиболѣе полнымъ

Выразителемъ нуждъ провинціи.

Главные отдѣлы газеты, а въ особенности: передовой, политическій, столичной и провинціальной общественной жизни, фельетона, корреспонденціи и пр.,—по своей полнотѣ и свѣжести совершенно отвѣчаютъ подобнымъ же отдѣламъ другихъ большихъ столичныхъ газетъ. Въ ней принимаютъ участіе цѣлый рядъ.

Извѣстнѣйшихъ русскихъ писателей,

произведенія коихъ составляютъ главную притягательную силу ежемѣсячныхъ (толстыхъ) журналовъ.

Знамя газеты—(стоять крѣпко за правду, законъ и достоинство Россіи, дѣйствуя примирительно во всѣхъ вопросахъ касающихся, какъ отдѣльныхъ классовъ населенія, такъ и народностей входящихъ въ составъ Русской Имперіи.

ИЛЛЮСТРАЦІИ

на современія дня

какъ русской, такъ и иностранной политической и общественной жизни будутъ помѣщаться не только въ литературной части воскресныхъ номеровъ, но и въ самой газетѣ по мѣрѣ надобности нѣсколько разъ въ недѣлю или же

ЕЖЕДНЕВНО.

ВЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ

ВОСКРЕСНЫХЪ НОМЕРАХЪ

состоящихъ каждый изъ 12—16 страницъ (изъ коихъ 8—12 печатаются въ форматѣ еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ журналовъ, на бѣлой гла-

зированной бумагѣ) въ наступающемъ году будутъ напечатаны, сверхъ большого романа въ 3-хъ частяхъ

І. И. Ясинскаго (Максима Бѣлинскаго)

„ТАЙНА ЗАГОРСКОЙ УСАДЬБЫ“,

новѣйшія беллетристическія произведенія слѣдующихъ извѣстныхъ русскихъ писателей:

ВАС. ИВ. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО

большой романъ въ 3 частяхъ

„ЖЕРТВА ПОКАЯННАЯ“.

П. Д. БОБОРЫКИНА

разсказъ

„ДВѢ КАѲЕДРЫ“.

Кота Мурлыки (проф. Вагнера) повѣсть, «Доброе дѣло». Н. И. Мердеръ, «Искательница», очеркъ изъ петерб. нравовъ. Л. А. Авиловой, разсказъ «Злая воля». Б. С. Мережковскаго, историческая повѣсть «Микель Анжело». Ѳедора Сологуба, разсказъ «Женя». П. А. Сергѣенко, повѣсть «Встрѣча».

Подписная цѣна на второе изданіе

„БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“

со всѣми приложеніями и съ пересылкой въ Россіи:

На годъ 4 руб., на 3 мѣсяца 1 руб. ноябрь, декабрь, январь, на мѣсяцъ 35 коп.

Главная контора: С.-Петербургъ, Невскій, 28:

3—1

Открыта подписка на 1897 годъ (восьмой годъ изданія)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

РУССКАЯ ШКОЛА.

Въ теченіе 1896 года въ «Русской Школѣ» были напечатаны между прочимъ, слѣд. статьи: 1) Автобіографія Н. И. Пирогова; 2) Сельская школа и учитель (Воспоминанія и замѣтки) К. Барсова; 3) Педагогическіе матеріалы. (Замѣтки и наблюденія начальнаго учителя К. Чернецкаго;

4) Изъ дневника учительницы воскресной школы К-ой; 5) Какъ мы устроили мужицкую академію. М. Слобожанина; 6) Историческій очеркъ учрежденій для воспитанія дѣтей дошкольнаго возраста. П. Ѳ. Каптерева; 7) Къ годовщинѣ дня рожденія Песталоцци. Л. Н. Модзалевскаго; 8) Ушинскій, какъ редакторъ журнала Мин. Нар. Просв. Я. Г. Гуревича; 9) Учебныя заведенія въ Англіи и Бельгіи (По личнымъ наблюденіямъ) М. А. Лялиной; 10) Вѣна, Цюрихъ, Женева (Педаг. замѣтки и впечатлѣнія). Е. Чебышевой-Дмитріевой; 11) Учебно-педагогическій отдѣлъ на всемірной выставкѣ въ Чикаго. А. А. Красева; 12) Умственное утомленіе учащихся по новѣйшимъ изслѣдованіямъ врачей А. С. Виріпуса; 13) Нравственность у дѣтей и нравственное воспитаніе. Л. Е. Оболенскаго; 14) Педагогическая подготовка учителей заграницею и у насъ. Д. Д. Семенова; 15) О подготовкѣ учителей для сельско-хозяйственныхъ школъ. И. И. Мещерскаго; 16) Мысли о современномъ воспитаніи. А. С. Симоновичъ; 17) Мысли женщинъ о постановкѣ средняго женскаго образованія. Кл. Фармаковской; 18) Мысли Н. Н. Страхова о нашемъ среднемъ образованіи. В. Афанасьева; 19) Замѣтка по поводу статьи Даневскаго о «единой школѣ». Графа Павла Капниста; 20) Возможно-ли и нужно-ли у насъ обязательное обученіе? В. П. Вахтерова; 21) Народныя чтенія. Его-же; 22) Сводъ отзывовъ мѣстныхъ дѣятелей по вопросу объ обязательномъ обученіи. А. Ѳ. Гартвига; 23) Вопросъ о всеобщемъ обученіи въ разработкѣ московскаго земства Д. Д. Лобанова; 24) Сельскія школы и вопросъ объ обязательномъ обученіи въ Финляндіи. В. Ю. Скаллона; 25) Чему мы можемъ поучиться у американцевъ въ дѣлѣ организаціи начальной школы? В. И. Фармаковскаго; 26) Какія нужно произвести измѣненія въ курсѣ городскихъ училищъ по Положенію 31 мая 1872 г.? А. Раменскаго; 27) Наши воскресныя школы и ихъ нужды. Я. В. Абрамова; 28) Воскресно-повторительная школа для учениковъ, оканчивающихъ курсъ въ начальныхъ городскихъ училищахъ. О. Х. Павловичъ; 29) По вопросу о введеніи въ программу начальныхъ училищъ сельскаго хозяйства. С. А. Бобровскаго; 30) Живое слово какъ предметъ обученія въ семьѣ и школѣ. И. А. Анастасіева; 31) Педагогика какъ предметъ обученія въ женскихъ гимназіяхъ. С. Брайловскаго; 32) О гимназическомъ преподаваніи логики. Л. Рутковскаго; 33) Сравнительный способъ преподаванія русскаго и иностранныхъ языковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ А. А. Гофмана; 34) Неожиданныя темы. Ц. П. Балталона; 35) Объ изученіи церковно-славянскаго языка въ начальныхъ народныхъ училищахъ. Ив. Созонтьева; 36) По тановленія по народному образованію земскихъ собраній въ 1895 года. И. П. Бѣлокопскаго.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками не менѣе десяти печатн. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ съ доставкою—6 р. 50 к.;

для иногородныхъ—семь руб.; за-границу—девять руб. Учители сельскихъ школъ пользуются уступкою въ одинъ рубль. Земства, выписывающія не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 10%. Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (Лиговка 1, Гимназія Гуревича), и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго времени».

Имѣются экземпляры и за предъидущіе годы (кромѣ 1890 г.) по означенной цѣнѣ.

Редакторъ-Издатель Я. Гуревичъ.

3—1

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.